

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт лингвистических исследований

Г. Н. Складревская

МЕТАФОРА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Ответственный редактор
акад. Д. Н. ШМЕЛЕВ

«Наука»
Санкт-Петербург
1993

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Рецензенты:

П. Н. ДЕНИСОВ И З. М. ПЕТРОВА

70
Годы
500
1993

2007066434

С $\frac{4602000000-526}{042(02)-93}$ 522-92 (II)

© Г. Н. Скляревская, 1993

ISBN 5-02-028138-7

© Издательство «Наука», 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы переживаем время тотального интереса к метафоре. На феномене метафоры сосредоточили свое внимание философы, логики, психологи, психолингвисты, стилисты, литературоведы, семиологи. Этот факт связывают с теми изменениями, которые произошли в структуре и динамике современного знания о мире, а также с новой проблемой вербализации научного знания. Однако метафора прежде всего языковое явление и потому должна в первую очередь получить исчерпывающую интерпретацию в лингвистике. За последние десятилетия из отдельных исследований стала складываться лингвистическая теория метафоры, в фонд которой уже внесено много плодотворных идей, интересных интерпретаций фактического материала, практических разработок. Тем не менее разнородный материал не обобщен, его анализ содержит противоречивые выводы и решения, как бывает всегда, когда какое-либо явление исследуется интенсивно и многоаспектно. В целом в понимании метафоры как категории лингвистики много нерешенных и даже не выдвинутых для обсуждения вопросов.

В качестве фундаментальных могут быть названы следующие вопросы.

До сих пор лишь спорадически затрагивался вопрос о месте языковой метафоры в лексико-семантической системе языка. Работы, связанные с лингвистической сущностью метафоры, обычно либо строятся на материале художественного произведения (или ряда произведений), либо объектом исследования служит та или иная часть речи, либо языковые примеры подбираются исследователем произвольно. Глобальный лексический материал, который мог бы дать адекватное представление о месте языковой метафоры в лексической системе языка, до сих пор анализу не подвергался.

Не ставился вопрос о системном характере языковой метафоры на макроуровне (во внешнем аспекте системы).

Эти проблемы определили направление предлагаемого исследования.

Автор сердечно благодарит ответственного редактора академика Д. Н. Шмелева, рецензентов докторов филологических наук П. Н. Денисова и З. М. Петрову за глубокий анализ текста книги, а также члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова, докторов филологических наук Т. Г. Винокур, Л. С. Ковтун, Н. А. Лукьянову, Л. В. Сахарного, А. Н. Тихонова и кандидата филологиче-

ских наук О. С. Мжельскую за ценные замечания и рекомендации, которые были сделаны ими на разных этапах обсуждения книги и учтены автором при подготовке рукописи к печати. Автор выражает признательность сотрудникам Словарного отдела и членам Ученого совета Института русского языка РАН, принимавшим участие в обсуждении книги.

Только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение.

О. Манделштам

Введение

Истоки исследовательского интереса к метафоре связывают обычно с именем Аристотеля. В своей «Поэтике» он впервые описал метафору как способ переосмысления значения слова на основании сходства. Метафора, по Аристотелю, дает возможность и право «говорить о действительном, соединять с ним невозможное» [Аристотель, с. 68], иными словами, речь идет о способе называть предмет «не принадлежащим ему именем» через элемент сходства, сопоставления: «Создавать хорошие метафоры, значит подмечать сходство» (там же, с. 70). Аристотелю принадлежит одна из первых классификаций метафор, на которую ссылаются едва ли не все современные исследователи: «Метафора — перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии (там же, с. 66).

Однако не все в теории Аристотеля может быть принято. Во-первых, необходимо учитывать то обстоятельство, что в Аристотелевой классификации к метафоре может быть отнесен только четвертый тип, который выделял и сам Аристотель. Так, в «Риторике» он замечает, что «из четырех родов метафор наиболее заслуживают внимания метафоры, основанные на пропорции [в переводе Н. И. Новосадского — на аналогии. — Г. С.]» [Античные теории, с. 185]. Что касается других типов переносов, то к ним Аристотель недифференцированно относит либо семантические стяжения (из рода в вид: «корабль стоит» вместо «стоит на якоре»), либо метонимию (из вида в вид: «отчерпнув душу мечом» и «вырубив воду несокрушимой медью», что в обоих случаях обозначает «отнять»), либо синекдоху (из вида в род: «десятки тысяч добрых дел» вместо «множество добрых дел») [Аристотель, с. 66—67]. Интересно отметить, что на смешение Аристотелем метафоры с метонимией, а также с «катахрезой», т. е. с употреблением вместо одного слова другого, близкого по значению, указывал еще Цицерон [Античные теории, с. 217—218]. Во-вторых, поскольку перед Аристотелем стояли проблемы поэтики и риторики, все его рассуждения связаны с метафорой как фигурой речи, с индивидуальным языковым употреблением, о метафоре как о языковом явлении Аристотель не говорит.¹ Тем не менее именно в глубинах античной науки сформировался получив-

¹ Аристотель, в частности, считает, что для писателя «особенно важно быть искусным в метафорах, так как только одного этого нельзя позаимствовать у других, и эта способность служит признаком таланта» [Аристотель, с. 69—70]. Ср. также: «Метафора в высокой степени обладает ясностью, приятностью и прелестью новизны, и перенять ее от другого нельзя» [Античные теории, с. 178].

ший развитие в XX веке взгляд на метафору как на неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для коммуникативных, номинативных и, следовательно, познавательных целей. Так, Квинтилиан полагал, что «метафора дарована нам самой природой» и «содействует тому, чтобы ни один предмет не остался без обозначения» [Античные теории, с. 218]. Это же утверждает Деметрий: «Обиходная речь создала такие хорошие метафоры для некоторых понятий, что мы уже не нуждаемся для них в точных выражениях: такая метафора утвердилась в языке, заняв место буквального обозначения» (там же, с. 220). Цицерон трактует метафору как способ формирования недостающих языку значений — перенос по сходству производится «ввиду отсутствия в языке соответствующего понятию слова» (там же, с. 218). Теофраст также признавал за метафорой право пополнять недостаток слов в языке. Эти воззрения уже содержат в себе зерна тех идей, из которых впоследствии вырастут лингвистические концепции метафоры и которые послужат основой разноаспектного изучения этого языкового феномена.

Осознание такого сложного и противоречивого положения метафоры заставило исследовательскую мысль двигаться в разных направлениях, рассматривать разные грани этого многогранного явления, устремляться «вширь», сопоставляя его с другими, иногда весьма отдаленными явлениями, и «вглубь», расчленяя его структуру.

Два десятилетия назад можно было вычленить 4 направления (или аспекта) исследования языковой метафоры [ЯМ]: 1) номинативно-предметное; 2) формально-логическое; 3) психологическое; 4) лингвистическое [Корольков, 1968, с. 49—50].

Теперь таких направлений значительно больше; среди них оформились как вполне самостоятельные следующие.²

1. Семасиологическое направление, изучающее семную структуру ЯМ, семантические процессы, формирующие метафорическое значение, соотношение сем в исходном и метафорическом значениях, механизмы образования метафоры, специфику денотата ЯМ, характер коннотативных элементов и т. д. [Вандриес, 1937; Бельский, 1954; Литвиненко, 1954; Балли, 1955; Звезгинцев, 1957; Черкасова, 1959; Балли, 1961; Васильев, 1964; Шмелев, 1964а; Левин, 1965; Гак, 1966; Крылова, 1967б; Корольков, 1967, 1968; Комлев, 1969; Купина, 1969; Левин, 1969; Вейнрейх, 1970; Корольков, 1971; Басилая, 1971; Васильев, 1971а, 1971б; Гак, 1972а; Шмелев, 1973; Медникова, 1974; Гак, 1976; Шмелев, 1977; Арутюнова, 1979б; Никитин, 1979; Стернин, 1979; Арутюнова, 1980; Телия, 1980; Бирвиш, 1981; Шмелев, 1982; Виноград, 1983; Стернин, 1983; Трипольская, 1983; Харченко, 1983; Стернин, 1984,

² Приведенная здесь классификация носит достаточно условный характер, так как многие работы отражают разные аспекты исследования метафоры. Некоторые рубрики, не связанные непосредственно с нашей темой (например, логическое, лингво-стилистическое направления), представлены выборочным и весьма ограниченным списком работ.

1985а; Телия, 1985; Харченко, 1985; Кондрашова, 1985; Дюбуа, 1986; Лукьянова, 1986; Складневская, 1988д; Erdmann, 1925; Porzig, 1957; Helmer, 1972; Bochmann, 1974; Schifko, 1979; Ondrus, 1981; Henri, 1984].

2. Ономаσιологическое направление, рассматривающее метафору с точки зрения ее предметной отнесенности, с точки зрения соотношения языковых единиц с внеязыковыми объектами [Кацнельсон, 1965; Девкин, 1971; Степанов, 1971; Арутюнова, 1977а, 1977б; Гак, 1977а, 1977б; Колшанский, Телия, 1977; Журавлев, 1982; Jünger, 1962; Hallig, Wartburg, 1963].

3. Гносеологическое направление. Формируя недостающие языку значения и способствуя тому, чтобы «ни один предмет не остался без обозначения», ЯМ тем самым вместе с другими лексическими средствами участвует в членении мира и в репрезентации действительности — в этом в первую очередь проявляются познавательные функции ЯМ. С этой точки зрения метафора как объект исследования оказалась чрезвычайно притягательной не только для лингвистов, но и для философов, так как является одним из способов организации познавательной деятельности [Гусев, с. 53]. В ряде философских исследований, посвященных данной теме, функционирование метафоры в языке непосредственно связывается с некоторыми моментами научного познания [Гусев, Жоль, Кулиев, Лузина]. Метафора рассматривается как одно из важнейших средств конструирования языка, его расширения, а также как способ непосредственной связи естественного языка с языком науки [Гусев, с. 104]. Языковую метафору относят к способам организации познавательной деятельности [Гусев, с. 53]. При этом признают, что язык различных научных теорий (от математики до философии) строится на основе метафор, и никакое знание не может быть получено и организовано без участия метафоры [Гусев, с. 11]. Высказывалось мнение, что изучение метафоры может оказаться ключом к пониманию многих проблем современной науки, в частности проблемы репрезентации нового знания [Величковский, с. 234]. Основы изучения метафоры как языкового средства, отражающего принципы и механизмы взаимосвязи языка с миром, были заложены еще А. А. Потебней [Потебня, 1862] и развиты Л. С. Выготским [Выготский]. В современной лингвистике этот аспект изучения метафоры служит объектом самого пристального внимания [Виноградов, 1953а, б; Кацнельсон, 1965; Комлев, 1969; Гак, 1972а; Караулов, 1976; Арутюнова, 1977а, б; Колшанский, Телия, 1977; Арутюнова, 1979б; Телия, 1981; Зыцарь, 1984; Кларк, 1984, Black, 1962; Jünger, 1962; Lohmann, 1965; Klaus, 1973; Albrecht, 1978].

4. Логическое направление, изучающее ЯМ в аспекте теории референции. Толчком для этого направления послужило отмеченное еще Аристотелем свойство метафоры совмещать два понятия. В современной интерпретации это свойство трактуется как взаимодействие двух величин: это «фокус» метафоры (признак, перенесенный в новое название) и «рамка» (признаки нового круга

денотатов, включившихся в метафорический процесс) [Black, p. 39—40]. Иначе «совмещение понятий» можно представить как наложение понятийного отражения фрагмента действительности на значения переосмысливаемой языковой формы, что в результате и образует понятийно-языковое содержание нового наименования с сопутствующими ему коннотациями [ЯНОВ, с. 93]. В самом общем виде предметом изучения ЯМ с позиции теории референции служит наблюдаемое несоответствие между семантическими связями ЯМ и очевидными логическими связями, существующими между предметами и явлениями действительности. Эти несоответствия, однако, имеют объективный и всеобщий характер, так как отражают языковой (и жизненный) опыт целого языкового коллектива: «Мотивом для метафорического переноса могут служить отработанные в языке логико-синтаксические схемы структурирования классов событий или соположение в структуре мира вещных объектов — их предметно-логические связи, отражающие языковой опыт говорящих» [Телия, 1977, с. 192—193]. Иными словами, совпадение знаний о мире обуславливает совпадение ассоциаций, что и делает ЯМ объективной и всеобщей. С позиций теории референции может быть рассмотрена и индивидуальная (поэтическая) метафора, и в этом случае говорят о логической поломке, а метафору как семантическое явление относят в разряд аномалий (подробнее об этом будет сказано в главе «Логика метафоры»). Поскольку анализ логических связей метафорических значений является самостоятельной очень обширной областью исследования, мы ограничимся здесь самыми общими положениями и выборочным перечнем работ [Будагов, 1958; Ахманова, 1961; Вейнрейх, 1970; Васильев, 1971б; Ковтун, 1977; Телия, 1980; Уфимцева, 1980; Боллинджер, 1981; Вейнрейх, 1981; Арутюнова, 1982; Балашов, 1982; Вержбицка, 1982, 1983; Балашов, 1984; Black, 1962].

5. Собственно лингвистическое направление, выявляющее и классифицирующее языковые свойства метафоры (морфологические, словообразовательные, синтаксические). Внимание к лингвистическим свойствам метафоры было привлечено еще А. А. Потемней [Потемня, 1905], однако только в последние десятилетия они были подвергнуты лингвистическому анализу [Виноградов, 1953б; Бельский, 1954; Лясота, 1957; Черкасова, 1959, 1968; Крылова, 1967а; Басилая, 1971; Арутюнова, 1978а; Бессарабова, 1979; Телия, 1981; Бессарабова, 1987]. Особенно тщательно изучается синтаксис ЯМ (что вполне объяснимо — ведь метафора функционирует только в словесном окружении). Потемней были выделены и описаны синтаксические позиции метафоры («формы метафоры в синтаксическом отношении»): позиция обособленного определения, метафорического эпитета, приложения, обращения, подлежащего, сказуемого, дополнения. При этом Потемня обратил внимание на 2 разновидности метафорического подлежащего: 1) подлежащее, выраженное одиночным существительным; 2) подлежащее, выраженное словосочетанием [Потемня, 1905,

с. 207]. Эти, казалось бы, простые и очевидные истины в дальнейшем легли в основу многих концепций, вошедших в лингвистическую теорию метафоры, в частности в типологию лексических значений В. В. Виноградова. Особый тип лексического значения метафорического слова, реализуемый в строго закрепленных синтаксических позициях (в сказуемом или составе сказуемого, в обращении, в обособленном определении и приложении) и используемый для называния, обозначения кого-либо при индивидуальном указании был назван Виноградовым «предикативно-характеризующим» [Виноградов, 1953б, с. 24—25]. Это положение оказалось очень важным и повлияло как на лексикографическое оформление метафорической лексики, так и на ее дальнейшее теоретическое осмысление. С синтаксическими функциями метафоры связано вычленение нового объекта исследования — метафорического контекста; определяются конструктивные типы контекстов, синтаксические условия формирования метафоры, функции контекста в реализации семантических свойств ЯМ и т. д. [Вандриес, 1937; Бельский, 1954; Лясота, 1957; Черкасова, 1959; Лясота, 1962; Кацнельсон, 1965; Черкасова, 1968; Басилая, 1971; Медникова, 1974; Некрасова, 1975; Арутюнова, 1978а; Телия, 1981; Рыньков, 1981; Бессарабова, 1987]. В последние годы заметна тенденция к изучению вторичной (производной) метафоры [Черкасова, 1968; Шмелев, 1978; Арутюнова, 1980; Бессарабова, 1987].

6. Лингво-стилистическое направление [Гвоздев, 1955; Гальперин, 1958; Гак, 1972б; Гельгардт, 1973; Девкин, 1974; Азнаурова, 1977; Скляревская, 1978; Ульман, 1980; Петрищева, 1984; Рахманова, 1987; Скляревская, 1988а, в; Haubrich, 1968].

7. Психолингвистическое направление, изучающее ЯМ в аспекте теории речеобразования и восприятия речи. Следует отметить влияние, которое оказали на это направление советской науки психологические и лингвистические воззрения Л. С. Выготского. В этом направлении наиболее плодотворным для развития лингвистической теории метафоры следует признать рассмотрение ЯМ в качестве модели речевой деятельности в ряду других моделей и выявление экспериментальным путем психологически реального значения ЯМ в его сопоставлении с лексическим значением [Выготский, 1956; Никифорова, 1954; Тюттин, 1963; Газов-Гинзберг, 1965; Сахарный, 1974; Киселева, 1978; Рыжкина, 1980; Величковский, 1982; Першаева, 1982; Сомова, 1982; Василевич, 1983; Воронин, 1983; Гридин, 1983; Кларк, 1984; Сахарный, 1984; Стернин, 1985а, б; Ушакова, 1985; Фрумкина, 1985].

8. Экспрессиологическое направление. Условно назовем так то направление изучения ЯМ, которое связано с описанием ее экспрессивных свойств [Звегинцев, 1955; Федоров, 1959; Арнольд, 1970; Шмелев, 1973, 1977; Лейн, 1976; Гак, 1977б; Черемисина, 1979; Шаховский, 1980; Блинова, 1983; Лукьянова, 1983; Романова, 1983; Скворецкая, 1983; Стернин, 1983; Трипольская, 1984; Кондрашова, 1985; Лукьянова, 1986; Liewehr, 1958].

9. Лингвистико-литературоведческое направление, описывающее лингвистические свойства художественной метафоры [Ларин, 1922, 1925; Виноградов, 1925; Якобсон, 1935; Дондуа, 1940; Верли, 1957; Черкасова, 1959; Скороходько, 1962; Левин, 1965; Григорьев, 1966, 1969; Черкасова, 1974; Некрасова, 1975; Якобсон, 1975; Ковтун, 1977; Григорьев, 1979; Кожевникова, 1979; Некрасова, 1979; Донецких, 1980; Сапорта, 1980; Рыньков, 1981; Стернин, 1983; Вовк, 1986; Кожевникова, 1986; Biegwisch, 1965].

10. Лексикологическое направление, исследующее ЯМ в пределах разных лексических групп [Харченко, 1985; Складаревская, 1987б, 1988]. Наиболее полно и детально описана группа зооморфизмов [Биржакова, 1957; Войтик, 1975; Литвин, Черемисина, 1977; Росинене, 1978; Рыжкина, 1980; Васильева, 1981; Войтик, 1982; Першаева, 1982; Сергеев, 1983; Гудавичюс, 1984; Кацитадзе, 1985; Росинене, 1985]. Среди других групп можно назвать «образы множества» [Лукиянова, 1986; Вовк, 1986], «обиталища животных» [Харченко, 1985] и др.

11. Лексикографическое направление. Изучение ЯМ в аспекте лексикографии пока еще рано считать сложившимся лингвистическим направлением, но тенденции формирования такого направления представляются очевидными. В работах, посвященных теоретическим проблемам лексикографии и анализу словарных разработок, вопросы, связанные с метафорой, ставились неоднократно. Прежде всего необходимо вспомнить плодотворные идеи Л. В. Щербы, касающиеся разграничения понятий «переносное» и «образное». Как известно, под переносным Л. В. Щерба понимал вторичное значение, которое можно охарактеризовать как «нечто подобное» прямому и которое отражает «раздвоение» основного значения. Образное значение он трактовал как употребление прямого значения, не формирующее самостоятельной лексической единицы. Большое влияние на дальнейшее лексикографическое описание метафорических значений оказали не только теоретические воззрения Л. В. Щербы, но и его виртуозный лексикографический анализ слова *игла* [Щерба, 1940, с. 283—285].

Исследования лексикологов и лексикографов, содержащие анализ словарей, затрагивали наряду с другими и аспект, связанный с описанием и оформлением ЯМ [Щерба, 1931; Виноградов, 1953а, 1956; Биржакова, 1957; Фельдман, 1957; Касарес, 1958; Бабкин, 1960; Виноградов, 1961; Евгеньева, 1963, 1964; Филин, 1963; Виноградов, 1966; Гак, 1971; Лендвел, 1972; Гельгардт, 1973; Котелова, 1975; Горбачевич, Сороколетов, 1975; Бабкин, 1977; Гальперин, 1980, 1982; Морковкин, 1981; Шаховский, 1982; Городецкий, 1983; Лабов, 1983; Сергеев, 1983; Складаревская, 1988б]. Необходимо назвать также некоторые работы, являющиеся теоретическим обоснованием словарной практики и имеющие в той или иной степени выход в проблематику ЯМ [Виноградов, 1953б; Шмелев, 1973; Караулов, 1974, 1981; Шведова, 1981].

Статьи, посвященные специальному анализу ЯМ в словарях исчисляются единицами, и в них обычно внимание исследователя

сосредоточено на каком-либо одном аспекте этого языкового явления. Ставятся достаточно конкретные практические задачи словаря — разграничение живой и генетической метафоры, переносного значения и образного употребления слов [Фельдман] (здесь уместно заметить, что практические задачи едва ли могут быть решены без теоретического осмысления проблемы). Описываются представленные в словаре стадии процесса метафоризации: 1) сравнительные обороты; 2) образные применения слов; 3) переносные оттенки прямых значений; 4) переносные значения, которые интерпретируются как отражение ступеней образования метафоры и освоения ее языком: постепенного отвлечения от образа, возникновения в дальнейшем понятийных признаков и последующих преобразований словесных связей; при этом описываемые процессы рассматриваются в свете проблемы образной реализации слова в толковом словаре, а непосредственным материалом для исследования избирается художественная речь, образцы которой широко представлены в БАС [Ковтун, 1983]. Стадии развития ЯМ и этапы ее формирования были рассмотрены в синхронном срезе — как бы «застывшими», зафиксированными в пределах одной словарной статьи [Скляревская, 1983]. Толковые словари послужили источником материала для выявления языковой природы метафоры, при этом был выдвинут постулат: словарные сведения «содержат объективную картину языкового содержания метафор и дают материал для обоснования их лингвистических признаков» [Бессарабова, 1987, с. 156]. Наконец, именно материал толковых словарей дал возможность интерпретировать ЯМ как системное языковое явление, подчиняющееся определенным закономерностям формирования и имеющее ряд принципиальных отличий от метафоры художественной речи [Скляревская, 1987б, 1988г, е].

Создается впечатление, что исследование метафоры становится тотальным. Нельзя не согласиться с Г. Г. Кулиевым, который пишет, что «в самом факте постоянного обращения к данной теме заключено и признание ее неисчерпаемости» [Кулиев, с. 81]. Это действительно так, и многовековая история науки подтвердила это. Однако утверждение, что «метафора изучена вдоль и поперек» (там же), едва ли можно признать справедливым.

Глава 1. Теоретическая база и основные постулаты исследования

Метафора дарована нам самой природой, так что ею нередко пользуются, сами того не замечая, и неученые люди.

Квинтилиан

Понимание ЯМ как лингвистической категории содержит в себе много противоречий. Основное противоречие, по нашему мнению, заключается в том, что, получив статус языкового явления, метафора продолжает трактоваться как троп (т. е. фигура речи, художественное средство [Ахманова; КЛЭ; ЛЭС; РЯЭ]). Использование термина поэтики, имеющего многовековую традицию, затрудняет лингвистические исследования. Отдельные попытки изменить ситуацию, например, заменить литературоведский термин «метафора» соответствующим лингвистическим термином «метасемема» [Дюбуа, с. 168 и след.], не повлияли на терминологический и соответственно понятийный аппарат отечественной лингвистики.

Это обусловило, а в известной мере и предопределило, ряд других противоречий, главное из которых связано с обоснованием адекватного объекта исследования. Утвердившись в современной лингвистике в статусе языкового явления, ЯМ тем не менее обычно объединяется с художественной (индивидуально-авторской) метафорой как единый объект. Исследователь, выдвинув постулат языкового статуса метафоры как вторичной косвенной номинации, выстраивает при этом свою концепцию на материале художественной речи, метафорический строй которой бывает весьма далек от метафорического строя общенародного языка (например, В. Н. Вовк в монографии, которая носит название «Языковая метафора в художественной речи», исследует чрезвычайно изощренные индивидуальные метафоры О. Уайльда [Вовк]).

В настоящей работе за основу принято современное понимание ЯМ как вторичной косвенной номинации при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента. Такое толкование ЯМ, с одной стороны, ставит ее в один ряд с тропом (по наличию образности) и при этом заставляет искать критерии размежевания ЯМ и тропа по лингвистическим признакам. С другой стороны, такое толкование ЯМ включает метафору как образное языковое средство в лексико-семантическую систему языка на правах одного из лексических разрядов, соотносимых с другими разрядами или противопоставленных им.

Как категория лексикологии (и материал лексикографии) ЯМ отграничена от художественной (индивидуально-авторской) мета-

форы. Как образное языковое средство — от генетической метафоры и от безобразного производного значения (аргументация такого разграничения, его принципы и критерии приведены в гл. 3).

Методологическую основу данного исследования составляет «лексикентрическое» понимание лексической системы и принципов семантического анализа: слово признается автономной единицей системы и носителем смысла [Медникова, Караулов, 1976]. Такое понимание системы предполагает выделение двух ее аспектов: внешнего (связи слов с другими словами) и внутреннего (связи отдельных ЛСВ внутри лексемы). Открытые в последние десятилетия методы компонентного анализа позволили заглянуть в глубь каждого отдельного ЛСВ, и семантическая единица, представлявшаяся ранее неделимой, оказалась членимой. На дальнейшем пути продвижения в глубину семантического устройства (в рамках коммуникативной семантики) была открыта и чрезвычайная сложность состава каждой минимальной лексической единицы. Эти открытия, как нам представляется, дают основания для вычленения не двух, а трех аспектов лексико-семантической системы: внешнего, внутреннего и глубинного (что соответствует трем уровням системного семантического анализа). Системность лексики во внешнем аспекте системы реализуется в разного рода лексических объединениях (семантическое поле, тематическая группа, синонимический ряд и т. п.), каждое из которых можно рассматривать как фрагмент системы и одновременно как единицу этой системы. Внутренний аспект системы связан с полисемией (эти вопросы остаются за пределами задач нашей работы и лишь эпизодически затрагиваются в ходе анализа). Глубинный аспект системы охватывает круг проблем, связанных с содержанием лексического значения [ЛЗ], структура которого может трактоваться по-разному, в зависимости от позиции исследователя и уровня анализа.

Можно рассматривать ЛЗ в концептуальном плане, выводя за его пределы многочисленные и разнообразные наслоения, не входящие в понятийное ядро. В этом случае ЛЗ трактуют как предметное содержание (предмет при этом понимается широко — как любая внеязыковая сущность [Виноградов, 1953б, с. 23]). ЛЗ в этом случае трактуется обобщенно, как бесструктурное, аморфное образование.

С другой позиции ЛЗ может быть представлено во всей совокупности добавочных наслоений и приобретает вид элементарной структуры. По Эрдману, эта структура имеет троичную форму: 1) понятийное содержание (*begrifflicher Inhalt*); 2) сопутствующий смысл (*Nebensinn*); 3) чувственные элементы (*Gefühlswert*) [Erdmann, S. 107].

Открытие метода компонентного анализа дало возможность рассмотреть ЛЗ уже «изнутри» и обнаружить в его составе мельчайшие, не разложимые далее элементы смысла — дифференциальные признаки (получившие в дальнейшем разные названия: сема, семантический признак, семантический элемент, семантиче-

ский компонент, семантический примитив, микрокомпонент, маркер). В концепции Катца и Федора, отразившей дифференциальный подход к семантике, ЛЗ трактуется как ограниченный набор таких элементов, соединенных операторами и образующий систему [Катц, 1981; Бирвиш, 1981; Болинджер, 1981; Вержбицка, 1982, 1983]. В ходе дальнейшего развития дифференциальной концепции были обнаружены разные функциональные типы семантических элементов: одни включают слово в определенную лексико-семантическую парадигму, в то время как другие выделяют это слово в пределах парадигмы [Шрамм, с. 59]. Дифференциальный метод семантического анализа позволил выстроить различные модели ЛЗ, в том числе и метафорического. В отечественной лингвистике стала хрестоматийной модель семантической (семной) структуры ЯМ, разработанная В. Г. Гаком на примере метафоры *лиса* 'хитрый человек'. Номинативное (исходное) ЛЗ слова *лиса* имеет определенный набор сем: категориальная архисема А (одушевленное существо) + родовая сема В (животное) + видовая дифференцирующая сема В (животное с определенными признаками) + потенциальная сема С (присваиваемое лисе качество — хитрость). К метафоризации приводят следующие семантические преобразования: устранение родовой и видовой сем и актуализация потенциальной семы [Гак, 1972а, с. 151—152].

Дифференциальный метод играет важную роль в изучении семантической структуры слова, так как обеспечивает разграничение значений в структуре языка, способствует формированию словарных дефиниций, однако он оказался недостаточным при глубинных семантических исследованиях. Дальнейшее развитие семасиологии дало возможность проникать во все более глубокие слои семантического устройства ЛЗ и обнаружить в нем все более сложные детали и элементы, что потребовало интегральных методов исследования. Интегральный подход к изучению семантики трактует ЛЗ как бесконечно сложную и избыточную структуру. Интегральный подход (обусловивший интегральный метод исследования) базируется на признании того факта, что на современном этапе исследования язык требует «пересмотра ожидаемой шкалы сложности» [Виноград, с. 160]. Все чаще появляются высказывания о чрезвычайной сложности «устройства плана содержания», связанной с «идеей подтекста», основанного на существовании «ассоциативных цепей лексических значений» [Попова, с. 9], о «беспредельности» смыслового содержания слова [Гальперин, 1980], о том, что «каждое слово и каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков» [Лосев, с. 410], а также о том, что не все в языке можно свести к логическим противопоставлениям, и именно поэтому язык существует как гибкая система [Серебренников, с. 14].

Итак, ЛЗ трактуется по-разному, в зависимости от аспекта, избранного исследователем, от его угла зрения, а также от уровня проникновения в глубину семантики: 1) обобщенно, как бесструк-

турное образование; 2) как элементарная структура; 3) как ограниченный набор семантических компонентов; 4) как бесконечно сложная и избыточная структура.

Для осознания природы ЯМ актуальным является последнее из перечисленных (интегральное) понимание ЛЗ. В соответствии с интегральной концепцией ЛЗ понимается как сложная избыточная структура, состоящая из денотативного содержания, включающего ядро и периферию, и коннотативного окружения.

Денотативное содержание окружено множеством разнородных семантических элементов, связанных с понятием коннотации. Для обозначения таких элементов употребляются разные термины: коннотация, коннотативный признак, коннотативный элемент (или компонент), коннотативное содержание, коннотативное значение, коннотативная часть семантики, коннотативная сема, коннотема, коннотат. Проблема коннотации занимает особое место в кругу проблем, связанных с ЯМ, поэтому остановимся на ней подробнее.

Термин коннотация в современной лингвистике употребляется в широком и в узком значении. В широком значении под этот термин подводится почти неограниченный круг ассоциаций и понятий (социально-политических, этических, этнографических, культурологических и др.), отражающихся в языке [Говердовский, 1977, 1985]. В узком значении термин коннотация приложим к понятию «созначение» — к дополнительным, добавочным смыслам, закрепленным за ЛЗ (и потому имеющим социальную значимость). Однако и в этом значении обсуждаемый термин оказывается достаточно размытым и в терминологическом отношении неустойчивым.

Во-первых, термин коннотация употребляется двояко, обозначая то взятый изолированно коннотативный признак [Телия, 1981, с. 66], то всю совокупность таких признаков — все коннотативное содержание или коннотативную часть семантики слова [Шаховский, 1982, с. 30].

Во-вторых, нет единства в понимании того, входит ли коннотация в лексическое значение или остается за его пределами. По мнению одних ученых, коннотация входит в состав ЛЗ, заполняя его периферию [Стернин, 1979, с. 89 и след.]. По мнению других, — остается за пределами значения: «Коннотативные признаки отображают представление носителей языка об ассоциативных связях обозначенной словом реалии со свойством другой названной реалии как по сходству, так и по смежности. Так, например, слово *осел* как имя животного коннотирует такие признаки, как упрямство и глупость, которые не входят в значение этого слова, но отмечают сходство человека с ослом по этим свойствам» [Телия, 1981, с. 227]. Коннотация трактуется и как семантическое выражение психического состояния говорящего, а также его отношение к предмету, объекту и адресату речи.

В этом случае коннотация означает «совокупность предикатных, то есть характерологических компонентов семантики слова, соотносящихся с областями чувственной и рациональной квалификации денотата» [Шаховский, 1982, с. 30]. С этой точки зрения В. И. Шаховским была предложена многоаспектная типология коннотаций [Шаховский, 1982, с. 30—32]. В работе В. Н. Телии, посвященной специальному исследованию коннотативной части семантики, коннотация определяется как «семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия, 1985, с. 5]. Известно понимание коннотации как социальной характеристики объекта [Комлев, с. 107]. Известны также исследовательские позиции, отражающие сложное диалектическое единство денотации и коннотации, возможность их взаимопереходов [Говердовский, с. 72], возможность локализации коннотативных элементов в денотативной части семантики [Шаховский, 1982, с. 33], а также свойство коннотации составлять семантическое ядро лексики некоторых разрядов (в частности, экспрессивной лексики) [Лукьянова, 1986, с. 197].

Как видно из приведенного краткого обзора, под коннотацией (как коннотативной частью семантики) понимается обычно совокупность достаточно разнородных семантических элементов, среди которых находятся экспрессивные, эмотивные, оценочные, стилистические, прагматические [Шаховский, 1982, с. 30] и другие, а также закрепленные в языковом сознании ассоциации, репрезентирующие коллективные знания о предмете.

В своем исследовании мы исходим из того, что коннотацию следует понимать не как конгломерат разнородных семантических элементов, а как многослойное семантическое образование, состоящее из разнородных элементов, которые образуют структуру, отдельные участки которой по-разному соотносятся с ЛЗ.

В соответствии с интегральной концепцией ЛЗ может быть представлено как сложная структура, состоящая из множества концентрических кругов — центральной денотативной части и окружающих ее коннотаций. Денотативная часть состоит из семантического ядра и периферии. Ядерные семы обозначают постоянный, обязательный и неустрашимый признак объекта; они определяются методом компонентного анализа и находят отражение в словарных дефинициях. Периферийные семы обозначают второстепенные признаки предмета, не выполняющие дифференциальных функций и обнаруживаемые в психологическом эксперименте.

За денотативной частью ЛЗ следует коннотативная, которая, по нашему мнению, представляет собой не конгломерат разнородных элементов, несущих дополнительную информацию об объекте (эмоциональных, экспрессивных, оценочных, ассоциативных

и др.), а иерархически организованную систему, в которой могут быть выделены разные уровни (коннотации I, II, III и т. д. порядка), также концентрически расположенные. Ближайший к денотативной части круг (коннотация I) составляют потенциальные семы, к которым, следуя типологии И. А. Стернина, можно отнести системные, узуальные, позитивные и т. п. семы, для вычленения которых наряду с методами компонентного анализа может быть применен и интегральный анализ. Эти семы репрезентируют ассоциативные признаки, общие для всего языкового коллектива. Далее (коннотация II) располагаются семы, обнаруживаемые лишь при интегральном анализе: скрытые, вероятностные, нечеткие, негативные и т. п. Коннотацию III составят окказиональные семы, отражающие индивидуальные ассоциации, которые служат инструментом образования поэтических тропов. Конкретное заполнение каждого из коннотативных кругов (семь эмотивности, эмоциональной, интеллектуальной, социальной оценки, экспрессивности, семы, отражающие историко-культурную и этнографическую информацию и т. д.) и степень его удаленности от ядра еще предстоит исследовать лингвистам совместно с психологами, психолингвистами, социологами. Априори можно лишь утверждать, что критерием близости к денотативному ядру может служить степень общности той или иной семы для всех членов языкового коллектива: чем более общей (общепонятной, общедоступной) является сема, тем ближе она к ядру.

В процессе метафоризации может актуализоваться любая коннотативная сема, как бы далеко она ни отстояла от денотативного ядра.

Прежде чем мы перейдем к анализу материала, необходимо остановиться на уточнении еще двух понятий: языковой образности и характеризующей функции метафоры.

Понятие об образе как средстве формирования метафоры и ее отличительном свойстве возникло еще в античности. Хотя в целом античная риторика рассматривает метафору поверхностно, вне связи с образностью (на что указала Меликова-Толстая [Античные теории, с. 158]), тем не менее в отдельных высказываниях уже намечается понимание метафоры как семантического образования, которое, вычленяя сходство между разными предметами, передает целостный образ предмета и тем самым непосредственно воздействует на органы чувств. Эта идея отчетливо сформулирована Цицероном [Античные теории, с. 217]. Цицерон упоминает также о том, что метафора «обращается непосредственно к внешним чувствам, а в особенности к зрению, чувству наиболее обостренному» (там же). Для современной концепции языковой образности плодотворными оказались идеи Ш. Балли, в частности его классификация образов: 1) конкретные образы (воспринимаемые воображением); 2) эмоциональные или ослабленные образы (воспринимаемые чувствами); 3) мертвые образы (воспринимаемые рассудком) [Балли, 1961, с. 226—229]. Очевидно, что с метафорой эта классификация соотносится так: кон-

кретный образ обнаруживается в «живой» метафоре (*лиса* 'о хитром человеке'; *растекаться* 'о толпе'); эмоциональный образ характерен для десемантизированной экспрессивной лексики (*смыться* 'уйти'); мертвый образ обнаруживается в генетической метафоре (*нос лодки*).

В отечественной лингвистике за последние годы сформировалось понимание языковой образности как лингвистической категории [Тюхтин, 1963; Шмелев, 1964; Федоров, 1969; Черемисина, 1979; Блинова, 1983; Лукьянова, 1983]. В целом для решения этой проблемы сделано очень много. Выделены типы образной лексики, найдены методы ее исследования [Черемисина, 1979]. Под образностью понимается способность языкового знака выразить неязыковое содержание посредством целостного наглядного представления-образа [Лукьянова, 1986, с. 71]. В качестве определяющих признаков языковой образности описаны такие свойства семантики, как картинность, конкретность, красочность, непосредственно соотносимые с мотивированностью и экспрессивностью [Блинова, 1983, с. 7—9], при этом имеется в виду, что разные слова обладают разной степенью образности, разным образным потенциалом [Блинова, 1983]. Образность трактуется как полноправный компонент семантики слова, «актуализирующий образные ассоциации (представления), связанные с определенным словом» [Лукьянова, 1983, с. 31].

В настоящей работе языковая образность трактуется в соответствии с изложенной современной концепцией.

Для понимания природы ЯМ необходимо также уяснить особенности денотативной отнесенности при метафоризации, обусловленные характеризующей функцией метафоры.

«Метафора — это утверждение о признаках объекта» [ЯНОВ, с. 92]. В этой формулировке — ключ к пониманию специфики денотативной отнесенности ЯМ. Если при первичной прямой номинации происходит преобразование в денотативной направленности и новому значению соответствует новый денотат (ср. *обручальное кольцо* — *кольцо блокады*), то при метафоризации как вторичной косвенной номинации происходит «удвоение денотата», хотя и не полное: от исходного понятия отщепляется какой-либо признак (или несколько признаков), служащих для характеристики нового объекта. В самом деле, человек, названный медведем, продолжает оставаться человеком, снежная масса, названная киселем, не превращается в кушанье, напряженная работа, обозначенная как лихорадка, не становится болезнью и т. д.

Специфику денотативной отнесенности метафорического значения определяет характеризующая функция ЯМ.

Восходящее к античной науке разграничение функции именованного и характеристики (предикации) [Античные теории, с. 70—71] распределяется прежде всего по частям речи (роль именованного выполняют существительные, а роль характеристики — глаголы, прилагательные и наречия), но затрагивает также и область семантической деривации.

Как показали исследования последних десятилетий, ЯМ выполняет в языке роль предикатов: пока образный элемент сохраняется в слове, в нем преобладает характеризующая функция, а утрата образного элемента означает переход ЯМ в разряд номинативной лексики (ср. *нос лодки*) [Кацнельсон, 1947, 1965; Виноградов, 1953б; Звегинцев, 1957; Арутюнова, 1977б, 1978б, 1979а; Вольф, 1978, 1979].

Характеризующая функция определяет тип ЛЗ ЯМ. ЯМ, как всякое однозначное слово, является номинативной единицей языка, однако со смещенной номинативной функцией — с выдвинутым на передний план функции характеризующей. При этом в разных типах ЯМ соотношение функций разное: в ЯМ, употребляющихся применительно к человеку (*колода, тумба, свинья, лиса, тюлень* и т. д.) характеризующая функция практически полностью вытесняет номинативную. В других типах ЯМ номинативная функция сохраняет свое значение, будучи в большей или меньшей степени «подавлена» функцией характеристики (ср. *тупик* 'безвыходное положение', *калейдоскоп событий, шквал восторга* и т. п.).

В любом случае функция характеристики является для ЯМ первичной: метафора не столько указывает на предмет речи, сколько характеризует его. Мы разделяем эту точку зрения, обоснованную в трудах по лингвистической интерпретации метафоры [Виноградов, 1953б; Кацнельсон, 1965; ЯНОВ; Арутюнова, 1978а, 1978б, 1979б].

Глава 2. Логика метафоры

Миф сроден с научным мышлением в том, что и он есть акт сознательной мысли, акт познания.

А. Потехня

Каждая метафора оказывается маленьким мифом.

Дж. Вико

В теории метафоры известны многочисленные высказывания, трактующие метафорический перенос как нестандартное языковое явление, противостоящее стереотипности и не подчиняющееся логике. «Бессознательной игрой логики» называл метафору еще А. Н. Веселовский [Веселовский, 1895, с. 89]. Ш. Балли считал, что метафорические сближения «обычно основываются на смутных аналогиях, порой совершенно нелогичных» [Балли, 1962, с. 221]. Н. Д. Арутюнова также характеризует языковую метафору как «постоянный рассадник алогичного в языке» [Арутюнова, 1979б, с. 170]. В. Н. Телия пишет о «нарушении логического порядка» при метафорических переносах [Телия, 1981, с. 141—142]. Х. Касарес, описывая фигуральные выражения в словаре, отмечает непредсказуемый и нелогичный характер метафорического переноса: по-испански высокого художника называют «вермишель». «Почему не проволока?» — недоумевает Х. Касарес и не находит ответа [с. 291]. Семантическая неординарность, исключительность дает основание оценивать метафоры даже как «болезни языка» (Мюллер, М., Наука о языке. Воронеж, 1868. С. 333, 339. Цит. по: [Жоль, с. 86]) и «семантические скандалы» [Дюбуа, с. 195]. В генеративной семантике с точки зрения логико-лингвистического анализа и с позиции теории референции метафору относят в разряд «аномалий» и «ненормативных» семантических явлений [Чейф, с. 53 и след.]. Л. С. Выготский считал, что метафора формируется «образным путем, то есть не по закону логического мышления, а по закону комплексного мышления» [Выготский, с. 194].³

³ Под комплексным мышлением Л. С. Выготский понимал такие мыслительные операции, когда предметы объединяются в «образные комплексы» на основании несущественных, поверхностных (хотя и объективных) признаков. Это семантическое явление получило дальнейшее развитие в психолингвистике и изучается (как это делал и Л. С. Выготский) на материале детской речи. Например, ребенок обозначает одним словом «муха» целый комплекс мелких, преимущественно темных предметов, группируя их по признакам размера и цвета: брызги грязи, пылинки, всех мелких насекомых, пальцы на собственных ножках, крошки хлеба, а также небольшую лягушку. Е. В. Кларк (из работы которого заимствован данный пример) назвал такое образование семантических комплексов «сверхгенерализацией» [Кларк, с. 234 и след.].

Такие высказывания (перечень которых можно было бы продолжить) находятся в противоречии с нашей задачей системного описания языковой метафоры. Чтобы снять это противоречие, необходимо остановиться на следующих вопросах: 1. Метафора и миф. 2. Особенности мифологического мышления. 3. Формальная логика и «логика воображения».

Метафора и миф

Связь метафоры с мифом как по происхождению, так и по семантической сущности хорошо известна [Веселовский, 1898, с. 126 и след.; Потебня, 1905, с. 436 и след.; Выготский, с. 194; Кацнельсон, 1947, с. 310; Рифтин, с. 138 и след.; Еремина, с. 3 и след.]. Миф сам по себе был метафорой, и язык мифологической стадии развития был целиком метафоричен: «Метафоричность есть единственный первоначальный способ, доступный языку» [Потебня, 1905, с. 536]. Развивая идею А. А. Потебни об «образных понятиях», присущих языку мифологической поры (когда архаическое слово было образным «по необходимости», так как отражало образ предмета в целом — в совокупности его свойств и функций), С. Д. Кацнельсон на материале языка австралийского племени аранта приходит к выводу, что метафоричность древнейших языков исключала ассоциативность и двоякий смысл. Иными словами, образность языка на архаической стадии развития была явлением принципиально иным, чем образность современных языков [Кацнельсон, 1947, с. 310, 315 и след.].

Особенности мифологического мышления

Особенности мифологического мышления на протяжении многих десятилетий обсуждаются этнологами, психологами, философами, фольклористами и лингвистами, вызывая разногласия, которые касаются в первую очередь основного вопроса — отношения мифа к реальности.

Существуют два взаимоисключающих представления: миф как фантазия, противостоящая реальности, и миф как отражение реальности на определенном уровне восприятия. Понятно, что для носителя мифологического сознания миф был единственно возможной реальностью — объективной действительностью [Стеблин-Каменский, с. 5, 29—30]. Однако глубинные связи мифа с реальностью могут быть обнаружены и на стадии научного сознания. Доказательством этого служит, в частности, тот факт, что многие элементы природы, относимые прежде к области «чудесного» и описанные в XX веке в понятиях и терминах физики (такие, как негативная энергия, негативная масса, световая волна, пространственно-временное единство и др.), были угаданы или восприняты мифотворцами в ту пору, когда реальность —

макрокосм и микрокосм, материальные объекты и идеальные образования — воспринималась целостно [Голосовкер, с. 70 и след.].

Из этого следует, что глубинное и всеобъемлющее проникновение в структуру мифологии в целом и каждой конкретной мифологии в частности дает основания представить миф как реальность не только с позиции восприятия «дикаря», но и с позиции философского осмысления. Ср. высказывание Н. Бердяева: «Для меня миф не означает чего-то противоположного реальному, а, наоборот, указывает на глубочайшую реальность» [Бердяев, с. 43].

Вместе с тем в науке утвердилось на долгие годы понимание мифологии как формы общественного сознания, несостоятельного с точки зрения научного анализа. Существенную роль в формировании такого взгляда сыграли труды Л. Леви-Брюля.

Исследуя формы мышления на мифологической стадии развития человеческого общества, Л. Леви-Брюль обнаружил, что в мифе расчленение действительности и обобщение происходят по иным, отличным от современных, законам. Для обозначения этого типа мышления Леви-Брюль ввел термин прелогическое или пралогическое (*prelogique*) мышление. В дальнейшем этот термин был истолкован как «внелогическое» или «дологическое», и это породило целую серию представлений о мифологическом мышлении как о «нелогичном», отражающем «неправильные» причинно-следственные связи, «ложные» понятия и т. п.

Эту точку зрения опроверг К. Леви-Строс, который с помощью бинарного анализа не смог обнаружить принципиальных отличий современного мышления от мифологического (отличия есть, но они касаются материала, которым оперирует мышление, но не затрагивают самой его сути) [Леви-Строс, с. 64].

Идею «прелогического» мышления отвергал М. И. Стеблин-Каменский, который исходил из того, что исследователь мифа не должен подставлять современное сознание на место мифологического: миф для его создателя не был ни фантазией, ни вымыслом, а был единственно возможной реальностью — объективной действительностью [Стеблин-Каменский, с. 5, 29—30].

Термин Леви-Брюля «прелогическое мышление», как показал М. И. Стеблин-Каменский вслед за К. Леви-Стросом, относится не столько к мышлению как таковому, сколько к психологии. Истинны или ложны понятия, правильны или неправильны причинно-следственные связи — это имеет значение при этнологическом изучении народов, стоящих на архаической стадии развития, при исследовании их мотивов поведения, реакции на события и т. п., а также при исследовании фольклора, хотя и в фольклоре, как показал В. Я. Пропп, необходимо учитывать, что художественная логика не совпадает с логикой причинно-следственного мышления [Пропп, с. 98]. Что касается изучения языковой действительности, непосредственно связанной с мыслительной деятельностью, то здесь важна не «правильность» причинно-следственных связей, но

сам факт наличия этих связей: если человеческий разум у самых истоков своего развития уже способен был устанавливать связь «если. . . , то. . . » (независимо от правильности результата) и обобщать разрозненные и текущие признаки в понятия (независимо от его истинности), то едва ли можно говорить о формах мышления, принципиально отличающихся от современных.

В современных исследованиях все отчетливее высказывается мысль, что причинную обусловленность всех событий и явлений люди на архаической стадии мышления осознавали так же, как и теперь, а тот факт, что причина устанавливалась неверно, объясняется вовсе не «прелогическим» характером архаического мышления, а тем обстоятельством, что тогда человеческий мозг отражал не суть, а лишь поверхность явления, именно поэтому архаические обобщения строились на случайных и несущественных признаках. В основе таких высказываний лежит идея, выдвинутая в свое время А. А. Потебней: миф объясняет неизвестное посредством совокупности заданных признаков, объединенных словом или образом, и поэтому он является таким же актом познания, как и научное мышление [Потебня, 1905, с. 418]. Гносеологическую роль мифологии подчеркивал Я. Э. Голосовкер: «Мифология — примитивная гносеология, если найти путь к ее логике» [Голосовкер, с. 71].

Идея познавательной роли мифологического мышления и его общности с мышлением современным получила глубокое обоснование в исследовании Ф. Кликса, который проанализировал мифологическое (в терминологии Ф. Кликса магическое или анимистическое) мышление в следующих аспектах: 1) причинно-следственных связей; 2) рационального отражения реальности; 3) построения классификационных систем.

По поводу причинно-следственных связей Ф. Кликс говорит следующее: «За всей их (форм мифологического мышления. — Г. С.) мистической подоплекой многие этнологи, изучавшие особенности магического мышления, упустили из виду, что одновременно речь идет о процессах вывода, за которыми скрывается попытка установления отношения «если. . . , то». Иными словами, было упущено из виду, что в магическом мышлении содержится предпосылка строгой каузальности» [Кликс, с. 162, 165].

Формы когнитивного расчленения реальности отличались от современных главным образом тем, что основным механизмом было умозаключение по аналогии (там же, с. 155). Однако, как считает Ф. Кликс, и в этом нет принципиальных различий между современным и мифологическим мышлением — различия касаются только уровня обобщения (там же, с. 165).

Архаические классификационные системы, как полагает Ф. Кликс, послужили прообразом и первоначальной схемой современных классификаций. Несмотря на то, что значимые для классификации признаки в архаическую пору извлекались с поверхности явлений и не отражали их сущности, сами по себе классификационные системы на более высоких стадиях развития

мышления были не отвергнуты человечеством, но преобразованы. Постепенным преобразованием классификаций сопровождается постоянный процесс совершенствования человеческого интеллекта (там же, с. 161). На основании этих рассуждений Ф. Кликс приходит к общему выводу о роли мифологических форм в развитии и прогрессе мышления: «Там, где есть событие, есть и причина. В самых фантастических домыслах анимистического мышления по поводу связей реального мира обнаруживается эта важнейшая предпосылка будущего интеллектуального прогресса» (там же, с. 164).

О «прелогическом» мышлении, по-видимому, можно говорить лишь применительно к стадии дословесного общения. Появление слова принципиально меняет и характер мышления.

Во-первых, вместе со словом появляется и понятие, а всякое понятие — это всегда обобщение, т. е. отражение общего, постоянного и устойчивого, что логически вычленяется из многообразия и текучести явлений. Следовательно, сам факт наличия понятий говорит о том, что архаическое мышление уже было связано с абстракцией, анализом, синтезом и другими логическими процессами. Утверждению, что архаические понятия «ложные», ибо они сложились «на основе неверного осмысления ряда явлений материального мира, установления неправильных причинно-следственных связей» [Черепанова, с. 53], можно противопоставить следующие соображения. Прежде всего нельзя забывать, что значением слова может быть реализовано не только «истинное», т. е. научное понятие, но и «ложное», т. е. житейское, противоречащее научному и искажающее его, и что современный человек, не задумываясь, пользуется многими словами, отражающими «ложные» понятия (*солнце взошло, село, луна взошла, громоотвод* и т. п.). Далее, категории «истинного» и «ложного» относительны: то, что ложно сейчас, в прошлом воспринималось и осознавалось как истинное — все зависит от уровня и характера отношения знания к реальности. Кроме того, едва ли можно считать архаические понятия ложными на том основании, что «в реальной действительности, при научно-объективном подходе к ней, нет реалий, наименованием которых служат слова данной ТГ (*домовой, кикимора, леший* и т. п. — Г. С.)» [Черепанова, с. 53] — такие лексические единицы, как известно, занимают свое место в лексической системе современных языков как «имена с нулевым денотатом».

Во-вторых, вместе со словом появляется система номинаций, которая отражает результаты познавательной и классифицирующей деятельности человека и в итоге — когнитивное расчленение реальности. Это говорит о том, что архаическое мышление отличается от современного материалом (и эти различия весьма существенны), но не по сути.

Спорный характер идеи «прелогического» мышления демонстрирует и лингвистический анализ мифологической лексики. В связи с этим большой интерес представляет уже упоминавшаяся

ся монография О. А. Черепановой — первое лингвистическое исследование мифологической лексики, содержащее глубокий и разноаспектный анализ материала и чрезвычайно ценные выводы, касающиеся его классификации, этимологических разысканий и т. д. [Черепанова]. Однако последовательно проводимое в монографии соотношение мифологической лексики с «прелогическим» мышлением представляется нам неубедительным, более того, опровергается, по нашему мнению, самим исследуемым лексическим материалом.

Утверждая идею связи мифологической лексики с «прелогическим» мышлением, О. А. Черепанова настойчиво говорит о «неадекватных, логически сдвинутых связях» (с. 10), «ложных понятиях» (с. 54), «неправильных причинно-следственных связях» (с. 54), «смещенных логических отношениях» (с. 55) и т. п. Подготовленный таким образом читатель вправе ждать от материала невероятной экзотичности, непривычных номинаций, абсурдных, с современной точки зрения, классификационных схем, может быть, даже всякого рода бессмыслицы. В действительности приведенная лексическая микросистема поражает полным соответствием современным представлениям в отношении принципов номинации, мотивации, возможности классификационного распределения. Прежде всего обращает на себя внимание прозрачная мотивированность номинаций. Подавляющее большинство лексических единиц сохраняет внутреннюю форму и демонстрирует логику процесса наименования: *водяной* — в воде; *гуменник* — на гумне; *бережчик* — бережет; *игрец* — играет и т. д. (с. 60 и след.). Далее поистине поразителен тот факт, что классификационная схема мифологической лексики не только не воспринимается «архаической», но почти полностью совпадает с классификацией новейших лексических микросистем, например, с обозначением лица в современной русской разговорной речи: 1) сфера, место (ср. в современном языке: *надомник, тыловик, портовик, штабник*); 2) функция (ср.: *бегун, прыгун, взрывник*); 3) сопричастность с предметом, явлением (ср.: *блокадник, грибник, тряпичник*); 4) внешний облик (ср.: *бородач, очкарик, глазастик* и т. д.).

Если обратиться к типам номинации мифологической поры, то и здесь мы обнаружим соотносимость с номинациями в современной русской разговорной речи, например субстантивацией (*водяной, кочечный, лукавый* — ср. *дозорный, рядовой*), с семантическими стяжениями (*лесовик* — лесной хозяин, *болотник* — болотный леший — ср. *гипертоник, передовик*), с суффиксальными образованиями (*лоскотуха, манило, обдериха* — ср. *толстуха, воротила, трусиха*) и др. Таким образом, лингвистический анализ мифологической лексики убеждает в том, что архаическая лексическая система не имеет принципиальных отличий от современной, так же как и способы номинации и даже словообразовательные модели [Скляревская, 1987а].

Учитывая сказанное, следует признать, что истоки «нелогично-

сти» метафоры следует искать не в «прелогическом» мышлении, а в специфике логических процессов, происходящих при метафоризации.

Формальная логика и «логика воображения»

«Нелогичность» метафоры особенно отчетливо обнаруживается при сравнении с метонимией, регулярность которой такова, что дает основания безошибочно предугадывать, предвидеть развитие семантики в определенном направлении. Так, регулярный метонимический перенос «помещение — люди, находящиеся, в этом помещении» (*вся школа вышла на субботник, зал встает* и т. д.) можно моделировать применительно практически к любому слову, обозначающему некое вместилище, в котором могут (или могли бы) находиться люди: вагон, магазин, салон (самолета) и т. п., — настолько очевидна и постоянна близость («смежность») реальных, объединенных в метонимическую пару. Метафора имеет другую природу. Чувство аналогии заставляет человека отыскивать сходство между самыми отдаленными сущностями: не только между предметами чувственно воспринимаемого мира, но и между конкретными предметами и отвлеченными понятиями. При этом нам действительно не удастся обнаружить закономерности в процессе образования каждой конкретной метафоры. Общий для всего человечества механизм восприятия одних и тех же реальных объективного мира в сравнении друг с другом [Фрумкина], общий для всех людей «запас наглядно-опытных знаний» [Зыцарь, с. 28—30] не могут объяснить происхождение большей части метафор, а если учесть национальные [Гумбольдт, с. 162 и след.] (а в какой-то мере и социальные) различия в восприятии мира и в типах номинаций, то это окончательно может поставить в тупик. В самом деле, почему русское коллективное языковое сознание избирает для обозначения и характеристики высокого художника такую реалию, как жердь (ср. польское *dyl* — половица, испанское *fideo* — вермишель)? И почему такие общеизвестные свойства лошади, как физическое совершенство и способность к стремительному бегу не трансформировались в коннотацию, формирующую метафору, а, наоборот, коллективным языковым сознанием были объективированы совсем другие признаки: «неповоротливый», «неуклюжий»?

Ответить на эти и многие подобные вопросы нелегко, если подходить к ним с точки зрения формальной логики — «логики здравого смысла». Логические категории упорядочивают бесконечное число связей, существующих между объектами действительности, выбирая из них немногие, наиболее очевидные, непротиворечивые, при этом непрерывное движение реального мира искусственно останавливается и мир предстает статичным. Метафора же (и в этом ее главное сходство с мифом) базируется на другой логике — логике воображения («имагинативной», в терминологии Я. Э. Голосовкера [Голосовкер, с. 13, 18 и др.]), которая

дает возможность соединять в один пучок множество связей, нередко противоречивых и динамичных [Голосовкер, с. 18; Башляр, 1987а, с. 110; 1987б, с. 113]. Именно с этой особенностью связана семантическая неординарность метафоры, воспринимаемая как «нелогичность»: «Метафора... „взрывает“ реальность, вызывает шок, высвечивая противоречивые стороны объекта» [Дюбуа, с. 202].

Итак, очевидно, что источник метафоризации часто непредсказуем, а мир ассоциаций, формирующих семантическое переосмысление, практически беспределен, поэтому неудивительно, что совокупность языковых метафор на первый взгляд представляется беспорядочным хаосом, не поддающимся систематизации.

Тем не менее языковая метафора широко представлена в толковых словарях — едва ли не каждое многозначное слово содержит переносные значения и оттенки (напомним, что по лексикографической традиции помета «Перен.» ставится не при всех видах переносов, а только при метафорических). Следовательно, будучи описана в словаре, языковая метафора эмпирически уже систематизирована и классифицирована — ведь словарь не может оставить за пределами систематизации ни одного своего элемента. Предпринятая в данном исследовании попытка систематизировать ЯМ на теоретическом уровне также дала положительные результаты. Как же разрешается противоречие между фактами систематизации и сущностью метафоры, казалось бы, противостоящей стереотипности?

Во-первых, это противоречие снимается, если при анализе отчетливо разграничивать динамику и статику языковой метафоры. Под динамикой понимается сам процесс метафорического переосмысления, проявляющийся в выборе и реализации того, а не иного признака (или комплекса признаков). Говоря о статике, мы имеем в виду уже сформировавшуюся в языке метафору. Идея такого разграничения, известная в лингвистических работах и отчетливо сформулированная В. Н. Телией, представляется чрезвычайно продуктивной для дальнейших исследований: разграничив динамику языковой метафоры (процесс ее образования) и статику («готовое» семантическое образование), а также определив отнесенность каждого из этих явлений к определенной сфере исследования,⁴ мы тем самым разделим в языковой метафоре «нелогичное», непредсказуемое и не всегда объяснимое, с одной стороны, и «логичное», стандартное и потому поддающееся систематизации — с другой. Первое всецело относится к динамике образования метафоры, второе — к «готовой» метафоре. Именно в «го-

⁴ В. Н. Телия относит динамику метафоры к сфере теории номинации, а готовое значение — к сфере семасиологии [Телия, 1981, с. 98, 152]. По нашему мнению, динамика метафоры может быть исследована лишь как комплексная проблема ряда гуманитарных наук: аксиологии, психологии, психолингвистики, фольклористики, возможно, этнографии и физиологии и — наряду с другими — теории номинации.

товой» метафоре мы легко обнаруживаем «предметно-логические связи, отражающие языковой опыт говорящих» [Телия, 1977, с. 193]. Именно «готовая» метафора, широко представленная и описанная в толковых словарях, избрана объектом настоящего исследования.

Во-вторых, указанное противоречие снимается, если при анализе последовательно разграничивать ЯМ и ХМ, ибо все, что говорится о «нелогичности» метафоры (при этом имеется в виду линейная, формальная логика, «логика здравого смысла») имеет отношение именно к художественной метафоре.

Глава 3. Место языковой метафоры в лексико-семантической системе языка

Подобно тому как одежда, сперва изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и для украшения тела и как знак отличия, так и метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов, стали во множестве применяться ради услаждения.

Цицерон

Вопрос о семантических границах языковой метафоры

Понимание ЯМ как категории лексикологии выдвигает принципиально новый теоретический вопрос о ее месте в лексико-семантической системе языка. Эта проблема в свою очередь предстает перед исследователями как задача (или ряд задач) размежевания ЯМ и смежных или сходных семантических явлений. Вопрос о необходимости разграничения ЯМ и близких или смежных языковых явлений уже ставился в лингвистической литературе (к таким явлениям были причислены термины, перенос по функции, символы, метонимия и синекдоха) [Черкасова, 1968, с. 28, 30, 33], однако он до сих пор не решен.

Известные типологии языковой метафоры объединяют в пределах этой категории либо «живую» (образную, не утратившую семантической двуплановости) и генетическую метафору, как в типологиях Н. Д. Арутюновой и В. Г. Гака, либо языковую (общеупотребительную и общеизвестную) метафору и поэтическую (индивидуальную), как в типологии Ю. И. Левина.

Так, Н. Д. Арутюнова, показывая функциональные типы языковой метафоры, вычленяет с этой точки зрения: 1) номинативную метафору (генетическую, утратившую образный элемент. — Г. С.), 2) образную, 3) когнитивную (признаковую) и 4) генерализирующую (как конечный результат когнитивной метафоры) [Арутюнова, 1978б, с. 340; 1979б, с. 168].

В. Г. Гак выстраивает свою типологию, опираясь на характер семантических процессов, происходящих при метафоризации. Эта типология выглядит следующим образом: А. Полный метафорический перенос: 1) двусторонняя метафора (*голова* — котелок); 2) односторонняя семасиологическая метафора (*ножка стула*); 3) односторонняя ономасиологическая метафора (*вольтить*). Б. Частичный метафорический перенос (*зубец волки*) [Гак, 1972а, с. 151].

В типологии Ю. И. Левина рубрики вычленяются по способу реализации компаративного элемента: 1) метафоры-сравнения (*колоннада рощи*); 2) метафоры-загадки (*клавиши* — *булыжники*); 3) метафоры, приписывающие объекту свойства другого объекта (*ядовитый взгляд, жизнь сгорела*) [Левин, 1965, с. 293]

(здесь выделение третьего пункта едва ли можно признать оправданным методологически, ибо приписывать объекту свойства другого объекта является обязательным и неустранимым признаком и семантической сущностью любой метафоры).

В других работах признается обособленность языковой и художественной метафоры как разных объектов семасиологического и стилистического исследования: «Семасиология и стилистика различают два типа метафор: метафоры языка и метафоры стиля» [Язикова, 1962, с. 127]. Сделана попытка разграничить в пределах ЯМ метафору генетическую и «живую» — они названы соответственно «языковой метафорой I рода» и «языковой метафорой II рода». Семантические различия между ними демонстрируются лексикографической подачей: ЯМ I рода фиксируется как одно из производных значений, а ЯМ II рода — как переносное значение (там же, с. 130).

В настоящем исследовании размежевание между «живой» и генетической метафорой, с одной стороны, и общеязыковой и художественной — с другой, производится более решительно. С нашей точки зрения, генетическую и художественную метафору следует рассматривать не как типы (или виды, роды) ЯМ, как это делалось до сих пор, а как смежные с ЯМ семантические явления, т. е. сходные и соотносимые с ЯМ, но не обладающие при этом ее специфическими особенностями. Кроме того, к смежным языковым явлениям мы относим безобразное производное значение и метонимию. Сходство и соотносимость этих семантических категорий делают границы между ними не всегда достаточно определенными, но неопределенность границ не снимает задачи описания их различий, что диктуется не только проблемами теоретических разработок, но и задачами лексикографии.

Обоснованию этой точки зрения посвящена данная глава.

Языковая и художественная метафора

Как только метафора была осознана, вычленена из ряда других языковых явлений и описана, сразу возник вопрос о ее двойной сущности: быть средством языка и поэтической фигурой. Из высказывания Цицерона (см. эпиграф) видно, что именно языковая метафора первозданна и первична, однако в дальнейшем ученые пошли по пути исследования «украшений» и «знаков отличия» — вслед за Аристотелем, разработавшим поэтическую теорию метафоры, — и так до XX века, когда метафора впервые была выведена из области поэтики и описана уже не как фигура художественной речи, а как феномен языка.]

Первым, кто противопоставил поэтической метафоре языковую, был Ш. Балли, который показал всеобщую метафоричность языка [Балли, 1961, с. 333].

Сейчас никем не оспаривается существование двух типов метафор — художественной и языковой. Применительно к метафоре

как категории поэтики, как принадлежности художественной литературы (как поэзии, так и прозы) в отечественной лингвистике применяются термины: метафора художественная, поэтическая, тропическая, индивидуальная, индивидуально-авторская, творческая, речевая, окказиональная, метафора стиля. В данной работе, как уже было сказано, используется традиционный термин *художественная метафора* [ХМ]. Объем содержания этого термина более широк, он, как представляется, включает в себя все характеристики, отраженные в других терминах: индивидуальный и творческий характер, окказиональность (как неповторимость), принадлежность к определенному типу тропов и т. д.

Возникая как результат целенаправленных и сознательных эстетических поисков, ХМ исследуется в поэтике как одна из ее основных эстетических категорий. ЯМ стихийна, заложена в самой природе языка и исследуется в лингвистике как комплексная проблема, имеющая отношение к разным специальностям: лексикологии, семасиологии, теории номинации, психолингвистике, лингвистилистике.

ЯМ представляет собой готовый элемент лексики, такую метафору не нужно каждый раз создавать, «делать» — ее берут готовой и употребляют в речи, при этом живая речь обычно перенасыщена метафоричностью. Например, в телепередаче по Ленинградскому телевидению 17 февраля 1987 г. в короткой беседе корреспондента с рабочими и служащими одного из заводов были зафиксированы следующие языковые метафоры: *сырой закон, хлынет поток предложений, утонули в словах, железная дисциплина, железная гласность, загорелся спор, коллектив загорелся идеей, все горят страстями, куча новаторских предложений, вынырнули старые идеи, кадры растекаются, осколки старого, раскусили его замыслы, группа откололась, замораживали предложения.*

ЯМ мы автоматически воспринимаем и воспроизводим в речи, часто даже не отдавая себе отчета в том, что привычные слова имеют фигуральный смысл. ХМ, напротив, «выводит предмет из автоматизма восприятия» (В. Шкловский), ср.: *обугленная корчится траншея* (Гл. Семенов); *дурно пахнут мертвые слова* (Гумилев); *провода гроз* (Хлебников); *люди — лодки* (Маяковский) и т. п.

В литературе существуют разные точки зрения на характер соотношения ЯМ и ХМ. Эта проблема уходит своими корнями в проблематику соотношения общенародного и поэтического языка: признавая функциональную специфику каждого из этих явлений [Щерба, 1939], исследователи либо трактуют их в противопоставлении друг другу [Ларин, 1925], либо во взаимном единстве [Григорьев, 1966, 1979].

Идея противопоставленности художественной и общей речи была разработана Б. А. Лариным.

Концепция Б. А. Ларина строится на признании того факта, что «художественная речь исключительна по социальной предназначенности, обособлена от нормы живого языка» [Ларин, 1922,

с. 4]. Суть этой обособленности в том, что художественная речь, помимо реального и логического содержания, имеет еще и эстетический объект — «семантические обертоны смысла» — объект, который может быть воспринят и исследован только в пределах всего художественного произведения в целом (там же, с. 36). Как основные отличительные свойства художественной речи Б. А. Ларин называет невыводимость значения слова из ближайшего словесного окружения (там же, с. 32).

Сuggestивность текста и взаимообусловленность всех его элементов определяют и характер метафоры в художественной речи — ее многомерность как отличие от метафоры обыденной речи (Ларин, 1925, с. 66).

Наконец, еще одну отличительную особенность художественной речи Б. А. Ларин связывает с «ожиданием новизны, устремлением мысли к тем возможным способам представления, какие противостоят привычному, известному» (там же, с. 67).

Итак, в концепции Б. А. Ларина речь идет о видоизменении и общего языка в художественных текстах. Это положение получило дальнейшее развитие [Риффатер, 1980; Дюбуа, 1986].⁵

Вопрос о соотношении метафорического строя в языке и в художественной речи в соответствии с вышеизложенным может решаться двояко: либо между ЯМ и ХМ нет принципиальных различий, и эти типы метафор могут рассматриваться как единый объект, либо различия между ними следует признать достаточными, чтобы расценивать ЯМ и ХМ как самостоятельные объекты исследования.

В пользу первого положения обычно приводятся те обстоятельства, что ЯМ и ХМ сходны по принципам семантических процессов и между ними нет непреодолимой границы хотя бы потому, что сферы их применения взаимопроницаемы [Верли, 1957; Арутюнова, 1979а].

Действительно, отдельные образы переходят из художественной литературы в общий язык и наоборот, т. е. стираются, превращаются в штамп в первом случае и приобретают первоначальную образность во втором. Сравним, с одной стороны, многочисленные ЯМ, которые генетически принадлежат художественной литературе или фольклору (*утро жизни, огонь любви, песня льется* и т. п.). С другой стороны, в художественном тексте возможно наполнение ЯМ, этой пустой или почти пустой словесной оболочки, в которую можно вложить все, что угодно, свежей образностью, вовлечение языкового штампа (своего рода болванки, лексической заготовки) в динамическую и напряженную игру, в которой погибшая было метафора получает второе рождение. Ср.: *туманный взгляд — «Ее глаза как два тумана»* (Забо-

⁵ Мы не касаемся здесь вопроса о коммуникативных функциях художественной речи. Ср.: «Последним следствием такого видоизменения языка является то, что поэтическая речь обнаруживает свою несостоятельность как средство коммуникации» [Дюбуа, с. 46].

лоцкий); *камень на сердце* — «И упало каменное слово на мою еще живую грудь» (Ахматова); *обуза дел* — «С плеч свалить обузу головы» (Фет); *стеклянная струя* — «Твоих волос стеклянный дым» (Есенин); *обрывки разговора* — «И падают ошметки тишины» (Гл. Семенов); *слово взрывает* — «Рифма — бочка. Бочка с динамитом» (Маяковский); *мягкая тишина* — «Пахучий макиш тишины» (Есенин); *сухие слова* — «Черствая булка вчерашней ласки» (Маяковский).

Казалось бы, в приведенных примерах сопоставления ЯМ и ХМ речь идет только о количественных различиях, проявляющихся в степени образительности. Однако совершенно очевидно, что количественные различия приводят к глубоким качественным расхождениям между ЯМ и ХМ (об этом можно судить и по препарированному, извлеченному из контекстного окружения метафорам). Используя в качестве исходного языкового материала ЯМ (в данном случае мы не касаемся всех других источников словесного творчества), писатель разворачивает ее в живую картину, воспринимаемую чувственно, при этом не ближайшее окружение метафоры, а весь контекст несет на себе метафорический заряд. Ср., например, видоизменения ЯМ в художественных текстах: *бег времени* — «Город и все его двадцать дымящихся рек Бег замедляют свой и переходят на шаг» (Кушнер); *нить домов* — «Хватало пространства всем, хотя и прижали горы бечевкой вытянувшуюся деревушку к самой реке» (Астафьев); *изнанка жизни* — «Я снаружи и с изнанки ткань судьбы перебирала» (Ю. Мориц); *музыка льется* — «Прозрачные, как вода, текут аккорды электрборгана. Их течения сливаются, превращаются в один чистый голубовато-зеленоватый поток» (Голованов); *цепочка слов* — «Собственно, это была не фраза, а ржавая цепь из шершавых прямоугольных звеньев, так что могла изгибаться, выпячивая то одно, то другое звено» (Н. Катерли); *пути в науке* — «Один из ведущих специалистов в этой области заметил, что сегодня все шоссе и тропинки в теорфизике ведут к многомерию!» (Знание — сила, 1987, № 8).

Взаимопереходы того или иного образа из общего языка в художественный текст и наоборот отнюдь не означают тождества или близости (семантической, коммуникативной) ЯМ и ХМ. Образность ЯМ обычно осознается только исследователем: в спонтанной речи (или в художественном тексте, если нет особой эстетической нагрузки) ЯМ не обнаруживает образного элемента и без ущерба для смысла высказывания может быть заменена своим семантическим эквивалентом (ср.: *песня льется* — *песня звучит*). В ХМ это невозможно: если бы мы попытались в приведенных фрагментах произвести такую замену, мы убедились бы, что этого нельзя сделать, не уничтожив самого высказывания (ср., например, несостоятельные, с нашей точки зрения, попытки «перевести» поэтические метафоры В. Маяковского на обычный язык: *рыло власти* — «внимание, забота»; *темя времени* — «циферблат, таблица счета»; *за тоски хоботом* — «гнетом, давлени-

ем»; на спинах рыданий и маршей — «в сопровождении» и под [Туралина, с. 12].

Мы исходим, следовательно, из того, что ЯМ и ХМ различны по своей семантической и коммуникативной сущности и факт их взаимопереходов и взаимовлияний не свидетельствует о разрушении этого различия.

Современные исследования ЯМ обнаружили различия между ЯМ и ХМ, реализующиеся в разных аспектах.

Различия в гносеологическом аспекте таковы. Отражая обычные жизненные явления и «коллективно осознанные способы их (явлений. — Г. С.) характеристики» [Виноградов, 1953б, с. 25] и классифицируя в соответствии с этим элементы действительности, ЯМ участвует в одном ряду с другими лексическими единицами в общем для всего народа членении этой действительности. ХМ, напротив, стремится сместить очевидные для всех отношения, при этом «традиционные классификации рушатся» [Якобсон, 1935, с. 331]. Например: *Тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения* (Маяковский). *Глянцево-гладкий, волнисто-ворсистый кошмар* (Кушнер). *В игольчатых чумных бокалах Мы пьем наважденье причин* (Мандельштам). *Здесь свалка неба голу-бого* (Хлебников).

Трактуя ХМ как речевую и противопоставляя ее ЯМ, В. Н. Телия постулирует основные различия между этими видами метафор следующим образом: в ЯМ ассоциативные связи объективированы, они соответствуют предметно-логическим связям, отражающим языковой опыт говорящих, при этом коннотации, создающие метафору, закреплены узусом за смысловыми потенциями данного слова; коннотации речевой метафоры, напротив, отражают не коллективное, а индивидуальное видение мира, поэтому они «субъективны и случайны относительно общего знания» [Телия, 1977, с. 192—194].

Различия между ЯМ и ХМ в логическом аспекте соотносимы с различиями референциальных связей в обычной речи и в поэзии.

В исследовании Н. И. Балашова при сопоставлении особенностей обычной референциальной связи и референциальной связи в поэзии выявлены и сведены в бинарные оппозиции различия между этими категориями. Эти различия проявляются в отклонениях речи, в коннотационных отклонениях, в уровне смысловых неточностей, в ориентации означаемого на те или иные основные параметры референта. Если при графическом изображении референциальной связи в обычной речи уровень означающих в контексте изображен прямой линией, то поэтические означающие образуют не линию, а сферу (эллипсоид) «с турбулентными взаимодействиями, отклоняющимися от вертикального пути к означаемым» [Балашов, 1984, с. 157].⁶

⁶ Мы не останавливаемся здесь на спорных вопросах референциальной связи в поэзии. Балашов, в частности, считает, что в поэзии прямая линия между поэтическим означающим и его означаемым короче, чем в обычной речи, что обуславливает «близость», «сходство» означающего и означаемого [Балашов, 1984, с. 159].

Существенны различия ЯМ и ХМ с точки зрения их лексического статуса. Если ЯМ представляет собой самостоятельную лексическую единицу, относительно свободно вступающую в семантические связи и реализуемую в разнообразных лексических окружениях, то ХМ не имеет такой лексической самостоятельности — она всегда связана со «своим» контекстом. Особенности контекстуальной обусловленности ХМ были описаны В. Н. Телией: ХМ (называемая Телией «речевой». — Г. С.) «исходит» из конкретного контекста; рождается и существует в контексте, распадаясь вместе с ним; коннотативные признаки, создающие метафору, фокусируются только в рамках данного лексического набора [Телия, 1977, с. 194].

Действительно, вне связи с контекстом не может быть определена семантическая сущность ХМ. Контекст для ХМ — не «обрамление», не фон, даже не «питательная среда», в которой может существовать метафора, а собственно семантическая субстанция метафоры, ее содержимое, которое далеко не всегда легко разложить на «фокус» и «рамку» (воспользуемся здесь терминологией Блэка, хотя существуют и другие наименования для обозначения центра метафоры и необходимого для ее восприятия лексического окружения): *На стекла вечности уже легло Мое дыхание, мое тепло (Мандельштам). Большая Вселенная в люльке У маленькой вечности спит (Мандельштам).*

Даже в случаях контекстного развертывания ЯМ контекст также является не «окружением», а самой сутью ХМ. Сравним такие ЯМ, как *людской водоворот, нить событий* и их образное воплощение в художественном тексте: *Они потерялись в толпе, где новый универсам, а рядом с ним обувной, и люди там идут, как волны двух сливающихся рек, — нелепый людской водоворот растащил их в разные стороны. (Маканин. Один и одна.) Образно говоря, нить его жизни мерно струилась из чьих-то божественных рук, скользила меж пальцев. Без излишней стремительности, без обрывов и узлов, она, эта нить, находилась в ровном и несильном натяжении и лишь временами немного провисала. (Битов. Пушкинский дом.)*

К сказанному следует добавить, что минимальный метафорический контекст как «указательный минимум» [Шведова, 1982, с. 144], необходимый для реализации и восприятия ЯМ, обладает достаточно жестким конструктивным оформлением и этим принципиально отличается от свободного контекста ХМ [Лясота, 1962; Черкасова, 1968; Арутюнова, 1978а, 1979б; Телия, 1980, 1981; Бессарабова, 1987].

Глубокие различия между ЯМ и ХМ обнаруживаются также на уровне семантической структуры метафорического значения. ЛЗ ЯМ при всей сложности своего устройства все же поддается структурированию и подведению под типовые схемы (см. гл. 2).

Известна и противоположная точка зрения: «Значения в поэтическом языке воспринимаются опосредованно, как бы издалека» [Дюбуа, с. 46]. См. также [Риффатер, с. 72].

Что касается устройства ЛЗ ХМ, то в этой области исследования мы разделяем точку зрения, согласно которой каждая ХМ уникальна, не сопоставима по своей семантической структуре с другими ХМ. Если в структуре ЯМ набор семантических элементов, каким бы многочисленным он ни был, все же исчислим, то в ХМ он по существу беспределен [Вольф, 1979, с. 133]. Признание неповторимости каждой поэтической фигуры как свойства ее абсолютной уникальности (что делает тропы недоступными генерализации) приводит Бирвиша к отрицанию самой возможности разработки теории структуры поэтических текстов [Bierwisch, S. 50]. Исследование ЯМ при системном подходе и выявлении типов направления метафорических переносов также обнаружило принципиальные и глубокие различия между рассматриваемыми видами метафор, главное из которых заключается в том, что ЯМ имеет системный характер, т. е. образуется и функционирует по законам языковой системы, а ХМ в этом отношении внесистемна [Скляревская, 1987б, с. 64] (см. гл. 5).

Таковы известные в литературе различия между ЯМ и ХМ. Тем не менее в отечественных и зарубежных работах, посвященных лингвистическому анализу метафоры, ЯМ и ХМ, как правило, рассматриваются как единый объект исследования (ср. приведенные выше типологии ЯМ). Известны и теоретические обоснования такого подхода, в частности обоснование, данное В. Н. Телией: «Факты авторского словоупотребления столь же неотъемлемое достояние живого языка, как и нормативно фиксированная сочетаемость слов» [Телия, 1981, с. 12].

С этим трудно согласиться. Поставленные рядом в пределах одного исследовательского текста, ЯМ и ХМ по контрасту еще отчетливее обнаруживают присущие им различия. ХМ принципиально не способна составить один ряд с ЯМ — с общеизвестными, общепонятными лексическими средствами, легко отыскиваемыми среди других всякий раз, как в них появляется коммуникативная потребность (примеры см. выше). В отличие от ЯМ, ХМ не может быть представлена анонимно.

О единстве авторских и общеязыковых метафор, по-видимому, можно говорить в том плане, что субстратом (исходным материалом) в том и в другом случае является общий для всех (как для среднего носителя языка, так и для писателя) язык.

Итак, мы исходим из того, что ЯМ и ХМ как явления общего языка находятся в сложных и противоречивых связях и отношениях: общим для них является психолингвистическое (и психологическое) свойство перенесения наименования с одного предмета на другой на основании сходства. Что касается соотношения ЯМ и ХМ в лингвистическом плане (по семантическим, номинатив-

⁷ Вполне понятно, что мы не имеем в виду системы образных средств того или иного писателя (или произведения), в которые входит ХМ, а также системного характера поэтического языка (как и языка художественной литературы в целом) [см. Григорьев, 1979, с. 78].

ным, коммуникативным и другим свойствам), то здесь между ними обнаруживаются глубокие различия принципиального характера. ЯМ имеет системный характер, объективна (отражает коллективные предметно-логические связи), выполняет коммуникативную функцию, «анонимна», воспроизводима. ХМ внесистемна, субъективна (отражает индивидуальный взгляд на мир), выполняет эстетическую функцию, сохраняет «авторство», обладает максимальной синтагматической обусловленностью, уникальна, невоспроизводима.

К обоснованию объекта нашего исследования необходимо добавить следующее. Избрав объектом ЯМ и отграничив ее от ХМ, мы тем не менее строим свое исследование на материале художественной литературы. В этом нет противоречия. Ведь художественные тексты (во всяком случае, многие из них) содержат в своем составе как тропы, так и обычные общеупотребительные, общедоступные выражения, в их числе и ЯМ. Мы отбираем для анализа ЯМ, оставляя в стороне все, что составляет специфику авторского стиля и несет на себе эстетическую нагрузку.

Для дальнейшего обоснования объекта исследования нам необходимо остановиться на семантических явлениях, которые могут рассматриваться как варианты ЯМ и ХМ. Вариантом ХМ мы считаем прежде всего риторическую метафору, выделенную и описанную в свое время А. В. Бельским. Риторическими и названы метафоры, не обладающие индивидуальностью, употребляемые многими авторами, это своего рода «художественные штампы», клише, с ослабленным или вовсе утраченным образным элементом и эстетическим потенциалом (*паутина лжи, изумруды листвы, закат жизни* и т. п.) [Бельский, с. 129; см. также Язикова, с. 127, 130]. К риторической метафоре, по нашему мнению, относятся все случаи олицетворения (*лес уснул, море дышало, камыш шептал, солнце смеется, камень печален* и т. д.).

Наряду с риторической метафорой, которая представляет собой художественные штампы, в большей или меньшей степени нейтрализовавшиеся в общем языке (хотя и не ставшие его элементами), мы считаем целесообразным выделить потенциальную ЯМ. К потенциальным ЯМ мы относим такие метафоры, которые по типу переноса, по характеру денотативной связи, по контекстуальной обусловленности и по другим свойствам не противоречат ЯМ, образуются по законам ЯМ, хотя при этом не являются узувальными и обычно не фиксируются в словарях, не функционируют в языке на правах готовых лексических единиц. Например: *парафиновый* 'белый, полупрозрачный'; *озеро* 'ограниченное пространство, занятое чем-л.'; *палаческий* 'губящий, уничтожающий что-л.'; *отламываться* 'исчезать из памяти'; *свежий* 'заново возникший, появившийся'; *фасолины* 'мелкие блестящие предметы овальной формы' и т. д.]

Примеры:

На бледных парафиновых щеках его помещались приличные седые бакенбарды. (Ильф и Петров. Золотой теленок.) *Маргарит-*

та. . . увидела под собою не лесную тьму, а дрожащее озеро московских огней. (Булгаков. Мастер и Маргарита.) Он перечеркнул страницу жирным черным карандашом, который всегда использовал для палаческой работы — зачеркивать, вычеркивать. (Трифонов. Время и место.) Почему женщины привязаны к прошлому гораздо меньше, чем мужчины? Прежняя жизнь отламывается у них навсегда. (Трифонов. Время и место.) Мужчина . . . сказал с неожиданной свежей злобой: «Надо научиться, наконец, уважать правила общежития». (Трифонов. Время и место.) Девки широко, толстогубо заулыбались, блестя крупными фасолинами зубов. (Носов. Домой за матерью.)

Эти метафоры извлечены из текстов художественной литературы, однако нет никаких препятствий для отрыва каждой из них от «своего» контекста, для расширения контекстуальных связей: парафиновая рука, кисть, ладонь, парафиновый лоб, нос, подбородок, парафиновое лицо; озеро голов, зелени, цветов; палаческие методы, действия; отламывается прошлое, молодость, любовь; свежая ненависть, боль, радость и т. п. Кроме того, легкость вхождения потенциальной ЯМ в общий язык обусловлена тем, что обычно она поддерживается аналогией, ср.: парафиновое лицо — восковое лицо; озеро огней — море огней; фасолины зубов — горошины глаз и т. п.

Потенциальная ЯМ строится из того же материала, что и обычная ЯМ (т. е. имеет сходный набор сем), и по тем же принципам. Различия проявляются в большей образности потенциальной ЯМ — в ее конкретности, наглядности и картинности. Практически эти свойства достигаются самыми простыми средствами, к которым могут быть отнесены следующие: нестандартная сочетаемость (ср. взрыв негодования и взрыв неврастении); употребление деривата ЯМ (ср. цепкая память — вцепилось слово; гнить в бездействии — догнывать; густой голос — голос сгустился и т. п.); соотнесение метафорического значения не с родовым, а с видовым понятием (ср. клочья музыки и клочья баса, тенора); употребление синонима ЯМ (ср. веяние с Запада и сквозняк с Запада; кислое выражение — укусное выражение) и т. п. Повышенная образность потенциальной ЯМ препятствует ее вхождению в общий язык.

Примеры:

Отравленный взрывом неврастении, поэт покачнулся. (Булгаков. Мастер и Маргарита.) Из всего выкрикнутого женщиной в расстроенный мозг Ивана Николаевича вцепилось одно слово: «Аннушка». (Булгаков. Мастер и Маргарита.) С улыбкой превосходства он глядел на одиноких нэпманов, догнивающих под вывесками: «Торговля товарами камвольного треста Б. А. Лейбедев», «Парча и утварь для церквей и клубов» или «Бакалейная лавка Х. Робинзон и М. Пятница». (Ильф и Петров. Золотой теленок.) Доедаемая малокровием девушка. (Булгаков. Мастер и Маргарита.) Доносились клочья то агапеновского баса, то ликопастовского тенора. (Булгаков. Театральный роман.) Пыточ-

ность мыслей состояла в том, что он не мог — не было сил — размышлять подробно и в отдельности. (Трифонов. *Время и место.*) — Тоже нет, — ответил Воланд, и голос его сгустился и потек над скалами. (Булгаков. *Мастер и Маргарита.*) Ранний русский символизм был сильнейшим сквозняком с Запада. (Мандельштам. *Буря и натиск.*) Обнимаясь, оба брата искоса поглядывали на председателя, с лица которого не сходило уксусное выражение. (Ильф и Петров. *Золотой теленок.*)

Языковая метафора и безобразное производное значение

Если представить образный потенциал слова в виде «шкалы образности», то на одном ее конце (с максимальной степенью образности) окажется ХМ, а на другом (с нулевой степенью образности) — отвлеченная лексика, которая ни при каких условиях не может метафоризоваться (например: *чтение, грубость, категория, чистота, направление, фантазия, смысл, критерий, сущность, длительность* и т. д.). Между этими полюсами распределяются все остальные лексические единицы, найдут там свое место и ЯМ, и безобразное производное значение [БПЗ].

На необходимость разграничивать, не смешивать метафорические (образные) и безобразные производные значения (вторичные номинативные, номинативно-производные) указывал В. В. Виноградов [Виноградов, 1953б, с. 12].

Однако разграничить эти явления не всегда легко. Об этом свидетельствуют тексты лингвистических исследований, где безобразная лексика рассматривается в одном ряду с метафорой, и показания словарей, где пометой «*Перен.*» нередко квалифицируются не только метафорические переносы, но и другие типы полисемии: расширительное или суженное значение, кальки, функциональный перенос и т. д. В лингвистических исследованиях в качестве примеров метафор можно встретить БПЗ, например: *автограф, алиби, антракт, диагноз, династия, диспетчер, дуэль, дуэт, кавалькада, квартет, квинтет, новоселье, прописка, старт* и др. [Рахманова, с. 138]; *клан (ядерный), градус (внимания)* и др. [Бессарабова, 1987, с. 161].

Словари также нередко отмечают безобразные производные значения как метафорические: *борьба* (чувства и долга), *запас* (слов, знаний), *измеряться* (сила дружбы измеряется верностью), *калибр* (экипажи разного калибра), *клокотание* (паровоза), *колебание* (температуры), *колорит* (романа), *коснуться* (вопроса), *крепить* (оборону), *кульминация* (отношений), *культ* (личности), *курс* (в политике), *масштаб* (дарования), *предел* (жизни), *предисловие* (действовать без предисловий), *прелюдия* (боя), *проекция* (чувства), *пролог* (событий), *стандарт* (в кино), *статика* (жизни), *центр* (событий) и т. д. [БАС]. Следует отметить, что многие из перечисленных слов в своих исходных значениях представляют абстрактные понятия (*проекция, стандарт* и др.), поэто-

му их метафорическое, т. е. образное, переосмысление принципиально невозможно.

Критерием разграничения ЯМ и БПЗ может служить различие в характере семы, связывающей исходное значение с производным в том и в другом случае. Применительно к ЯМ такой семой служит чувственный признак, нерелевантный для денотативной части исходного ЛЗ или вовсе не входящий в ее структуру и относящийся к коннотации (упрощая проблему, мы представляем дело так, как если бы связь между исходным и метафорическим значениями осуществлял один признак, хотя обычно в этой функции выступает целый набор признаков (см. гл. 4).

Применительно к БПЗ такая сема может быть определена как отвлеченный признак, вычленяемый логическим путем как элемент сходства по форме, пространственной локализации, функции и т. п., релевантный как для производного, так и для исходного значений и не вносящий в слово добавочных экспрессивных, эмотивных или оценочных приращений. Он и участвует в формировании безобразного производного значения как общий семантический элемент: *колонна здания* — *колонна демонстрантов* (общий семантический элемент — сема «вытянутый и узкий»); *клавиша рояля* — *клавиша пульта управления* (общий семантический элемент — сходство функций); *тюремная камера* — *камера мяча* (общий семантический элемент — схема «замкнутое пространство») и т. д. БПЗ, в отличие от ЯМ, обладает семантической самостоятельностью: оно воспринимается и существует в языке независимо от исходного значения, что свидетельствует о его номинативной самостоятельности.

Различия между ЯМ и БПЗ в обобщенном виде могут быть сведены в таблицу. (См. табл. 1.)

Т а б л и ц а 1

Различия между языковой метафорой и безобразным производным значением

ЯМ	БПЗ
1. В основе семантического сдвига лежит эмпирический признак, нерелевантный для семантической структуры исходной семемы	В основе семантического сдвига лежит признак, вычленяемый логическим путем, релевантный для семантической структуры исходной семемы
2. Низкая номинативная значимость (зависимость от исходного значения)	Высокая номинативная значимость (относительная самостоятельность)
3. Связь словесного знака с денотатом опосредована исходной реалией («удвоение денотата»). Семантическая двуплановость	Непосредственная связь словесного знака с денотатом. Нет двуплановости
4. Экспрессивная и оценочная насыщенность	Экспрессивная и оценочная нейтральность

Языковая и генетическая метафора

Пройдя длительный путь развития в языке, метафора либо превращается в абстрактное понятие (*подавить восстание, часы идут, часы отстают, солнце встает* и т. п.), либо становится единицей номинации, утратив всякую связь с первоначальным образом и уже не обнаруживая никакой стилистической или экспрессивной выразительности (*нос лодки, ручка двери, горлышко бутылки, спинка стула, шляпка гриба* и т. п.).

Существует целая серия терминов, определяющих характер «бывшей» метафоры: метафора «номинативная» (Арутюнова), «лексическая, лексикализованная, окаменевшая, привычная, мертвая, стертая» (Ахманова), «генетическая, терминологическая» (Корольков), «односторонняя семасиологическая» (Гак), метафора «по происхождению, стершаяся, поблекшая, эксметафора» (Черкасова). Термин *генетическая метафора* [ГМ] обобщенно и достаточно точно отражает сущность этого языкового явления: первоначальную метафоричность и утрату образности в современном языке, семантический распад слова — разрыв связи с источником наименования. Именно этими обстоятельствами обусловлены все характерные особенности такой лексики (семантические, номинативные, экспрессивные и др.).

Как уже упоминалось, ГМ обычно относится исследователями к типу ЯМ. Определяя ГМ как одностороннюю семасиологическую метафору и признавая ее номинативный характер (*ножка стула* — единственное обозначение предмета), В. Г. Гак тем не менее настаивает на том, что такая лексическая единица сохраняет свой метафорический статус: метафорический характер наименования сохраняется за счет противопоставления косвенного наименования прямому [Гак, 1972, с. 150]. См. также [Языкова, 1962, с. 127—130].

Мы рассматриваем ГМ не как тип (или вариант) ЯМ, а как смежное с ЯМ семантическое явление. Общность происхождения не обеспечивает единства в синхронном плане. ГМ, в отличие от ЯМ, не обладает образным элементом, не обнаруживает семантической двойственности, семантически независима. Чтобы воспринять ГМ, не нужно мысленно возвращаться к исходному значению, т. е. такие обозначения, как *нос лодки, ножка стула, грудная клетка, кости таза* и т. п., не соотносятся с частью лица, нижней конечностью, клеткой для птицы, предметом домашнего обихода. Если сопоставить денотативную связь в ЯМ *корыто* (плохое судно) и ГМ *таз* (часть скелета человека), то мы обнаружим семантическую связь с первоначальным денотатом в первом случае и ее отсутствие во втором. Иными словами, мы воспринимаем ГМ *таз* непосредственно, вне связи с понятием, давшим импульс к развитию метафорического значения, а для восприятия ЯМ *корыто* приходится мысленно вернуться к исходному значению.

Для ГМ характерна утрата мотивированности, выпадение элемента сопоставления из семантической структуры слова. Утрата

связи с исходным значением в семасиологическом плане означает возвращение к обычной, непосредственной денотативной отнесенности: если при «живой» метафоре наблюдается двойственная связь с денотатом (удвоение денотата), придающая ей семантическую двуплановость, то в ГМ — непосредственная связь с новым денотатом, без соотнесения с первоначальным, иными словами, ГМ в синхроническом плане воспринимается как первичная номинация (Арутюнова).

ГМ, таким образом, лишена всех признаков ЯМ (образности, двуплановости, оценочных и других коннотаций). Учитывая эти обстоятельства, мы рассматриваем ГМ как смежное с ЯМ языковое явление, а не как тип ЯМ.

Вместе с тем существует ГМ, утратившая двуплановый характер, но сохранившая коннотативное содержание (эмоциональность, экспрессивность, оценку). Более того, в определенных разрядах такой лексики экспрессивность заполняет денотативную часть семантики ГМ. Ср.: *загвоздка*, *карга*, *морока*, *обормот*, *олух*, *фискал*, *волокутить*, *волынить*, *канителить*, *клянчить*, *куражиться* и т. п. Нет живой связи с первоначальным наименованием, значит, нет и метафоры. Чтобы установить утраченную связь с источником метафоризации в словах такого рода, приходится обращаться либо к этимологическому анализу, либо к сведениям из других языков, либо к фактам истории: *олух* — 'невежа, дурак' — из старого *волух* (пастух волов); *болван* — 'бестолковый, глупый человек' — из старого *болван* (чурбан); *дылда* — 'человек высокого роста' — из польского *dył* (половица); *клянчить* — 'попрошайничать' — из польского *kłęzcęć* (пасть на колени); *мыкаться* — 'скитаться, испытывая нужду, невзгоды' — из диалектного *мыкать* (чесать лен, пеньку); *карга* — 'сварливая, злая или безобразная старуха' — из диалектного *карга* (ворона); *фискал* — 'ябедник, доносчик' — в эпоху Петра I должностное лицо, надзиравшее за законностью действий правительственных учреждений. Как видно из приведенных примеров, реалья, послужившая источником метафоризации, либо исчезла (*фискал*), либо по тем или иным причинам не известна членам языкового коллектива (*дылда*, *карга*).

Другой вид эмоциональной метафоры составляют так называемые «интенсивы» (термин Н. А. Лукьяновой): *бахнуть*, *брякнуть*, *жахнуть*, *жарить*, *тяпнуть*, *хлестать*, *ухнуть* и т. п. В этой лексике также утрачена семантическая связь с исходным значением, но сохранена экспрессивная мотивированность — одно и то же слово может обозначать разные явления, нередко не обнаруживающие никаких видимых связей; так, глагол *хватить* может обозначать какое угодно интенсивное действие: изловчиться, урвать что-л., выпить, быстро глотнуть, перенести, испытать что-л. тяжелое, допустить крайнее преувеличение в чем-л., неожиданно поразить, сильно ударить, внезапно начать делать что-л., появиться быстро, внезапно.

К виду ГМ относятся, по нашему мнению, профессионализмы — наименования орудий труда, их частей, трудовых процессов и т. д. по сходству с предметами быта, с частями человеческого тела, по ассоциации с животными: *козел* 'застывший металл', *коза* 'вагонетка', *свинка* 'слиток металла', *гузка* 'лишний конец у литеры', *шкурка* 'наждачная бумага', *баранка* 'руль', *журавль* (коловца), *колесо* (трубы), *бородка* (ключа), *гусеница* (трактора), *лапа* (сапожная), *салазки* (станка), *кошка* 'приспособление для лазания', *ветка* (железной дороги), *головка* (детали) и т. д. Терминологические обозначения общеизвестных реалий (*баранка*, *шкурка*, *ветка железной дороги*, *гусеница трактора* и под.) имеют в языке тот же статус, что и обычные ГМ (*спинка стула*, *горлышко бутылки*, *таз человека*, *грудная клетка* и под.), так как не соотносятся в языковом сознании говорящих с реалиями, послужившими в момент наименования источником семантического развития. Несколько сложнее обстоит дело с названиями предметов, не известных за пределами узкой профессиональной среды (*козел*, *свинка*, *гузка* и т. д.). «Экзотичность» (для неспециалиста) этих обозначений, незнание соответствующих им реалий вызывает мгновенную и стойкую ассоциацию с источником наименования (*козел* — животное), и это может быть воспринято как свойственное метафоре удвоение денотата. Однако это псевдометафоричность: в пределах профессионального языка такие слова, выполняя функцию терминов, лишены какой бы то ни было экзотичности и двуплановости.

Глава 4. Семантический посредник метафоризации. Семантические виды языковой метафоры

Быть посредником между двумя столь разнородными группами восприятий, как огонь и болезнь, слово может только потому, что его собственное содержание, его внутренняя форма обнимает не все признаки горения, а только один из них, встречаемый и в болезни.

А. Потебня

Символ метафоры

В процессе исследования нам предстоит вычлениить, описать и определить тот семантический элемент, который непосредственно участвует в преобразовании смысловой структуры слова при метафоризации, осуществляет семантическую трансформацию и связывает метафорическое значение с исходным.

А. А. Потебня, глубоко исследовавший психологическую сущность метафоры, выделил опосредующее звено между двумя предметами и назвал его средством апперцепции. Таким посредником Потебня считает как общие черты, которые могут быть обнаружены между двумя разнородными группами восприятий, так и само слово (собственно метафору. — Г. С.) [Потебня, 1862, с. 136 и след.].

Идеи Потебни намного предвосхитили современные исследования семантического устройства ЯМ, поиски и определение той части семантики, того семантического компонента, который непосредственно осуществляет «перенесение» признака от одной группы восприятий к другой.

Эти вопросы вызывают множество разногласий. По-видимому можно считать общепризнанным тот факт, что при метафорическом процессе некоторая часть семантического содержания исходного значения переносится в метафорическое значение, либо оставаясь при этом неизменной, либо претерпевая те или иные смысловые модификации [Потебня, 1862; Веселовский, 1898; Выготский; Кацнельсон, 1965].

Разногласия начинаются там, где речь идет о сущности этой части семантики: об ее локализации в семантической структуре исходного значения (в денотативной или коннотативной сфере), о месте в иерархии сем (ядерная, периферийная, потенциальная), об ее релевантности или нерелевантности для исходного значения.

Распространена (и даже признается общепринятой [Черкасова, 1968; Бессарабова, 1987]) точка зрения, согласно которой метафорический перенос совершается на основании общего семантического элемента (компонента). Этот термин применяется в компонентном анализе и имеет двойное значение. Во-первых, он означает такой элемент семантики дву-

или нескольких лексических единиц, который в равной мере релевантен для каждой из них и который объединяет эти лексические единицы в семантическое поле [Бирвиш, с. 182]. Во-вторых, термин «общий семантический элемент» приложим к семе, соединяющей исходное значение с метафорическим: «Два понятия, далекие друг другу, связываются между собой третьим, имеющим общее и с первым, и со вторым; выявлением этого общего создается психологическая основа метафоры, которой определяется и характер общего семантического элемента» [Черкасова, 1968, с. 35].

Другая точка зрения такова: признак, служащий основой метафорического переноса, не только не релевантен для семантической структуры переосмысливаемого слова, но часто вообще не является элементом этой структуры, а зависимость метафорического значения от исходного определяется вовсе не повторением в метафорическом значении элементов, существенных для номинативных значений, а «отражением в них ассоциативных, или репрезентативных, признаков, то есть признаков, так или иначе отражающих представления, связанные с обозначаемыми данными словами предметами и явлениями» [Шмелев, 1973, с. 73]. Д. Н. Шмелевым была также высказана мысль, что такой признак, являясь устойчивой ассоциацией, связанной с представлением о явлении, которое обозначает слово, не может считаться ни дифференциальной семой, ни вообще конструктивным элементом значения [Шмелев, 1973, с. 193; см. также с. 231]. В дальнейшем, сопоставляя толкования основных и переносных значений слов (в разряде зооморфизмов), Д. Н. Шмелев делает вывод, что в толкованиях исходных значений «нет и намек на те качества, которые закреплены за ними при их применении к людям» [Шмелев, 1982, с. 28]. Мысль о том, что коннотативный признак, служащий основой метафорического переноса, не входит в основное значение слова и нерелевантен для исходного значения, последовательно проводится В. Н. Телией [Телия, 1977, с. 147, 151; 1981, с. 227], высказывалась также Н. З. Котеловой [Котелова, 1975, с. 35].

Думается, что непримиримость описанных позиций в значительной мере основана на разном понимании объема ЛЗ (см. гл. 1). Сторонники первой позиции на основе интегрального подхода трактуют ЛЗ широко — как структуру, включающую, кроме денотативного содержания, все коннотативные наслоения, откуда и черпаются «общие семантические элементы». Сторонники второй позиции, напротив, трактуют ЛЗ в соответствии с дифференциальным подходом как денотативное содержание, оставляя за его пределами коннотативную сферу.

В настоящем исследовании, как было сказано (гл. 1), принято интегральное понимание ЛЗ. При этом о б щ и м для двух значений мы считаем только такой семантический элемент, который в обоих ЛСВ выполняет структурно-дифференциальные функции, входит в денотативное ядро, который поэтому одинаково релевантен для исходного и метафорического значений и фиксируется

в словарных дефинициях как в метафорическом, так и в исходном значениях.

Системный анализ обширного словарного материала показал, что характерным для ЯМ можно считать отсутствие общего с исходным значением семантического элемента. В тех относительно немногочисленных случаях, когда такой компонент семантики вычленяется и фиксируется, он имеет субъективный характер, неустойчив, легко трансформируется и разрушается и тем самым обнаруживает свою семантическую несостоятельность. Обоснованию этого положения посвящена данная глава.

Компонент семантики, осуществляющий смысловую связь метафорического значения с исходным, обладает разной степенью сложности.

Такой элемент семантики может представлять собой конкретный признак, который лежит на поверхности, легко вычленяется и эксплицитно привязывает метафорическое значение к исходному: — *Вот этот, ваш парень... Неуклюжий такой... — Медведь, — подсказал Журка.* (Дягилев. Вечное дерево.) Ср. также: *Белый плащ с багряной подбивкой возник в высоте на каменном утесе над краем человеческого моря.* (Булгаков. Мастер и Маргарита.) *С платформы вокзала виднелось море одиноких сигналов.* (Платонов. Происхождение мастера.) (Вычленяется сема «обширное пространство»). *Вероника почувствовала, как погружается в океан безысходности.* (Токарева. Длинный день.) *Ввергнутый в пучину обид, ослабевший от банного угара, ... мальчик отыскивал в глухом углу возле каменки свою одежку.* (Астафьев. Ода русскому огороду.) (Вычленяется сема «глубина»).

В других случаях в основе метафоризации лежит не конкретный признак, который можно выделить и обозначить, а некое общее или сходное впечатление, производимое сопоставляемыми предметами. По этому принципу создаются целые ряды метафорической лексики, в частности многие экспрессивные наименования-характеристики человека: *выдра, овца, корова, теленок, столб, бревно, чурбан, кисель, размазня, тюфяк* и т. п. Называя человека подобным именем, мы часто не имеем в виду какое-либо одно конкретное свойство, а отражаем общее, часто не поддающееся точному определению впечатление (которое только в словаре расчленяется на частные признаки и ассоциации): *выдра*: непривлекательная, обычно худая, также злобная; *индюк*: глупый, заносчивый, надменный; *корова*: толстая, неуклюжая, также глупая; *кувалда*: грубая, неуклюжая, невоспитанная; *теленки*: безответный, глупый, обычно молчаливый; *чурбан*: бесчувственный, бездушный, несообразительный, малоподвижный, глупый; *колода*: толстая, неуклюжая, неповоротливая, медлительная и т. п.

Роль семантического посредника между исходным и метафорическим значениями, как мы видим, может выполнять не одна сема, а множество сем (обычно нерасчлененное, диффузное), которые скрыты в глубине семантической структуры и извлекаются из нее.

при метафоризации. В ЯМ может актуализоваться сема, не только не релевантная для денотата, но даже противоречащая обыденному представлению об объекте, однако всякий раз обнаруживаемая при глубинном анализе (в частности, психологическом). Иными словами, ЛЗ ЯМ связано с исходным денотатом и детерминировано его свойствами, хотя эти свойства не фиксируются в семантической структуре исходного значения, а извлекаются из ее глубин.

Такой компонент семантики, связывающий метафорическое значение с исходным, мы называем символом метафоры.⁸ Введение этого термина методически оправдано следующими обстоятельствами. Во-первых, термин «символ метафоры» приложим не только к единичной семе, но и к множеству сем (ср. традиционные термины коннотативная сема, ассоциативный признак, средство апперцепции и т. п.). Во-вторых, этот термин связывает источник метафоры и готовую метафору и представляет их в единстве: признак, который в семантической структуре исходного значения относился к сфере коннотации, в метафоре перемещается в денотативную часть, становится дифференциальной семой.

В самом деле, если в номинативном значении слова *лиса* сема «хитрость» является потенциальной, т. е. не входит в денотативное ядро, а лишь отражает некое приписываемое человеком этому животному качество, то в ЯМ *лиса* сема «хитрость» становится дифференциальной, определяя семантику ЛЗ в целом и его денотат. Таким образом, символ метафоры может быть представлен как коннотативный признак исходного значения, преобразованный в процессе метафоризации в определяющий признак метафорического значения, иначе, как потенциальная сема исходного значения, преобразованная в дифференциальную сему метафоры.

Итак, под символом метафоры мы понимаем элемент семантики, состоящий либо из одной семы, либо из совокупности сем, который в исходном номинативном значении относится к сфере коннотации, а в метафорическом значении входит в денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем и служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации.

Символ метафоры выполняет функции предмета квалификации, отражая сложную, сдвоенную структуру квалификации в ЯМ.

Е. М. Вольф определила типовую квалификативную структуру как четырехкомпонентную: собственно квалификация, субъект квалификации, объект квалификации и основание квалификации [Вольф, 1978, с. 29]. В. Н. Телия усложнила эту структуру, вычленив также предмет квалификации — те свойства реалии, которые стимулируют эмотивную реакцию субъекта речи; например,

⁸ На начальных этапах исследования мы пользовались рабочим термином «символ переноса» [Скляревская, 1983, с. 55; 19876, с. 58].

кваликативная структура слова *кляча* 'изможденная лошадь' реализуется следующим образом: *кляча* — такая лошадь (объект квалификации), которую говорящий (субъект квалификации) считает по сравнению с «нормальными» лошадьми (основание квалификации) плохой (собственно квалификация) из-за ее немощности или неказистого вида (предмет квалификации) [Телия, 1981, с. 205].

При метафорическом переносе кваликативная структура усложняется — удваивается вместе с удвоением денотата.

Рассмотрим в связи с этим ЯМ *кляча* «изнуренная, некрасивая женщина». Такая метафора имеет два предмета квалификации: оценку лошади [K_1] и оценку женщины [K_2]. В соответствии с этим удваивается вся кваликативная структура: появляется объект вторичной квалификации, удваиваются предмет и основание квалификации (вполне понятно, что субъект первичной и вторичной квалификации совпадает). Схема разворачивается следующим образом: *кляча* — такая женщина (объект вторичной квалификации / OK_2 /), которую говорящий (субъект вторичной квалификации $СК_2$) считает по сравнению с нормальными женщинами (основание вторичной квалификации / $ОснK_2$ /) плохой (собственно вторичная квалификация [K_2]) из-за ее изнуренного вида (предмет вторичной квалификации [PK_2]) на основании сходства по ассоциации и изнуренным видом (предмет первичной квалификации [PK_1]) плохой лошади (собственно первичная квалификация [K_1]), которую по сравнению с нормальными лошадьми (основание первичной квалификации [OK_1]) говорящий (субъект первичной квалификации [$СК_1$]) называет клячей (объект первичной квалификации [OK_1]).

Предмет квалификации (основной и вторичной, представленной в их единстве) и формирует символ метафоры: «изнуренный (+слабый+неказистый)».

Таким образом, при метафоризации происходит как бы двоякая, поэтапная квалификация: прежде чем назвать хитрого человека лисой, трусливого — зайцем, неуклюжего — медведем и т. п., нужно связать эти качества с животными — т. е. квалифицировать каждое животное соответствующим образом.

Семантические виды языковой метафоры

Символы метафоры обнаруживают большое разнообразие как по своему семантическому устройству (моносемные, полисемные), так и по характеру связи исходного значения с метафорическим (более или менее непосредственная связь, опосредованная и т. п.). В соответствии с этими различиями могут быть выделены следующие виды ЯМ: 1. Мотивированная ЯМ. 2. Синкретическая ЯМ. 3. Ассоциативная ЯМ.

Следует иметь в виду, что эта классификация условна и имеет методические цели. Четко отграничить один вид ЯМ от другого не

всегда представляется возможным — этому препятствует неустойчивый и подвижный характер символа метафоры.

1. МОТИВИРОВАННАЯ ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА

Мотивированной мы называем такую ЯМ, в которой присутствует семантический элемент, эксплицитно связывающий метафорическое значение с исходным. Формальным критерием отбора таких ЯМ послужили данные толковых словарей: либо наличие в словарных дефинициях при исходном и метафорическом значениях одного и того же или сходного в семантическом плане слова; либо наличие в словарной статье сравнительного оборота, реализующего тот же признак, что и метафора.

По нашим наблюдениям, актуализованный в ЯМ признак, как правило, не фигурирует в толковании исходного значения. Случай, когда такой признак зафиксирован в толковании или эксплицитно в нем вычленяется, встречаются в словаре, однако они семантически уязвимы. Обратимся вначале к примерам.

Карикатура. Рисунок, изображающий что-л. в искаженном, смешном виде. *Перен.* Неудачное подражание, смешное, искаженное подобие кого-, чего-л. **Кремень.** Очень твердый минерал, состоящий из кремнезема; может служить для высекания огня. *Перен.* О человеке твердого, непреклонного нрава, а также скупце, жадном к деньгам. (Вторая часть этой дефиниции сомнительна; во всяком случае, реальность такого ЛСВ цитатным материалом не подтверждается). **Монах.** Член религиозной общины, принявший пострижение и давший обет вести аскетический образ жизни. *Перен.* О мужчине, живущем уединенно, ведущем аскетический образ жизни. **Отдушина.** Отверстие для выхода воздуха. *Перен.* То, что дает выход каким-л. чувствам, стремлениям, настроениям.

Метафора в этих случаях прозрачна, механизм ее образования вскрыт, наличие общего семантического элемента как будто бы очевидно: это семы «быстрая смена» в слове *калейдоскоп*, «твердый» — *кремень*, «аскетический» — *монах*.

Однако общий семантический элемент при метафоризации имеет принципиальные отличия от общей семы исходного и безобразного производного значения. Это проявляется в следующем.

Во-первых, метафорический общий семантический элемент часто имеет субъективный и крайне неустойчивый характер, что обусловлено его диффузностью, нерасчлененностью, способностью производить чувственное воздействие. Сема, зафиксированная в исходном и в метафорическом значениях, может варьировать в разных словарях, а также утрачивать актуальность в разных словоупотреблениях.

Рассмотрим с этой точки зрения слово *калейдоскоп*. БАС: **Калейдоскоп.** Оптический прибор-игрушка в виде трубки со вставленными в нее под углом 60° зеркальными стеклами и положенными между ними разноцветными кусками стекла, бумаги и т. п.,

в котором можно наблюдать быстро сменяющиеся разнообразные цветные узоры. *Перен. Быстрая смена мелькающих образов, лиц, событий. И точно — роман («Униженные и оскорбленные») представляет нам калейдоскоп происшествий.* (Добролюбов. Забитые люди.) *Мысли о случившемся... смешивались с воспоминаниями детства. Это был калейдоскоп лет и лиц.* (Эренбург. Буря.) *Волга очаровала меня своими просторами, свежестью, богатством и разнообразием цвета. Я ловил в этом калейдоскопе сменяющихся пейзажей общий лейтмотив цвета.* (И. Павлов. Моя жизнь и встречи.)

Приведенный цитатный материал едва ли дает основания для безусловного вычленения семы «быстрый» как общего семантического элемента. В цитате из Добролюбова речь идет о чередовании, следовании одного за другим, при этом признак «быстро» представляется факультативным. То же можно сказать о цитате из Эренбурга. По-видимому, приведенные тексты скорее дают основание говорить о непрерывном чередовании, смене одного другим. (В этом отношении представляется более обоснованной дефиниция МАС₂: *Перен. Беспрестанная смена явлений, лиц, событий и т. п.*). Что касается текста И. Павлова, то в нем в ЯМ реализуется другой набор сем, среди которых на передний план выдвигаются семы «разнообразный», «разноцветный». (Ср. также: *фантазии доступно все — любой калейдоскоп нелепостей.* Голосовкер, цит. раб., с. 10). Далее. Сема «разноцветный» может усиливаться и заполнять все семантическое содержание метафорического значения: *Наши усилия в основном были направлены на то, чтоб многоцветный исторический калейдоскоп свести к скупому колориту, к принципиальной схеме.* (Тендряков. Покушение на миражи.) В других контекстах актуализуются семы «нерасчлененный», «запутанный». Например: *В калейдоскопе событий мы зачастую не задумываемся над логической их связью, злоупотребляя нередко словом «случайность».* (Игнатьев. Пятьдесят лет в строю.) Ср. также в метафорическом производном: *Физическое кружение помогло автору погрузить себя и своих героев в калейдоскопический кошмар.* (Набоков. Николай Гоголь.)

Приведенные факты говорят о том, что при метафоризации общий семантический элемент может быть выделен только условно. Он не имеет устойчивого характера — может утрачивать свое значение и даже разрушаться в тех случаях, когда слово развивает метафорическую полисемию. В самом деле, ведь невозможно в толковании исходного значения перечислить все признаки, которые могут реализоваться — и реализуются — в ЯМ. Вообще взаимодействие сем в исходном и метафорическом значениях имеет подвижный, неустойчивый и непредсказуемый характер: в метафоре может актуализоваться любая потенциальная сема, т. е. по сути дела и не существующая реально в денотативной части исходного значения (см. выше).

Другой мотивирующий механизм метафорического переноса обнаруживается в сравнении — когда сравнительный оборот и со-

относимая с ним метафора функционируют в языке синхронно и зафиксированы в одной словарной статье. Словарные статьи такого рода отражают процесс формирования метафоры вообще: на основе коннотативного признака (реализованного в данном случае в сравнении) к образованию метафорического значения и к его лексическому закреплению. Например: **Теленок**. В сравн. *Кроток и добродушен, как теленок. Молчит, как теленок. Перен.* О безответном и глуповатом человеке. **Сокол**. В сравн. *Смотрел смело, как сокол. Самолеты зоркие и смелые, как соколы. Перен.* О советских самолетах. **Перен.** О юноше, мужчине, отличающемся красотой, смелостью, удачью. **Орел**. В сравн. *Сердце, как у орла. Конь орлом несется. Перен.* О храбром, сильном, мужественном человеке. **Петух**. В сравн. *Важничает, как петух. Драчливый, как петух. Перен.* О задорном, заносчивом человеке, забияке.

В приведенных примерах метафора также прозрачна, мотивированна, так как признак, образующий перенос, указан в сравнении. Это тип живой метафоры в идеале. Однако в языковой действительности связи и соотношения оказываются иными: сема, представленная в сравнении, может не согласовываться с символом метафоры, и в этом случае сравнение не сближает, а, напротив, разъединяет исходное и метафорическое значения, исключая даже возможность общего семантического элемента. Например: **Змея**. В сравн. *Шипит змеей. Речка, как змея* (блестит, извивается). **Перен.** О коварном, хитром, злом человеке. Здесь компаративные элементы («шипит», «блестит», «извивается») представляют семы, которые, по логике вещей, можно было бы ожидать актуализованными в метафорическом значении. Однако этого не происходит. В метафоре актуализуются другие семы («коварный», «хитрый», «злой»), которые не входят в семантическую структуру исходного значения и относятся к области ассоциаций, основанных на коллективных знаниях о денотате. Ср. также: **Жеребец**. В сравн. *Гогочет, как жеребец. Перен.* О молодом мужчине. **Лошадь**. В сравн. *Уперся, как лошадь. Работает, как лошадь. Перен.* О неповоротливом, неуклюжем или неумном человеке. **Паяц**. В сравн. *Тело дергалось картонным паяцем. Лягушка болталась в воздухе, как картонный паяц. Перен.* О человеке, который ломается, кривляется, ведет себя шутом.

Такая несогласованность семантических элементов, своего рода семантический разлад — вещь вполне обычная и привычная в словаре. Лексикографы постоянно ищут пути к семантической согласованности, к прозрачности структуры словарной статьи, которая бы демонстрировала мотивированность каждого ЛСВ, его логическую зависимость от предшествующего (в идеале — «вытекание» каждого последующего ЛСВ из предыдущего). Однако лексикографическое упорядочение, увязывание метафорических значений и оттенков нередко наталкивается на сопротивление материала.

Прозрачность, логическая очевидность метафоры, эксплицитно существующая сема, связывающая метафорическое значение с ис-

ходным, «разъясняющая» метафору, свойственны только незначительной части ЯМ. Основной массив метафорической лексики образуется по другим принципам.

Наличие общего семантического элемента предполагает сознательный перенос значения, т. е. осмысленное и как бы волевое перенесение признака из одной семантической структуры в другую в каждом конкретном акте речи. Тем не менее это не так.

Исследование метафоры с позиции физиологии высшей нервной деятельности непосредственно свидетельствует о том, что в метафоре нет элемента сознательного, последовательного переноса (П. Анохин. Новое в учении о высшей нервной деятельности // Лит. газ. 1940. 27 окт., № 54. Цит. по: [Еремина, с. 9]). Метафора и воспринимается не посредством выводов и умозаключений, а непосредственно, чувственно, образно: мы сначала воспринимаем метафору, а потом уже ищем ей «оправдания», «объяснения» [Виноградов, 1925]. При этом восприятие метафоры так же одномоментно, как и возникновение, что было подтверждено данными психологии и физиологии [Сеченов, с. 197 и след.]. Это свидетельствует в пользу того, что в норме ЯМ и исходное значение не обнаруживают эксплицитного общего семантического элемента.

2. СИНКРЕТИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА

В трудах по исторической поэтике А. Н. Веселовский вскрыл психологические основы образования метафор и эпитетов и показал, что большая часть метафорических преобразований современных языков восходит к древнейшей поре, когда «физиологическая неразборчивость» человеческого сознания приводила к тому, что чувственные впечатления (зрительные, слуховые, обонятельные и другие) воспринимались нерасчлененно, слитно, и эта слитность закреплялась в языке — в его «обиходных формулах»: *черная тоска, мертвая тишина* и под. Как полагал А. Н. Веселовский, синкретизм восприятия внешних воздействий, характерный для архаического сознания, свойствен и современному человеку и может быть объяснен «физиологической неразборчивостью нашей, тем более первобытной, психики [Веселовский, 1895, с. 88].

«Скрещивания» ощущений не могли не оказаться стимулом языкового творчества и импульсом различных семантических процессов — ведь именно ощущения служат основным источником знаний человека об окружающей действительности. Качественное многообразие мира, воспринимаемое органами чувств, обуславливает виды ощущений, среди которых современная психология выделяет зрительные, слуховые, осязательные, подразделяющиеся на тактильные, температурные и болевые, а также вкусовые и обонятельные. Кроме того, существуют более сложные ощущения, возникающие в процессе взаимодействия различных органов чувств: ощущения формы, величины отдаленности предметов друг от друга и от наблюдателя и т. п. [ФЭС, с. 473]. По-видимому,

в скрещивании ощущений можно видеть интуитивное стремление разума воспринять мир не дискретно, как это делает наука, а синтетически, в его единстве, текучести, в связанности и взаимозависимости его элементов, с учетом бесчисленных аналогий и тождеств, причем это свойство чувственного отражения едва ли можно считать только пережитком архаического мышления.

Современные психологические исследования обнаружили и перечислили все виды сенсорных взаимодействий: зрительных, акустических, вкусовых, обонятельных и тактильных [Воронин]. Это значит, что наша психика, уже умеющая дифференцированно воспринимать свойства и отношения вещей («наслаждаться раздельно»), не может отказаться от слитного восприятия разнородных по своим источникам образов, закрепившихся в языке.

ЯМ, образовавшуюся в результате такого смешения чувственных восприятий, мы назовем с и н к р е т и ч е с к о й.

Простейший вид синкретической ЯМ обнаруживается в пределах чувственных ощущений. Сознание как бы игнорирует изолированный характер ощущений, и языковая система фиксирует эти смешения: например, акустическое ощущение может подменяться вкусовым (*сладкий чай — сладкая мелодия*), зрительным (*тусклый свет — тусклый голос*), тактильным (*мягкий пух — мягкий звук*) и т. п. Ср. также: *постная пища — постная физиономия, густой суп — густой бас, жидкая каша — жидкие аплодисменты* и т. п.

Но синкретизм не остается в пределах чувственных (т. е. очевидных и элементарных) признаков, он распространяется также на все сферы восприятия.

Подобно тому как семь нот создают бесконечное многообразие мелодий, так и ограниченное число признаков, воспринимаемых пятью чувствами, служит основой огромного (а если включить и художественную речь, то бесконечного) числа метафор. Каждый вид ощущений порождает целые пучки языковых образов.

Зрительные образы: *блеснула молния — блеснула надежда, догадка; блестящий предмет — блестящий ум, блестящий ученый; мутная вода — мутное сознание, мутная тоска; проблеск света — проблеск мысли, сознания, таланта, надежды, свободы; прозрачное стекло — прозрачные стихи, прозрачные звуки, прозрачная метафора; светлая ткань — светлая личность, светлая радость; темные краски — темные дела, темные люди, темные планы.*

Акустические образы: *громкий звук — громкое имя, громкие слова; тихий звук — тихое очарование, тихая обида; эхо в лесу — эхо похвал, эхо прессы.*

Вкусовые образы: *горькая полынь — горький упрек, горькая жалоба; кислый лимон — кислая улыбка, кислая физиономия; пресная пища — пресная шутка, пресный стиль; привкус маринада — привкус пошлости; приторная пища — приторный тон, приторная улыбка; сладкий чай — сладкий голос, сладкий тон, сладкие речи; соленый огурец — соленый анекдот, соленая шутка.*

Обонятельные образы: *аромат кофе — аромат новизны, аромат прошлого; смрад гнили — смрад клеветы.*

Тактильные и температурные образы: *влажная губка — влажный звук; вязкая масса — вязкий страх, вязкий голос, вязкая тишина; гладкая поверхность — гладкий стиль, гладкие отношения; дряблые мышцы — дряблая фраза, дряблая воля; жесткий диван — жесткий стук, звук, жесткий тон, жесткие сроки, правила; липкая бумага — липкая музыка, липкая тишина; мягкий пух — мягкие движения, линии, очертания, мягкий характер, тон; острый нож — острая боль, острое слово, острая полемика; рыхлый снег — рыхлый роман, рыхлая натура; твердый предмет — твердая воля, твердый характер; тупой нож — тупой человек, тупой взгляд; холодный воздух — холодный тон, холодные отношения; шероховатая поверхность — шероховатый стиль.*

К разряду синкретических метафор могут быть отнесены также семантические трансформации всех физиологических состояний: *тяжелая болезнь — болезнь театра, испытывать тошноту — нравственная тошнота, перенести лихорадку — лихорадка работы, тяжелый угар — угар ревности и т. п.*

Другой вид синкретизма проявляется за пределами человеческого организма — в сфере явлений природы, физических процессов, видов энергии, разного рода стихий: *брызнула вода — брызнул свет, сильная буря — буря восторга, взбаламутить воду — взбаламутить ребят, взлет самолета — взлет фантазии, взрыв снаряда — взрыв негодования, впитывать влагу — впитывать все новое, вспыхнул огонь — вспыхнул гнев, гасить свет — гасить негодование, горит огонь — горит душа, грязный стакан — грязные помыслы, испытывать жажду — жажда деятельности, у больного жар — жар любви, искры пламени — искры таланта, кипит вода — кипит ярость, облако на небе — облако печали, растаял лед — растаять от удовольствия, струя воды — свежая струя в литературе, течет вода — течет время, тлеют дрова — тлеет жизнь, угас огонь — угас восторг и т. д.*

Длительность существования в языке (напомним, что возникновение синкретической ЯМ относится к архаической поре человеческого сознания) привело к снижению образного потенциала и к неизбежному в таких случаях автоматизму восприятия, что приближает синкретическую ЯМ к ГМ. Приближение, однако, не означает превращения: как бы ни были «стерты» и «избиты» от частого и долгого употребления те или иные слова (ср. *течет время, горит душа*), они сохраняют статус ЯМ, пока в них обнаруживается семантическая двуплановость.

Практически любое чувственное восприятие может слиться с другим, либо оставаясь в пределах ощущений, либо вырываясь в более высокие сферы эмоций, свойств личности, нравственных и социальных категорий.

Примеры:

В детском заразном отделении весь день вспыхивали стоны.
(Булгаков. Морфий.) *Пропал Ершалаим — великий город, как*

будто не существовал на свете. Все пожрала тьма. (Булгаков. Мастер и Маргарита.) *Толпа ответила длинным гулом как бы удивления или облегчения. Когда же он потух, Пилат продолжал. . .* (Булгаков. Мастер и Маргарита.) *Мне запомнилось это, а остальное удивительным образом смазлось в памяти.* (Булгаков. Театральный роман.) *Я привернул выключатель, и мгновенно тьма съела всю комнату.* (Булгаков. Морфий.) *Антипова одурманяла тайный и вязкий страх.* (Трифонов. Время и место.) *Благодарность Григория Васильевича не истлела за долгие годы.* (Трифонов. Время и место.) *Я подошел к нему и сказал: «Какого черта ты ко мне липнешь? Ведь я тебя не трогаю».* (Трифонов. Недолгое пребывание в камере пыток.) *Он кивает — ладно, мол, хорошо. А у самого физиономия постная.* (Трифонов. Время и место.) *Тлела вялая, сырая зима.* (Трифонов. Время и место.) — *Газетка чахленькая. Если уж начинать, то где-то по-крупному. А тут все равно что нигде.* (Трифонов. Время и место.)

Синкретические ЯМ, включаясь в семантические и словообразовательные процессы, группируясь в лексические поля, создают микросистемы, каждая из которых имеет свое семантическое ядро, куда входит чувственный признак из сферы ощущений.

Системной организации ЯМ посвящены гл. 5 и 6 настоящего исследования; здесь же ограничимся одним примером:

Вкусовое ощущение (кислый, киснуть, прокиснуть и т. д.): Да разве я мог бы поверить, что в середине серенького кислого сентября человек может мерзнуть в поле, как в лютую зиму?! (Булгаков. Полотенце с петухом.) *Катя накануне тоже кисла, жаловалась на сердце.* (Трифонов. Нетерпение.) [Смирнов:] *Это — женщина! Вот это я понимаю! — Не кислятина, не размазня, а огонь, порох, ракета!* (Чехов. Медведь.) *Он отлично знал, что думают вот эти господа про него: обабился, распустил нюни, прокис.* (Мамин-Сибиряк. Любовь.) — *Не понимаю — чего ты раскисаешь? Ты сам поверил в свою виновность? Ты так дорожишь званием главного? У тебя отняли руки, ноги, голову? Ты знаешь, что не виноват, и твоя голова при тебе. Не понимаю — зачем раскисать?* (Николаева. Битва в пути.)

Связи, порожденные синкретическим восприятием разнородных физиологических раздражений, А. Н. Веселовский назвал «психологическим параллелизмом» [Веселовский, 1895, с. 90]. Однако графическое изображение таких связей дает не параллели, а пучки. Синкретические сближения могут захватывать множество разнородных восприятий: осязательные ощущения переносятся на зрительные (*холодный воздух — холодный цвет*), на обонятельные (*холодный аромат*). Это самый элементарный случай синкретизма. Более сложные сближения происходят за пределами чувственных восприятий — в сферах эмоциональных воздействий (*холодный тон, холодный взгляд*), психических состояний (*холодная ненависть*), интеллектуальных акций (*холодные рассуждения*), свойств интеллекта (*холодная память*), социальных отношений (*холодный прием, холодные отношения*).

3. АССОЦИАТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА

Ассоциативная ЯМ базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности. Универсальность такой мыслительной операции по сути дела означает всеобъемлющий характер метафоричности языка. Метафора, образованная по принципу ассоциативных связей, занимает ведущее место в лексической системе как в количественном отношении, так и по своему влиянию на происходящие системные семантические процессы.

При образовании ассоциативной ЯМ актуализуются избыточные элементы семантики исходного ЛЗ, отстоящие далеко от его ядерной части.

Ассоциации могут быть разного рода. Одни из них репрезентируют некие объективно присущие предмету признаки (или приписываемые ему воображением человека — в данном случае это не имеет значения), которые, не находя отражения в денотативном содержании исходного значения, тем не менее хорошо известны всем членам языкового коллектива (например, признаки «шум, крик», связаны с восприятием такой реалии, как базар). Другой тип ассоциации отражает «психологический параллелизм» — некое общее психологическое впечатление, складывающееся под влиянием сходных воздействий на органы чувств (например, качества человека, «мягкий, вялый, безвольный» психологически ассоциируются с такой реалией, как кисель).

В соответствии с этим в разряде ассоциативной ЯМ могут быть выделены две разновидности: *признаковая* и *психологическая*.

Ассоциативная языковая метафора признаковая

В признаковой ассоциативной ЯМ обнаруживается признак (или ряд признаков), который не содержится в семантической структуре исходного номинативного значения, но «привязан» к денотату ассоциацией: **Базар**. Место для торговли. .; розничная торговля на таком месте. *Перен.* Говор, шум, крик. **Кабак**. В дореволюционной России — заведение для продажи и распития спиртных напитков. *Перен.* О беспорядке, безобразии, нечистоте, напоминающих обстановку кабака. **Казнь**. Высшая мера наказания — лишение жизни. *Перен.* Мучение, страдание. **Корыто**. Открытый продолговатый сосуд с округленными, расширяющимися сверху боковыми стенками, предназначенный для стирки белья, кормления скота и т. п. *Перен.* О негодном старом судне, лодке и т. п. **Сарай**. Крытое хозяйственное помещение. *Перен.* О большой, неуютной комнате, о некрасивом здании. **Тина**. Зеленые водоросли, плавающие густой массой в стоячей и мало проточной воде. *Перен.* То, что засасывает, опутывает, лишает воли, свободы действий. **Хлев**. Помещение для скота. *Перен.* О грязном, запущенном помещении. Ср. также: *балаган* ('штутов-

ство'); *барин* ('не работает'); *богадельня* ('отсутствие деятельности'); *бойня* ('где убивают'); *винегрет сведений* ('смесь'); *человек-винтик* ('ничтожный, незаметный'); *вожжи в работе* ('удерживает, сдерживает'); *вывихи в планировании* ('нарушение'); *изнанка событий* ('скрытый'); *конура* ('тесный, темный'); *конюшня* ('грязь'); *кряж* 'здоровый, коренастый, крепкого сложения человек' ('короткий и широкий'); *лабиринт рассуждений* ('запутанный'); *лотерея* 'о браке, экзамене' ('непредсказуемость'); *младенец* — о взрослом человеке ('беспомощность'); *пытка* ('мучение'); *свинарник* ('грязь') и т. п.

Перенос может осуществляться также на основе некоторых историко-культурных представлений, общих для языкового коллектива, которые, естественно, также не находят отражения в семантике слова-источника: **Рыцарь.** Феодал, тяжеловооруженный конный воин в средние века в Западной Европе, принадлежащий к военно-земледельческому сословию. *Перен.* Самоотверженный, благородный, великодушный человек. *Перен.* Человек, безраздельно отдающий себя какому-л. делу, идее.

Словарные дефиниции ЯМ отражают многопризнаковость, диффузность символа метафоры. В этом находит отражение главное свойство метафоры — возможность передать образ предмета, включающий все (или многие) его свойства. В процессе речевого употребления иногда вычленяется, выдвигается на передний план и актуализуется в ЯМ один признак и становится «этикеткой» денотата (*хлев* — «грязный»), однако более характерным следует считать многопризнаковый символ метафоры. В этом отношении ассоциативная ЯМ еще в большей степени, чем мотивированная (вспомним анализ символа метафоры в ЯМ *калейдоскоп*), обнаруживает свою семантическую диффузность, нерасчлененность, невыделимость и даже неувовимость актуализованных в метафорическом значении сем.

Продемонстрируем сказанное на примере метафорического развития лексемы *омут*. Ее исходное значение членится на два ЛСВ: 1) глубокая яма на дне реки или озера (основное значение) и 2) быстрина, водоворот, вымывающие на дне реки, озера яму (оттенок значения). Далее БАС фиксирует метафорический оттенок значения: об обстановке, среде, которая затягивает, засасывает человека, делает безвольным, безличным. *Не дай остыть душе поэта, Ожесточиться, очерстветь, И наконец окаменеть В мертвящем упоенье света, В сем омуте, где с вами я купаюсь, милые друзья.* (Пушкин. Евгений Онегин.) [Пахотин] *не успел еще окунуться в омут опасной, при праздности и деньгах, жизни, как на двадцать пятом году его женили.* (Гончаров. Обломов.) *Веселая жизнь постепенно засасывала эту девушку в свой глубокий омут. Она с восторгом рассказывала Илье о кутежах с богатыми купчиками... о тройках, ресторанах.* (М. Горький. Трое.)

Приведенные контексты содержат информацию, которая извлекается не непосредственно из семантической структуры исходного значения, но из «знания о денотате»: омут обычно затягива-

ет, засасывает в свою глубину. Что касается второй части дефиниции («делает безвольным, безличным»), то эти сведения никак не связаны с денотатом и извлекаются из знания уже о «втором денотате», т. е. о реалии, обозначенной ЯМ (среда, обстановка, которая ассоциируется с омутом). Цитатный материал дает основание для выделения метафорических переносов, символ метафоры которых связан в другом кругом ассоциаций: *гибель* (ср.: *Куда занесет нас бурное, все ускоряющееся течение Истории, в какие кипучие пороги, в какие гибельные омуты?* (Тендряков. Покушение на миражи)); *глубина* (ср.: *Златогулов как бы оглядывался в поисках чего-нибудь, за что можно ухватиться, зацепиться, чтобы подтянуть себя и вытащить из омута безнадежности.* (Крелин. Без затей)); *движение* (ср.: *Биолог утонет в безбрежном море видов каких-нибудь насекомых, статистик кинется в омут познания всякого рода чисел.* (Михайловский. Жестокий талант)) и др.

Ассоциативная ЯМ ничем не «скреплена» с исходным значением, кроме некоторых элементов знания о денотате: на базаре обычно шумно, в кабаке и в хлеву грязно, в сарае темно и неуютно, корыто не применяется для плавания, тина опутывает, сковывает движения и т. д. — эти сведения каждый член языкового коллектива черпает из своего индивидуального жизненного опыта, который вместе с тем отражает коллективно осознанные характеристики. Образованные на основании таких характеристик ЯМ не требуют «расшифровки» — они воспринимаются всеми членами языкового коллектива одинаково благодаря объективированным связям. Совпадают коллективные знания (обиходно-практические или культурно-исторические) — поэтому совпадают и ассоциации [Телия, 1977, с. 192—193]. Расшифровка (авторское разъяснение) ЯМ обычно содержится в контекстах, из которых лексикограф черпает материал для построения дефиниций.

Примеры:

[Восьмибратов:] *Вы будете кричать, я буду кричать, будет базар, а толку не выйдет.* (А. Островский. Лес.) [Группа] *экспромтом организовала шуточное приветствие с моноклями на глазах, цилиндрами на головах, а остальной туалет — трусики. Но подъехавшие на грузовичке товарищи встретили наш балаган без улыбки.* (Мичурин. Горячие дни актерской жизни.) *Вырываюсь из крепких сердитых рук, ослепший, оглохший, орал мальчик на всю баню. . . Уже сломленно и покинуто завывал мальчик, ожидая конца казни.* (Астафьев. Ода русскому огороду). *Брюсов выволок меня из газетной трясины, затягивавшей меня с каждым днем все сильнее, приобщил меня к большой литературе.* (К. Чуковский. Письма В. Брюсова.) *Внутри [харчевни] такая грязь, будто тут не мели, не чистили месяцами. И все же Андрей с удовольствием сел за грязный столик. . . впервые за полгода попал в харчевную, пускай в этакий хлев!* (Трифонов. Нетерпение.)

Следует, однако, заметить, что в данном случае контекст выполняет скорее художественные, чем семантические функции.

С точки зрения семантики такая расшифровка оказывается избыточной, поскольку и в минимальном контексте спонтанной разговорной речи понимание метафорического смысла (иными словами, интуитивное вычленение символа метафоры) не вызывает затруднений. Ср.: *прекратите базар, какой здесь хлев, иду на пытку* (к зубному врачу), *не поручай ничего этому младенцу* и т. п. (само собой разумеется, что понимание базируется на знании, непосредственном восприятии ситуации, в которой протекает разговор).

Ассоциативная языковая метафора психологическая

Если в ассоциативной ЯМ признакового типа символ метафоры содержит набор сем, хотя и не входящих в денотативное содержание исходного ЛЗ, но легко логически вычленяемых (ср.: *базар* — 'шум, говор, крик', *рыцарь* — 'благородный, самоотверженный' и т. п.), то в ассоциативной психологической ЯМ символ метафоры представляет собой аморфное семантическое образование. Именно здесь область «бессознательной игры логики» (Веселовский). Ср.: **Бревно.** Очищенный от веток и без верхушки ствол срубленного большого дерева или часть такого ствола. *Перен.* О тупом, глупом или нечутком человеке. **Кряж.** Короткий кусок толстого бревна, из части дерева, близкой к корню. *Перен.* О невежественном, некультурном человеке. **Огарок.** Остаток недогоревшей свечи. *Перен.* О человеке слабосильном, жалком, заморыше.

Можно представить, какие отдаленные, опосредованные ассоциативные связи приводят к формированию ЯМ, какими причудливыми психологическими ходами одно ЛЗ приближается к другому, если, например, ЯМ *бревно* репрезентирует такие качества человека, как «глупость» или «нечуткость», а *колода* — 'короткое толстое бревно' — «неповоротливость», «неуклюжесть».

Особенно наглядные и убедительные примеры находим в разряде зооморфизмов: **Гусь.** Крупная водоплавающая птица с серым или белым оперением. *Перен.* Пренебрежительное обращение или отзыв о человеке, иногда с намеком на его отрицательные качества: плутовство, глупость и т. п. — *Вы — атеисты?! — Да, мы — атеисты, — улыбаясь, ответил Берлиоз. А Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»* (Булгаков. Мастер и Маргарита.) **Корова.** Крупное парнокопытное домашнее животное, дающее молоко; самка быка. *Перен.* О нерасторопной, неповоротливой или неумной женщине. — *Корова, суцая корова: ее хоть ударь, хоть обними — все ухмыляется.* (Гончаров. Обломов.)

Восприятие номинативных значений приведенных слов исключает такие сведения, как свойства, отраженные в метафоре: плутовство или глупость гуся, глупость коровы и т. д.

Подобным образом в толковании прямых значений совершенно законно не упоминаются такие свойства, как хитрость лисы, неоп-

рятность или тем более непорядочность свиньи, упрямство осла, медлительность или равнодушие рыбы и т. п., послужившие основой общеизвестных ЯМ.

И в разделе зооморфизмов бывают (редко) случаи, когда свойства, отраженные в метафоре, указаны в толковании исходного значения слова. Например: **Хомяк**. Грызун. . . с толстым неуклюжим телом. **Перен.** О неповоротливом, нерасторопном человеке. **Попугай**. Птица, способная выучиваться путем подражания произносить слова. **Перен.** О человеке, который не имеет собственного мнения и повторяет чужие слова. **Паук**. Членистоногое животное с ядовитыми железами, обычно плетущее паутину, в которую ловит мелких животных, служащих ему пищей. **Перен.** О жестоком человеке, эксплуатирующем чужой труд . . . По-видимому, в подобных случаях метафорическое значение опосредованно влияет на исходное, метафора как бы «навязывает» свой определяющий признак исходному значению: ведь если бы эти слова не употреблялись фигурально, то едва ли была бы необходимость вводить в толкования такие подробности, как способ умерщвления жертвы (паук) или способность подражать звукам (попугай). Во всяком случае такая необходимость не подтверждается словарными материалами (например, скворец, ворон и некоторые другие птицы также обладают способностью воспроизводить отдельные слова человеческой речи, однако это их свойство, естественно, не упоминается в словарных определениях).

Признак, формирующий зооморфную метафору, не только не является существенным для исходного понятия, но нередко вообще не входит в его смысловую характеристику. Больше того. В отдельных случаях он даже противоречит тем массовым ассоциациям, которые вызывает то или иное слово. Например, собака издавна воспринимается как символ преданности, бескорыстной дружбы и верности, однако эти общеизвестные качества не нашли языкового воплощения — ни один говорящий на русском языке не назовет верного, преданного человека собакой, как называют хитрого лисой, упрямого ослом, коварного змеей и т. п., — а в метафорических значениях закрепились совсем другие ассоциации: 1) о злом, жестоком, дурном человеке. — *Может, на ночь отпустят. . . Старший офицер хоть и собака, а с понятием.* (Станюкович); 2) о знающем, ловком, искусном в каком-л. деле человеке, знатоке своего дела. — *Ведь тоже и по бумажным делам какая собака. Из других станиц приезжают к нему бумаги писать.* (Л. Толстой). Языковое сознание говорящих может отмечать это противоречие между психологическим восприятием и лингвистической фиксацией такого рода ассоциаций. Например: — [Он] оскорблял меня, то есть думал, что оскорбляет, называя меня собакой, — тут арестант усмехнулся, — я лично не вижу ничего дурного в этом звере, чтобы обижаться на это слово. (Булгаков. Мастер и Маргарита.) Показательно развитие семантики производного прилагательного *собачий*, в котором метафорический признак вообще десемантизируется, утрачивает конкретное

значение, при этом сохраняется и выдвигается на передний план сема усилительности или общей пейоративной оценки: 1) подлый, презренный, низкий (*собачья измена, собачья должность*); 2) очень трудный, тяжелый, невыносимый (*собачья жизнь, собачьи условия*); 3) очень сильный, крайний в своем проявлении (*собачий холод, собачья усталость*); 4) употр. в бранных выражениях (*к чертям собачьим, какое твое собачье дело?*).

В современных семантических и психолингвистических исследованиях выявлено и экспериментально доказано несовпадение, а в ряде случаев и противоречие между лексическим значением слова и его психологически реальным значением [Стернин, 1979].

В психологически реальное значение входят коннотативные семы, отражающие разного рода ассоциативные признаки, те самые лежащие в основе метафоры «ходячие представления о классе реалий», которые, по мнению Н. Д. Арутюновой, не принадлежат языковой семантике, а входят в сумму знаний о мире [Арутюнова, 1979б, с. 172].

В. В. Першаевой экспериментально было определено психологически реальное значение ряда зооморфизмов (в терминологии автора — зоосемизмов). Воспользуемся ее данными для демонстрации соотношения семы, реализованной в ЯМ и психологически реального значения слова. (См. табл. 2).

Как видно из таблицы, символ метафоры кристаллизует семы, которые в психологически реальном значении не лежат на поверхности. Символ метафоры при этом формируется по-разному. Сема, перенесенная в метафору, может трансформироваться и усиливаться в метафорическом значении (ср.: сема «кусается», преобразованная в процессе метафоризации в семы «жестокый», «злой» в ЯМ *собака*). В других случаях в психологически реальном значении может быть обнаружена нетрансформированная («чистая») сема, однако она скрыта в ряду других сем, не превалирует над ними, как, например, сема «неуклюжий» в психологически реальном значении слова *медведь*. Психологически реальное значение слова может и вовсе не содержать семы, противоречащие ЯМ, как, например, семы «добрая», «умная» в слове *корова*. Сравним также противоречивый набор сем в психологически реальном значении слова *медведь*: вполне очевидно, что языковое сознание говорящих исключает из семантической структуры ЯМ *медведь* такие признаки, как проворность и способность к быстрому передвижению, вошедшие в психологически реальное значение.

По сути дела символ метафоры может вобрать в себя как любые семы, представленные в психологически реальном значении, так и такие, которые остались за его пределами.

Покажем это на примере метафорического развития слова *заяц* (для полноты охвата материала выйдем за пределы синхронного анализа, которому мы следуем в своем исследовании, и рассмотрим наряду с современными вышедшие из употребления ЯМ).

Т а б л и ц а 2

Соотношение семантики языковой метафоры и психологически реального значения слова

ЯМ	Психологически реальное номинативное значение (по Першаевой)	Лексическое значение ЯМ	Семы, актуализованные в ЯМ	Семы, противоречащие ЯМ
Заяц	Грызун, длинные уши, длинные задние ноги, быстро бегают, при беге петляет, трусливый, используются шкурки и мясо, вредит сельскохозяйственным культурам; питается корой деревьев, серый, белый	Трусливый человек	Трусливый	—
Корова	Домашнее млекопитающее жвачное парнокопытное животное, пасется на пастбищах, питается травой, теплая, мычит; ласковая, добрая, смиренная, умная	Нерасторопная, неповоротливая или неумная женщина	—	Добрая, умная
Медведь	Сильное косялапое животное, массивное тело, громко рычит, лазит по деревьям, любит сладкое, питается ягодами, медом и мясом, зимой спит в берлоге, используются мясо и шкура, больших размеров, опасный, нападает на домашний скот; толстый, крупная голова, длинная шерсть, неуклюжий, быстро передвигается	а) Неуклюжий чело- век б) Невоспитанный человек	Неуклюжий, косялапый —	Проворный, быстро передвигается —
Собака	Умная, верная, острый нюх, тонкий слух, лает, быстрая, выносливая, используется на охоте; добрая, бегают с высунутым языком, сильная, лохматая, кусается, стережет дом	Злой, жестокий, дурной человек	«Кусается»	Добрая

В чистом виде в ЯМ заяц актуализируется сема «трусливый»: *Частые победы убедили их [швейцарцев] в собственной непобедимости и исполнили презрения к другим. Французских латников они называли вооруженными зайцами. (Грановский. Рыцарь Баярд.) Не только у русских, но и у китайцев и амурских туземцев слово «заяц» означает насмешку над человеком трусливым, делающим от страха всякие глупости. (Арсеньев. По Уссурийской тайге.) — [Река] вот-вот остановится, пропадать мне тогда, — сердито рубил старшина. — Сто раз успеешь, Полищук, не будь зайцем, — внушал Рогов. — Трусит? — спросил, подходя Батманов. (Ажаев. Далеко от Москвы.)*

Сема «быстро бежит» реализуется в ЯМ (также в сравнении и в генитивной конструкции) уже не как таковая, но осложненная семой «трусливый»: зайцем назовут не того, кто способен к быстрому бегу (например, на кроссе), но того, кто стремительно убегает, спасаясь от кого-, чего-л.: *Старуха Олимпиада, говорят, ему... кричала: «постойте, постойте, позвольте объясниться», а он по сугробам — зайцем, зайцем, да и был таков.* (Тургенев. Холостяк.) [Гришутка] *проскочил зайцем и пропал за клетушкой.* [Григорович. Кошка и мышка.]

В потенциальной ЯМ (представленной единичным примером) фигурирует сема «грустный», по-видимому, развившаяся путем переосмысления семы «трусливый»: [Вольтер] *едва улыбался в ответ на их [сестры и Лежнева] шуточки и глядел, как выразился о нем однажды Пигасов, грустным зайцем.* (Тургенев. Рудин.)

В семантическом преобразовании (в наших материалах — в сравнении) могут также актуализоваться и семы, не вошедшие в семный набор психологически реального значения слова, например сема «издает громкий, тонкий крик»: *Один только раз, взглянув на нее [Варвару], закричал Антип, как заяц, и остановился, весь дрожа.* (А. Н. Толстой. Черная земля.)

Более сложную семантическую трансформацию психологически реального значения рассматриваемого слова можно наблюдать в ЯМ «безбилетный пассажир» и в вышедшей из употребления ЯМ «биржевой маклер». В том и в другом случае перед нами психологическое переосмысление и чувственное, конкретное наполнение семы «трусливый»: «тот, кто делает что-л. незаконное, поэтому вынужден бояться, прятаться или чувствовать себя в опасности, неуверенно, кто находится в постоянном напряжении» и т. п. Такой или подобный набор сем отражен в контекстах: [Контролер] *выжимал штраф из зайца-студента... Тот хлопал глазами, шарил в портфеле и лопотал насчет стипендии, что завтра получит, а контролер весь светился от радости, что поймал.* (Санин. Семьдесят два градуса ниже нуля.) *Азы психологии: в поезде ревизор непременно штрафует случайного зайца, того несчастного и дрожащего зайца, который спешил, бежал, не успел взять билета.* (Горышин. Тонус.) Ср. также: *Помимо маклеров... существует на бирже множество незаконных маклеров, именуемых зайцами. Их еще называют сводниками или негласными биржевыми агентами.* (Григорьев. Вексельный лексикон.) *То же самое проделывают биржевые зайцы и маклеры, желающие, чтобы их также приняли за светских людей.* (Григорович. Встреча.)

Приведенные соображения заставляют не согласиться с высказанным в свое время мнением, что признак, послуживший основой метафоризации (в частности, в разряде зооморфизмов), должен быть лексикографически зафиксирован в толковании исходного значения (*слон* — большой, *тюлень* — неповоротливый и т. п.) [Биржакова, с. 78; Сергеев, с. 64]. Само собой разумеется, этот признак находит отражение в исходном значении, если он релевантен, т. е. является существенным и необходимым для

определения данного понятия (*слон* — большой). Однако, как мы пытались показать, характеризующая метафора образуется на основании несущественных, случайных и даже противоречащих семантике исходного значения признаков. Кроме того, необходимо учитывать широкий диапазон зооморфных характеристик: это может быть не только внешнее сходство и физические данные (большой, неуклюжий, ловкий, неповоротливый и т. п.), но и психологические (бесчувственный, хитрый, коварный, бестолковый, упрямый) и даже нравственные (неблагодарный, презренный) качества. Если согласиться с тем, что необходимо фиксировать такой признак в толковании прямого значения, то в слове *свинья* пришлось бы указать: «парнокопытное млекопитающее... нечистоплотное, неблагодарное и т. д.», в слове *индюк*: «крупная домашняя птица... глупая, заносчивая, надменная» и т. п.

В отдельных случаях обобщенный чувственный образ в процессе метафоризации расчленяется, создавая дифференцированные метафорические значения: слово *свинья*, метафорически употребленное применительно к человеку, распадается на ряд самостоятельных метафорических значений: 1) неопрятный; 2) низменный; 3) невежественный; 4) непорядочный; 5) неблагодарный. В семантической структуре этого слова первое метафорическое значение основано на прямой ассоциации с нечистоплотностью этого животного (объективное это свойство или приписываемое человеком — в данном случае значения не имеет); второе метафорическое значение выводится из первого — здесь уже само качество «нечистоплотность» дает вторичное значение — низменные свойства личности. Следующий перенос совершается так же линейно, вытекая из предыдущего значения на основе более отдаленных, опосредованных ассоциаций (низменный — невежественный). Наконец, последнее метафорическое значение далеко отходит от остальных, ни логически, ни образно не соотносится с номинативным и формируется на основе абстрагирования уже не конкретных признаков, так или иначе связанных друг с другом или с исходным понятием, а общего эмоционального восприятия (в данном случае отрицательного).

Предлагая такую интерпретацию семантической структуры лексемы *свинья*, отражающую по сути дела попытку воспроизведения первоначальных семантических преобразований, мы не претендуем, разумеется, на то, чтобы считать этот вариант единственным и окончательным. Возможны и другие варианты, ср., например: «свинья — грязное животное, она не привязывается к хозяину, как другие домашние животные — отсюда атрибуция признака неблагодарности» [Телия, 1977, с. 192]. Прав был Л. С. Выготский, когда писал: «Перенесение названия обычно происходит по разнообразным ассоциациям, реконструировать которые невозможно без точного знания исторической обстановки акта перенесения названия» [Выготский, с. 194].

Глава 5. Языковая метафора и систематика действительности

Сущность языка состоит в том, чтобы отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений.

В. Гумбольдт

Метафора ... содействует тому, чтобы ни один предмет не остался без обозначения.

Квинтилиан

«Языковая картина мира»

Все элементы материального мира: космос и элементарные частицы, живая и неживая материя, общество, человек как живое существо, как носитель разума и как звено социального устройства, все явления физического и психологического мира, а также абстракции — идеальные объекты и продукты классификаций — связаны друг с другом, взаимозависимы и взаимообусловлены, обладают упорядоченностью и системной организацией. Человек постигает этот упорядоченный мир посредством лексической системы своего языка, ибо только слово дает возможность воспринять хаос разрозненных впечатлений и ощущений, вычленить свойства, обозначить общее и единичное, классифицировать бесчисленные и подвижные элементы действительности, снова сложить их в единую картину и далее воспринять и осмыслить ее. Выполняя функцию идеализации и репрезентации реальной действительности [ЯНОВ, с. 19], язык по сути дела представляет собой организованную классификацию человеческого опыта [ЯНОВ; Кацнельсон, 1972; Арутюнова, 1979; Маковский, 1980; Серебrenников, 1983]. Каждое слово находит свое место в этой классификации.

Исследуя и классифицируя с этих позиций лексический материал, мы неизбежно затрагиваем проблемы, связанные с гносеологической сущностью ЯМ (вполне понятно, что эти проблемы в данном исследовании имеют известные ограничения).

Мы воспользуемся выражением «языковая картина мира» для обозначения репрезентированной в языке реальности. Аспект нашего исследования позволяет пренебречь метафорическим характером этого термина (ср.: «По сути дела выражение „картина мира“ остается метафорой, пока не существует эксплицитных процедур ее построения» [Караулов, 1976, с. 246]), а также оставить в стороне некоторые спорные и нерешенные вопросы, связанные с пониманием «языковой картины мира». В частности, мы не касаемся вопроса о возможности единого для всего человечества восприятия действительности, основанной на общем для всех «запасе наглядно-опытных знаний» [Зыцарь, с. 28—30]; остав-

ляем в стороне также вопрос о возможности различий лексики одного и того же языка у разных людей, что обусловлено несопадением их жизненного опыта [Wartburg, 1962, S. 165]. Упрощая проблему, что допустимо в аспекте нашего исследования, и основываясь на единстве слова и понятия, мы можем пренебречь дифференциацией концептуальной модели мира и языковой модели мира [Брутян].

Актуальным для нашего исследования является различение интегральной картины мира, которую составляют совокупность всего языкового содержания, и дифференциальной картины мира, которая включает в себя специфические черты семантики того или иного языка, отличающие его от других языков [Караулов, 1976, с. 245]. Поскольку в наши задачи не входит сопоставительный анализ, вполне понятно, что речь пойдет о дифференциальной картине мира.

Лексика как система, репрезентирующая систематизированную действительность, достаточно полно описана в отдельных фрагментах лексической системы. Вопрос о системном характере той части лексики, которую составляет ЯМ, до сих пор не выдвигался.

Задача данной главы — показать системный характер ЯМ. С этой целью проведено исследование в трех аспектах: 1) в аспекте типологии метафорических переносов; 2) в аспекте когнитивных связей и отношений; 3) в аспекте лексических связей и отношений.

Прежде чем перейти к обзору материала, уточним содержание понятий связи и отношения, а также зависимых от них понятий система и структура. Как известно, в лингвистике нет общепризнанного определения и критериев дифференциации этих категорий [Общее языкознание, 1972, с. 22]. В данной работе принято традиционное их понимание: связи показывают непосредственное «сцепление», связанность элементов; отношения показывают другие (более опосредованные) виды зависимости, например отношение подобия, равенства, тождества и т. п. (там же). В соответствии с этим структура понимается как наличие связей и отношений между элементами объекта, а система — как объект, имеющий структуру и обладающий при этом целостностью (там же, с. 23).

Системное исследование лексики предполагает в первую очередь ее классификацию по денотативному признаку.

Вся метафорическая лексика, оказавшаяся в поле нашего зрения, была распределена по тематическим группам, соответствующим понятийным полям, поскольку предметное членение действительности совпадает с ее понятийным членением.

Всего в главе рассмотрено 1018 ЯМ. Метафоры-существительные (954 ед.) были подвергнуты классификации, на основании которой выведена типология метафорических переносов.

Как самостоятельные метафоры в соответствии с узусом рассматриваются некоторые регулярные образования: уменьшитель-

ные существительные (*кукла* и *куколка*), названия лиц мужского и женского пола (*барин* и *барыня*), самцов и самок (*тигр* и *тигрица*), а также название взрослых особей и детенышей (*бык*, *корова*, *теленок*) и др. Это обусловлено тем, что лексика регулярных моделей метафоризируется отнюдь не механически, в ЯМ, образованных по таким моделям, символы метафоры могут репрезентировать разные свойства, например *кукла* 'человек, слепо действующий по воле другого', а *куколка* 'хорошенькая, нарядно одетая девочка, женщина'. Кроме того, регулярность семантической модели не означает регулярности метафорического переосмысления: в узусе есть ЯМ *орленок*, но нет *соколенок*, есть *конфетка*, но нет *кашка* и т. п.

В своей классификации мы исходим из того, что каждое семантическое поле членится в соответствии с членением объектов действительности, при этом лексика каждой рубрики вступает в метафорический процесс. В построении данной классификации использованы общие принципы классифицирования лексики [Розина], а также структуры некоторых идеографических словарей [Hallig; Wartburg; Караулов, 1976, с. 248—249; 252; ЛО, с. 264 и след.].

Приступая к классификации материала, мы ставили перед собой методические задачи. Классификационные схемы должны были иметь вспомогательный характер и прагматическое назначение — служить ориентиром в дальнейшем распределении метафорической лексики по соответствующим разрядам и в выявлении закономерностей метафорических переносов из одной семантической сферы в другую. Однако результаты показали и важное теоретическое значение полученных классификационных схем, о чем будет сказано далее.

В ходе анализа было выделено 6 глобальных семантических сфер, охватывающих все объекты действительности.

I. Материальные объекты: 1. Предмет. 2. Животное. 3. Человек. 4. Физический мир. II. Идеальные объекты: 5. Психический мир. 6. Абстракции.

Для ориентации в системе метафорических переносов нам необходима обобщенная классификация объектов действительности (денотатов), вовлеченных в метафорический процесс, а также их определение.

Классификация денотатов, вовлеченных в метафорический процесс

1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА ПРЕДМЕТ.

В данной работе понятие предмет отождествляется с понятием вещи, объекта материального мира. В рубрику ПРЕДМЕТ входит все бесконечное многообразие материальных объектов, доступных чувственному восприятию, имеющих пространственную локализацию, форму, способность двигаться (*волна*,

поток, струя), а также объекты невидимого мира (атом, вакуум) и объекты, логически вычленяемые человеком, обозначающие вместилище, совокупность, часть целого и т. п. (горсть, клочок, подкладка).

В основе нашей классификации лежит антропоцентрический взгляд на мир и обусловленный им антропоцентрический принцип разбиения лексики. Это значит, что человек, классифицирующий мир, помещен в центр мироздания, все элементы распределяются с позиции (и как бы в интересах) человека. Так, например, «ядовитые вещества», которые, как правило, имеют природное происхождение, помещены тем не менее не в рубрику «созданные природой», а в рубрику «созданные и используемые человеком» на том основании, что само понятие «ядовитый» возникает лишь с позиции человека, применительно к возможности использования человеком. По этой же причине тематические разделы «жилище, обиталище животных» и «пища животных» отнесены не к тематической группе ПРЕДМЕТ, а к группе ЖИВОТНОЕ, поскольку в процессе метафоризации актуализуется признак, также вычленяемый с позиции человека, в сравнении с человеком («подобный животному и потому неприемлемый для человека»). В связи с этим ЯМ *свинарник* 'о грязном, захламленном помещении' или *пойло* 'о жидкой невкусной пище' относятся к типу переноса ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК, а не ПРЕДМЕТ → ПРЕДМЕТ. По этому же принципу к сфере ЖИВОТНОЕ мы относим лексику, обозначающую части тела животных, группы, сообщества, скопления животных и т. п.

Лексика семантической сферы ПРЕДМЕТ размещена в трех больших разделах (с их дальнейшей рубрикацией): I. Природные объекты. II. Предметы, созданные человеком, используемые человеком. III. Предметы, логически вычленяемые человеком.

Обратимся к материалу.

1.1. Природные объекты.

1.1.1. Небесные тела: звезда, метеор, светило, созвездие, солнце. . .⁹

1.1.2. Элементы земной поверхности: бездна, болото, вершина, гора, джунгли, дно, мель, море, океан, омут, остров, пик, почва, пропасть, пустыня. . .

1.1.3. Состав земной коры: вещества, минералы и т. п.: алмаз, гранит, золото, изумруд, камень, кремень, мрамор, песок. . .

⁹ Чтобы не перегружать и без того чрезвычайно сложную нумерацию рубрик, мы опускаем порядковый номер раздела и главы (гл. 5, разд. 2). Цифры каждого порядкового номера имеют следующие значения: первая цифра означает семантическую сферу (1. ПРЕДМЕТ; далее: 2. ЖИВОТНОЕ; 3. ЧЕЛОВЕК и т. д.); следующие цифры соответствуют этапам ступенчатой классификации материала и соответственно обозначают все более дробные рубрики. Например, порядковый номер 1.2.2.4 (см. ниже) означает, что слово относится к семантической сфере ПРЕДМЕТ (1), к разряду «Предметы, созданные человеком» (2), к подразряду «Предметы быта» (2) и занимает в этом подразряде определенное место (4). Многоточие здесь и далее означает открытость ряда.

1.1.4. Предметы, образованные тем или иным состоянием вещества: кипяток, лед.

1.1.5. Элементы атмосферы и предметы, образовавшиеся в результате атмосферных явлений: град, иней, облако, сосулька, туман, туча. . .

1.1.6. Природные образования и предметы, образовавшиеся в результате природных процессов: жемчужина, лава, плесень, ржавчина, самородок, смола. . .

1.1.7. Растения и их части: дуб, зерно, корень, кряж, лопух, огурчик, орех, побеги, полынь, поросль, росток, семя, сок. . .

1.1.8. Предметы, образовавшиеся в результате, посредством движения: водоворот, водопад, волна, каскад, лавина, поток, потоп, стремнина. . .

1.1.9. Объекты, не доступные чувственному восприятию

1.1.9.1. Объекты микромира и невидимого мира: атом, вакуум, микромир, молекула. . .

1.1.9.2. Простейшие: ¹⁰ амеба, бактерия, вирус, инфузория, микроб. . .

1.1.10. Прочие предметы (не вошедшие в классификацию): желчь, зародыш, паутина, пена, соломинка. . .

1.2. Предметы, созданные человеком, используемые человеком.

1.2.1. Природные предметы, обработанные или приспособленные для различных нужд: жердь, колода, орясина, палка, столб. . .

1.2.2. Предметы быта.

1.2.2.1. Кушанья, напитки: блин, винегрет, закваска, изюминка, каша, кисель, коктейль, конфетка, лапша, лепешка, мед. . .

1.2.2.2. Лекарственные, ядовитые и другие вещества: витамины, лекарство, отравы, яды. . .

1.2.2.3. Утварь, посуда: кастрюля, корыто, котелок, перечница, ступа, терка. . .

1.2.2.4. Одежда, головные уборы, обувь и их части: заглавник, кайма, лента, ляжка, распашонка, сапог, тулуп. . .

1.2.2.5. Постель: подушка, простыня, тюфяк. . .

1.2.2.6. Мебель: сундук, тумба, ширма. . .

1.2.2.7. Ткани: атлас, бархат, канва, ткань, шелк. . .

1.2.2.8. Осветительные приборы, приспособления и их части: светильник, факел, фитиль. . .

¹⁰ В биологии разряд простейших занимает промежуточное положение между растениями и животными, не относясь ни к тем ни к другим. В языке часть этой лексики явно тяготеет к сфере неодушевленных предметов, как по своим грамматическим характеристикам (ср.: вижу *микроб*, *вирус*, но не *микроба*, *вируса*), так и по семантическим потенциям: включаясь в процесс метафоризации, эта лексика служит источником метафоры для семантической сферы психических и социальных явлений, которым свойственно заимствовать метафорические наименования из сферы предметного мира (ср.: *бактерия стяжательства*, *социальные вирусы*, *микроб скептицизма* и т. п.). Эти обстоятельства дают основания причислить названные лексические единицы к предметной лексике. Что касается другой части слов, обозначающих простейших (в наших материалах *амеба* и *инфузория*), отнесение их к разряду предметной лексики имеет в некотором роде условный характер — по логике «здорового смысла» они тяготеют к семантической сфере ЖИВОТНОЕ.

- 1.2.2.9. Драгоценности, украшения и т. п.: блески, бисер, драгоценность, мишура, позолота, сокровище. . .
- 1.2.2.10. Упряжь: вожжи, сбруя, хомут, шоры. . .
- 1.2.2.11. Прочие бытовые предметы: копилка, копна, лак, мешок, нитка, отдушина, пробка, телега. . .
- 1.2.3. Сооружения, постройки и их части: казарма, каркас, маяк, опора, подвал, преграда. . .
- 1.2.4. Устройства, приспособления, механизмы и их части: буфер, гвоздик, игла, конвейер, машина, мышеловка. . .
- 1.2.5. Предметы искусства, изображения: бутафория, карикатура, картина, мозаика. . .
- 1.2.6. Предметы игр, развлечений и т. п.: бирюльки, игрушка, калейдоскоп, карусель, побрякушка, серпантин. . .
- 1.2.7. Военные реалии: обойма, стрела, порох. . .
- 1.2.8. Предметы насилия: вериги, кандалы, оковы, путы. . .
- 1.2.9. Предметы культа: идол, иконостас, крест. . .
- 1.2.10. Место, где совершается, происходит что-л., предназначенное для чего-л.; заведение, характеризующееся чем-л.: базар, баня, барахолка, богадельня, бойня, живодерня, кабак. . .
- 1.2.11. Пути сообщения, дороги: магистраль, тропа. . .
- 1.2.12. Локально ограниченное пространство: задворки, закулок, лабиринт. . .
- 1.2.13. Прочие предметы (не вошедшие в классификацию): веер, венец, веха, зеркало, манекен. . .
- 1.3. Предметы, логически вычлняемые человеком.
- 1.3.1. Вместителище: вагон, воз, горсть, охалка. . .
- 1.3.2. Совокупность, неопределенное множество предметов, элементов и т. п.: букет, груда, клубок, комок, куча, россыпь. . .
- 1.3.3. Части, доли предмета, вещества и т. п.: капля, клочок, крошка, обрывок, осколок. . .
- 1.3.4. Место нарушения, повреждения какой-л. поверхности: брешь, дыра, короста, нарыв, прореха, рана, рубец, трещина. . .
- 1.3.5. Предметы, оставшиеся после использования; остатки, отходы; плохие, ненужные вещи: барахло, лохмотья, мусор, обломки, огарок, огрызок, отбросы, помои, прах, сор, труха. . .
- 1.3.6. «Грязь»: грязь, пыль, пятно. . .
- 1.3.7. «Реалии смерти»: мертвечина, могила, мертвец, моши, мумия, скелет. . .
- 1.3.8. Наружная / внутренняя часть предмета: броня, изнанка, налет, остов, подкладка, скорлупа. . .
- 1.3.9. Единичные предметы, вычлняемые из массы: крупинка, песчинка, пушинка, пылинка. . .
- 1.3.10. Различные знаки (в том числе графические); порядок расположения знаков: завитушка, закорючка, запятая, клеймо, печать, пунктир, строчка. . .
- 1.3.11. Прочие предметы (не вошедшие в классификацию): багаж, груз, дно, заноза, козырь, месиво, метастазы, муть, ореол, острие, пелена, подачка, порошок, просвет. . .

Представленная здесь классификация отличается чрезмерной
 дробностью, неизбежной при обилии и разнородности материала.
 Для наглядности и удобства восприятия она была обобщена
 в таблице. (См. табл. 3.)

Т а б л и ц а 3

Тематическое распределение лексики семантической сферы
ПРЕДМЕТ

I. Природные объекты	II. Предметы, созданные человеком	III. Предметы, логически вычленимые человеком
1. Небесные тела 2. Элементы земной поверхности 3. Вещества, минералы 4. Предметы, образованные тем или иным состоянием вещества 5. Элементы атмосферы 6. Природные образования 7. Растения и их части 8. Формы существования вещества 9. Предметы невидимого мира 10. Прочие	А. Природные предметы, обработанные и приспособленные человеком Б. Предметы, изготовленные человеком 1. Предметы быта пища лекарства утварь, посуда одежда постель мебель осветительные приборы украшения упряжь другие предметы быта 2. Постройки и их части 3. Механизмы 4. Предметы искусства 5. Предметы развлечений 6. Военные реалии 7. Предметы насилия 8. Предметы культуры 9. Место, где происходит что-л. 10. Пути сообщения 11. Локально ограниченное пространство 12. Прочие	1. Вместителище 2. Совокупность предметов 3. Части, доли предмета 4. Место повреждения, нарушения 5. Отходы, остатки 6. «Грязь» 7. Реалии смерти 8. Наружная/внутренняя часть чего-л. 9. Единичные предметы 10. Знаки 11. Прочие

2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА ЖИВОТНОЕ:

2.1. Названия животных.

2.1.1. Виды животных: акула, байбак, баран, барсук, бегемот, волк, ворона, выдра, гадюка, голубь, гусь, ерш, жаба. . .

2.1.2. Роды животных; обобщенные названия животных: букашка, животное, зверь, змея, птаха, пташка, птица, рыба, скотина. . .

2.1.3. Названия детенышей: волчонок, звереныш, медвежонок, осленок, орленок, поросенок. . .

2.1.4. Название животного по половой принадлежности: боров, бугай, бык, жеребец, кабан, кобель, кобыла, конь, овца. . .

2.1.5. Название животного по особенностям породы, поведения, повадок и т. п.: барбос, битюг, бирюк, клуша, кляча, козьявка, легаш, наседка. . .

2.1.6. Мифические, вымершие и т. п. животные: динозавр, дракон, ихтиозавр. . .

2.2. Части тела, части покрова животного: грива, клешня, коготь, копыто, крыло, лапа, морда, мурло, пасть, перо, пух, рыло, хвост, чешуя, шкура, щетина, щупальца. . .

2.3. Группы животных: косяк, рой, свора, стадо, стая. . .

2.4. Места обитания, жилища животных; постройки для домашних животных: гнездо, конура, конюшня, курятник, логовище, логово, муравейник, нора, свинарник, хлев. . .

2.5. Пища животных: пойло. . .

Семантическая неоднородность данного лексического разряда (включение в него наряду с обозначениями животных предметной лексики, а также спорадическое — в соответствии с узусом — включение в общий перечень животных наряду с обозначением самца обозначения самок и детенышей) была обоснована в начале раздела.

3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕК.

3.1. Человек как носитель определенных свойств.

3.1.1. Положение в обществе, род занятий, деятельности: актер, артист, барин, барчук, барыня, буржуй, вельможа, воевода, гастролер, дипломат, живодеp, жонглер, командир, король. . .

3.1.2. Физические особенности, состояние здоровья и т. п.: дистрофик, идиот, исполин, калека, карлик, лилипут, маньяк, растрепан, слюнтяй, слепец. . .

3.1.3. Особенности поведения, образа жизни; склонности, привычки и т. п.: аскет, крикун, отшельник, праведник, свистун. . .

3.1.4. Возраст: мальчишка, младенец, ребенок, старик. . .

3.1.5. Положение в семье: дед, мать, мачеха, отец, пасынок, сестра, сын. . .

3.1.6. Ситуативный признак: дикарь, запевала, именинник, новобранец, подзаборник. . .

3.1.7. Прочие: баба, кудесник, людоед, лапотник, негр. . .

3.2. Библейские, мифологические и т. п. существа.

3.2.1. Библейские персонажи: Бог, дьявол, сатана. . .

3.2.2. Персонажи классической мифологии: бог, богиня, божок, кумир, купидон. . .

3.2.3. Персонажи языческой мифологии: вампир, ведьма, кикимора. . .

3.3. Собрание, группа людей: армия, десант, когорта, легион, орда, рать, табор. . .

4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА ФИЗИЧЕСКИЙ МИР.

Семантическая сфера ФИЗИЧЕСКИЙ МИР охватывает лексику, которая именуется действия, процессы, явления, происходящие в реальной действительности и воспринимаемые органами чувств, а также результат этих действий, процессов, явлений.

4.1. Время года, стадия суток: весна, вечер, восход, закат, заря, ночь, осень, сумерки. . .

4.2. Виды энергии: огонь, свет, тепло. . .

4.3. Процессы: взрыв, вспышка. . .

4.4. Явления природы; проявления погоды: буря, ветер, гроза, ливень, мираж, марево, молния, оттепель, предгрозы, слякоть. . .

4.5. Воздействия на органы чувств: жар, запах, привкус, смрад, теплынь, тьма. . .

4.6. Физиологические состояния (обычно болезненные); болезни: агония, безумие, болезнь, бред, вывих, жажда, кошмар, лихорадка, отрыжка, припадок. . .

4.7. Действия.

4.7.1. Действия, связанные с развлечением, зрелищем, состязанием и т. п.: аттракцион, балаган, буффонада, возня, комедия, марафон, маскарад, спектакль. . .

4.7.2. Действия, производимые людьми над человеком, животным: вивисекция, казнь, пытка. . .

4.7.3. Действия, производимые механизмами, и их результат: встряска, пробуксовка, толчок, стыковка. . .

4.8. Внешнее проявление или результат каких-л. физических процессов, механических действий и т. п.: искра, накал, отблеск, пожар, проблеск, провал, промах, просветление. . .

4.9. Следствие нарушения каких-л. процессов, действий, работы механизмов и т. п.: катастрофа, крах, крушение. . .

4.10. Лексика, оставшаяся за пределами классификации: контрабанда, круговорот, лотерея, магия, праздник, музыка, припев, песня, скороговорка, фейерверк. . .

5. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА ПСИХИЧЕСКИЙ МИР.

Семантическая сфера ПСИХИЧЕСКИЙ МИР включает в себя лексику, непосредственно не воспринимаемую в ощущениях действительности. Типы этой лексики были вычленены В. Н. Телией: 1) обозначения психической деятельности человека (чувства, желания, мыслительные акции); 2) отвлеченные понятия, конструируемые человеком (добро, долг, честь); 3) понятия, отображающие деятельность социального типа (право, власть, авторитет); 4) аспекты личности [Телия, 1979, с. 10].

Сосредоточенные в этой сфере денотаты нематериальны, лишены чувственных признаков, а потому не могут служить источником метафорических преобразований. Эта сфера, напротив, притягивает к себе метафоры из предметного мира, демонстрируя потребность человеческой мысли населять духовный мир (и, как

мы увидим далее, мир абстракций) привычными, обыденными чувственно воспринимаемыми реалиями.

Для своей классификации объектов психического мира мы воспользуемся как основой рубриками, выделенными В. Н. Телией, развив и дополнив эту схему в соответствии с нашим материалом.

5.1. Психическая деятельность.¹¹

5.1.1. Мысль: россыпи мыслей, туман заблуждений, кухня идей, мусор в голове, свалка идей, клочки мыслей. . .

5.1.2. Речь: град реплик, русло беседы, мозаика слов, ручеек разговора, словесный хлам, частокол фраз. . .

5.1.3. Эмоции: водопад чувств, желчь 'раздражение', камень на душе, когти тоски, облако печали, пелена страха, туча гнева, эпидемия страха. . .

5.2. Отвлеченные понятия, конструируемые человеком (добро, зло, порок, ложь, слава, свобода и т. п.): омут порока, пик славы, солнце свободы, пружины успеха, яма безнравственности. . .

5.3. Социальные категории.

5.3.1. История: водоворот событий, задворки истории, зародыш будущего, хлам прошлого, преддверие революции. . .

5.3.2. Государственное и общественное устройство: болото (бюрократическое), метастазы коррупции, подкладка (политическая), пресс (государственный), пружины (социальные), тряпье морали. . .

5.3.3. Наука, искусство: бутафория в искусстве, жемчужина архитектуры, канва романа, русло науки, солнце поэзии, струя (свежая струя в литературе),стряпня (литературная). . .

5.3.4. Жизнь индивида в обществе, ее конкретные проявления (счастье / несчастье, события, факты, формы деятельности): о тяжелой жизни: ад, лямка, каторга, казнь, пытка, тюрьма; калейдоскоп событий, обойма фактов, трясина быта. . .

5.3.5. Отношения между людьми: лабиринт отношений, облако недоверия, остров доброты, паутина ненависти, стена равнодушия, стрелы злобы, хлыст строгости. . .

6. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА АБСТРАКЦИЯ.

Под абстракцией (или абстрактной категорией, или абстрактным предметом, или образом реальности) понимается выделенное путем абстрагирования какое-либо свойство материального объекта, его состояние, отношение между объектами и т. д., отделенные от материальных носителей, воспринимаемые независимо от них. Путем абстракции человеческая мысль лишает вещь живой плоти чувственных признаков и свойств, вырывает из мира материальных предметов, каждый из которых имеет форму, цвет,

¹¹ Следует иметь в виду, что, поскольку семантические сферы ПСИХИЧЕСКИЙ МИР и АБСТРАКЦИЯ не служат, в отличие от всех рассмотренных выше сфер, источником метафоризации, примеры в настоящем и следующем разделе соответствуют не источнику метафоры, а «готовой» метафоре.

консистенцию, занимает место в пространстве, воздействует тем или иным способом на наши органы чувств и, обескровив таким образом материальный предмет, абстракция превращает «всякую вещь в логическую категорию» [Энгельс, с. 131]. Таковы категории количества, длительности, степени, отношения, порядка, общего и отдельного и т. п.

К сфере абстракций мы относим те ЯМ, которые вышли за пределы конкретной сочетаемости и тем самым нарушили связь с той или иной семантической сферой, могут относиться к любым объектам, обозначая такие общие понятия, как количество, место в иерархии, расположение в пространстве и во времени и т. п., в отрыве от частных денотатов. ЯМ абстрактной сферы обладают минимальной степенью образности, утрачивая элементы «наглядности» и «картинности». Например, ЯМ *горы книг* сохраняет наглядность, элемент зрительного образа и потому относится к семантической сфере ПРЕДМЕТ, а ЯМ *горы дней* такой элемент утрачивает, не означает ничего, кроме «много дней» и относится к семантической сфере АБСТРАКЦИЯ. Подобным образом распределяются по разным семантическим сферам ЯМ *море ржи, море людей, туча мух, куча рукописей, деталь-крошка*, с одной стороны, и *туча дел, куча проблем, капля жалости* т. п. — с другой (примеры первой группы относятся к типу переноса ПРЕДМЕТ→ПРЕДМЕТ, а второго — ПРЕДМЕТ→АБСТРАКЦИЯ). В связи с этим необходимо остановиться на проблеме отбора лексики в группу «количество».

Лексика этой группы была исследована Н. А. Лукьяновой. Применив удачный, на наш взгляд, термин «образы множества» по отношению к метафорическим обозначениям большого количества, Н. А. Лукьянова трактует соответствующее ему понятие широко: под образы множества подводится любая совокупность независимо от того, вычленяется ли чистая сема «много» или на передний план выдвигается какая-либо другая сема (внезапность, движение сверху вниз, быстрая смена, «запутанность, нерасчлененность» и т. п.): *буря протеста; вихрь мыслей, идей; вязь слов, показаний; град пинков, ударов; калейдоскоп впечатлений; ураган чувств; шлейф вопросов, проблем* и т. п. Своеобразие структуры ЛЗ «образов множества» Н. Л. Лукьянова видит в том, что «во-первых, в ней нет собственно денотации, а ее «место» занимает сигнификат — идея количества; во-вторых, коннотация и сигнификат настолько «срощены», «спаяны», что, видимо, нет оснований «расщеплять» ЛЗ на две структуры — это в принципе одна структура» [Лукьянова, 1986, с. 125].

Мы разделяем мнение Н. А. Лукьяновой о спаянности сигнификата и коннотации в «образцах множества», однако, как нам представляется, говорить об утрате денотации (по сути дела об отрыве денотата от сигнификата, поскольку в норме они существуют в неразрывном единстве), об «очищении» сигнификата (в данном случае «идеи количества») от денотативного содержания можно только применительно к таким обозначениям количества,

в которых эта идея представлена в отвлеченном виде и не осложнена никакими наглядными представлениями (внезапность, быстрое чередование и т. п.) и ассоциациями. Именно такие ЯМ, утратившие наглядность и ассоциативный характер, не обозначающие ничего, кроме понятия «много» или «мало», и обладающие вследствие указанных свойств самой широкой сочетаемостью, мы относим к разряду «количество» (примеры см. ниже). Что касается тех типов «количественных» ЯМ, которые сохраняют наглядность, т. е. содержат в структуре ЛЗ набор сем, отражающих наглядные представления и ассоциации, то в нашей работе они отнесены к другим рубрикам: ПСИХИЧЕСКИЙ МИР (*буря протеста, негодования; вихрь чувств, желаний, страстей; водопад радости, эмоций; калейдоскоп событий; исторический калейдоскоп* и т. п.); ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (*град ударов, водопад света, каскад звуков* и т. п.); ПРЕДМЕТ (*град пуль, камней; горы подушек, рукописей* и т. п.).

ЯМ сферы АБСТРАКЦИЯ распределяются по следующим рубрикам:

6.1. Количество.

6.1.1. Много: бездна (сомнений, насилия, зла); воз (здоровья); гора (счастья, времени, горы дел, сомнений, вопросов); груда (работы, проблем); куча (забот, вопросов, денег, времени); молекула (доброты, счастья, покоя); море (крови, слез, счастья, печали); океан (жизни, молчания, ужаса, проблем, забот, разногласий); туча (сплетен, воспоминаний).

6.1.2. Мало: атом (блаженства, борьбы); капля (жалости, нежности); кроха (радости, крохи работы); крошка (счастья, блаженства); круинка (мудрости, благоразумия, пользы); крупица (знаний, опыта); песчинка (чувства); щепотка (прошлого, доброты).

6.2. Элементы структуры.

6.2.1. Основа (центральная часть): каркас (сценария, либретто); корень (зла, всех бед, проблемы); остов (нравственности, мелодии); почва (психологическая, религиозная); стержень (идеи, жизни, характера).

6.2.2. Второстепенные элементы (периферия): соус 'что-л. не главное, второстепенное'.

6.3. Расположение в пространстве.

6.3.1. Последовательность, организованность: цепь (явлений, событий, фактов).

6.3.2. Неорганизованность: россыпь (ошибок, пороков).

6.3.3. Направление: магистраль (науки, прогресса, жизни); тропа (жизни, исканий); тропинка (поэтическая, творческая).

6.4. Расположение во времени (этап, момент существования, развития).

6.4.1. Начало: зародыш (будущего); исток (деятельности); источник (жизни, счастья, благополучия); росток (культуры).

6.4.2. Конец, предел: венец (развития, достижений, искусства, творчества).

6.4.3. Промежуточный этап, момент развития, существования чего-л. (жизни, истории, творчества); ступень (карьеры, прогресса).

6.5. Элементы порядка, системы.

6.5.1. Порядок: материал отсутствует.

6.5.2. Неупорядоченность: винегрет (в мыслях; из цитат; не статья, а винегрет); каша (в голове, в мыслях, в статье; концепция — каша; историческая каша); клубок (противоречий, чувств, сомнений); лабиринт (мыслей, событий); окрошка (стилистическая).

6.6. Категория оценки.

6.6.1. Положительная оценка: алмаз (эвкалипт — алмаз лесов; алмазы поэзии); жемчужина (курортная, музыкальная, поэтическая); сокровище (литературное).

6.6.2. Отрицательная оценка: барахло (о лодке, книге, фильме, человеке, идее, прошлом).

Итак, классификации подвергнута лексика, вступающая в метафорический процесс. Полученное классификационное распределение дает основание ставить вопрос о «метафорической картине мира».

Многоступенчатый характер нашей классификации и ее неизбежная в этом случае громоздкость связаны со стремлением охватить как можно больше аспектов действительности, соотношений ее объектов, связей и опосредований, чтобы по возможности избежать чрезмерной механистичности в построении «метафорической картины мира». Как известно, абсолютное приближение к действительности невозможно. Выстраивая нашу классификацию, мы отдавали себе отчет в том, что она, как всякое другое схематизированное представление о мире, неизбежно этот мир искажает: разрывает связи (например, связь психической сферы с человеком), останавливает «текучесть» явлений, устраняет противоречия между объектами и между их свойствами и т. п.

Разработанная классификация не претендует также ни на исчерпанность, ни на универсальность, ни на непротиворечивость. Логическая непротиворечивость любого членения лексики в идеографическом аспекте «остается принципиально недостижимой», что было отмечено Ю. Н. Карауловым на примере сопоставления соответствующих схем Х. Касареса и М. Молинер [Караулов, 1976, с. 251].

При всех перечисленных ограничениях классифицированная совокупность ЯМ с некоторыми лакунами покрывает все семантическое пространство языка и, налагаясь на языковую картину мира, почти полностью совпадает с нею.

Для проверки этой гипотезы мы избрали схему Р. Халлига и В. Вартбурга как наиболее универсальную и последовательно построенную на принципах антропоцентризма, что важно для наших целей (поскольку метафора по сути своей антропоцентрична), и попытались путем наложения совместить с ней нашу схему, отражающую членение метафорической лексики. В итоге было

обнаружено, что обе схемы совпадают (за исключением групп абстрактной лексики, что соответствует нашим представлениям о ЯМ) с незначительными пробелами (эти пробелы, впрочем, могли бы быть заполнены при расширении материала, например при привлечении в качестве источников таких сфер, как разговорная речь и особенно жаргоны). (См. схемы 1, 1а.)

Схема 1. „Языковая картина мира“ по Р. Халлигу и В. Вартбургу (фрагмент)

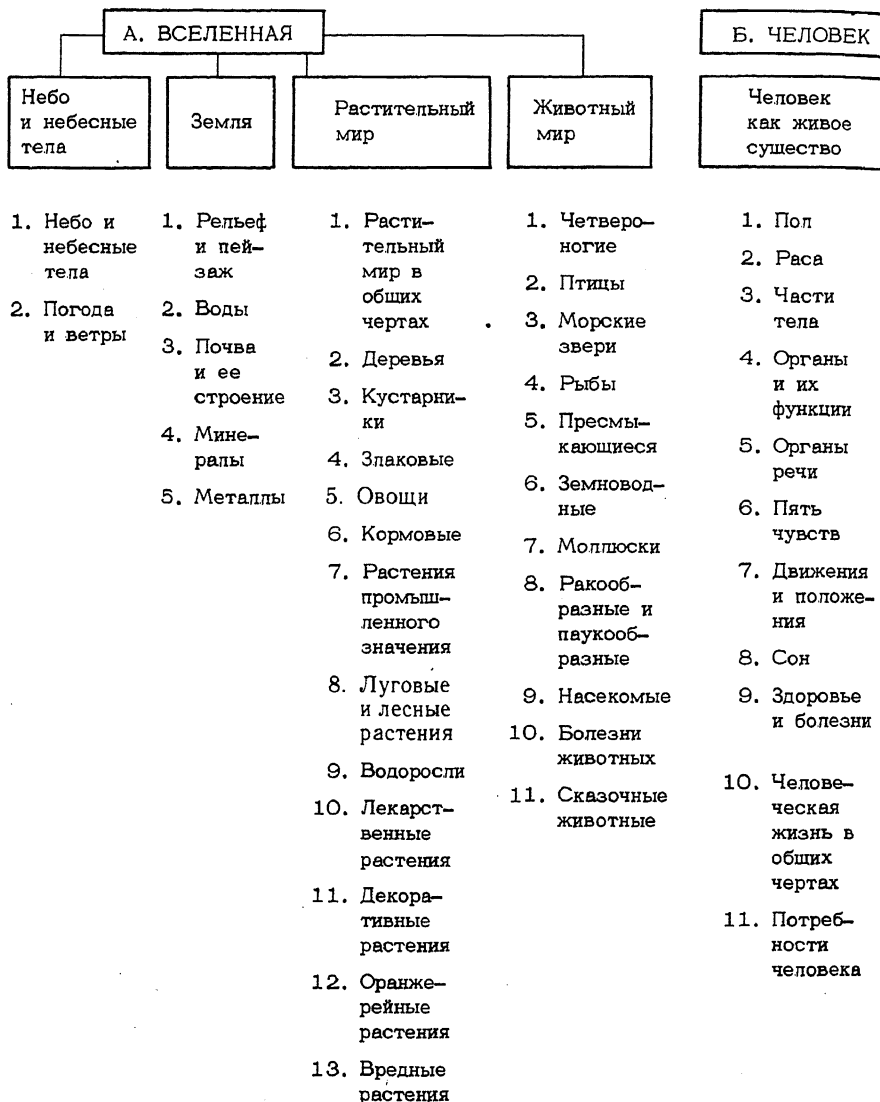
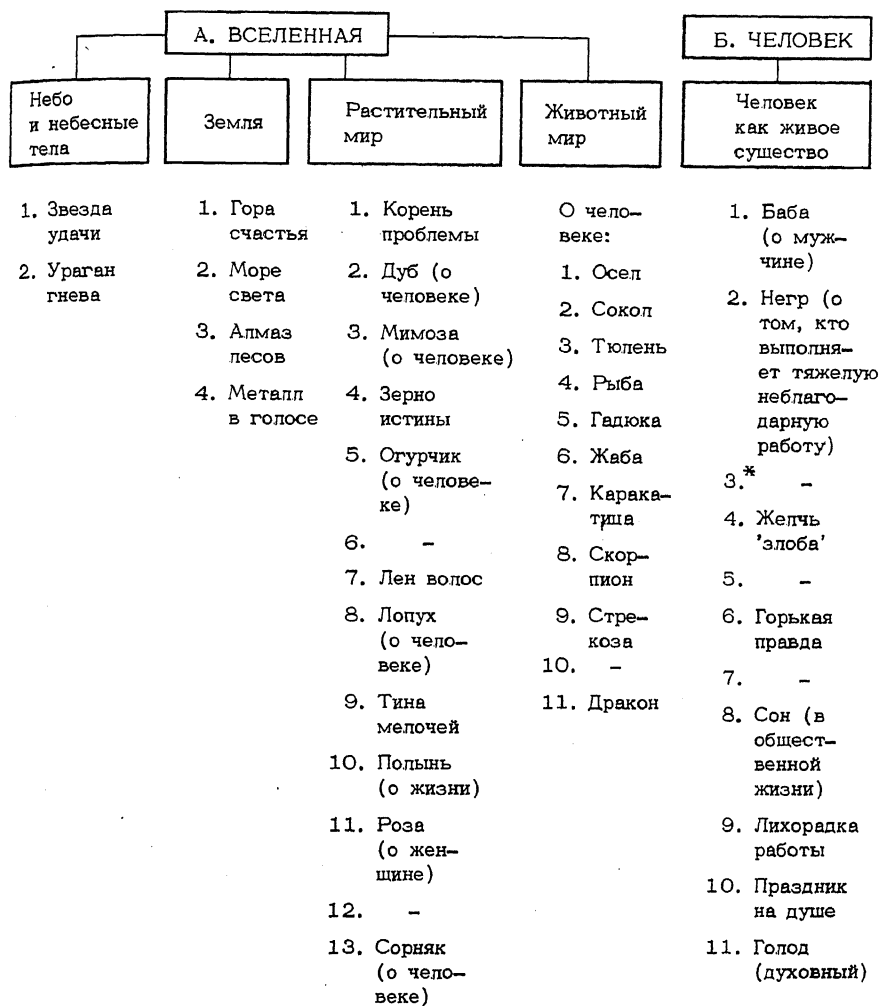

Схема 1а. „Метафорическая картина мира“ (с наложением на „языковую картину мира“ по Р. Халлигу и В. Вартбургу)

* Лексика данной рубрики служит источником ГМ, ср.: устье реки, глазок картофеля, бородашка ключа, головка детали, зубец вилки, колено трубы и т.п.

Таким образом, очевидно, что метафора как феномен языка создает отнюдь не фрагмент языковой картины мира, но заполняет все ее пространство.

Вернемся к методическим целям нашей классификации: как уже упоминалось, мы ставили перед собой задачу распределить в объеме выделенных нами семантических сфер всю попавшую в поле зрения лексику, вовлеченную в метафорический процесс, для того, чтобы подготовить почву для дальнейшего исследо-

вания типологии метафорических переносов — тех направлений, по которым осуществляется перенесение признака из одной семантической сферы в другую и которые создают все многообразие типов ЯМ.

Типы регулярных метафорических переносов в языке

Анализ показал, что метафорические переносы в языке подчинены достаточно жесткой закономерности и осуществляются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой.

Основные пути создания метафоры, направления метафорических переносов были определены еще в античной науке. До сих пор не утратили актуальности направления, выявленные Аристотелем: «Метафора — перенесение слова с измененным значением из рода в вид, из вида в род, из вида в вид или по аналогии» [Аристотель, с. 66]. Известно, что Аристотель подводил под понятие метафоры и метонимию, что было отмечено еще Цицероном [Античные теории, с. 218], поэтому собственно к метафоре приложимы только переносы «из вида в вид» (*отчерпнув душу мечом. . .*) и по аналогии: «Аналогией я называю такой случай, когда второе слово относится к первому так же, как четвертое к третьему. . . Что старость для жизни, то вечер для дня; поэтому можно назвать вечер старостью дня, а старость вечером жизни» [Аристотель, с. 67]. Не утратили значения и закономерности, описанные Квинтилианом: метафора образуется перенесением свойств одушевленного предмета на неодушевленный; неодушевленного на неодушевленный; неодушевленного на одушевленный; одушевленного на одушевленный [Античные теории, с. 219]. Используя эти обобщенные (универсальные, а потому и «вечные») схемы переносов, современные исследователи дополняют их более сложными закономерностями: физическая лексика служит для характеристики психических состояний человека, атрибут предмета преобразуется в атрибут абстрактного понятия и др. [Арутюнова, 1979б, с. 165 и след.].

Системный подход к ЯМ позволил обнаружить и описать направления метафорических переносов в их многообразии, взаимной связи и зависимости. Все явления реального мира, охватывающие как материальные, так и идеальные сущности, вовлечены в процесс метафоризации, при этом метафорический перенос совершается в определенных направлениях в достаточно жесткой последовательности.

В данном разделе представлены в обобщенном и схематизированном виде все выявленные в процессе исследования регулярные типы метафорических переносов (примеры словоупотреблений приводятся в ограниченном количестве).

1.1.2. Водопад (слез); гора (книг, документов); джунгли (города); каскад (волос); лес (рук, мачт); море (ржи, песков); остров (растительности); русло (улицы); ручьи (слез); ущелье (улицы); холм (тел, рукописей).

1.1.3. Алмазы (росы); золото; изумруды (листвы); мрамор (морской поверхности); серебро (волос).

1.1.5. Град (камней); иней 'седина'.

1.1.7. Лен (волос).

1.1.8. Лавина (танков, писем); поток (писем); струйка (песка, зерна); струя (песка).

1.1.10. Паутина (решетки); пена (цветущих деревьев).

1.2.1. Палка (колбасы, сургуча).

1.2.2.1. Блин (кепки); каша (снежная, бетонная); кисель (дороги); лапша (бумажная, свитер-лапша); лепешка (снега, грязи); селедка 'сабля'; студень (волны); тесто (бетонное, резиновое).

1.2.2.3. Кастрюля 'цилиндрическая деталь приборов, устройств'; корыто 'негодное судно'.

1.2.2.4. Загашник (деньги в загашнике); кайма (реки, дороги); лента (дороги, асфальта); ленточка (горизонта); обувь 'колеса'; распашонка (квартира-распашонка); тесьма (железной дороги); шуба (снегов, мхов).

1.2.2.5. Перина (снега, тумана, мха); подушка (мха, жира).

1.2.2.7. Атлас (о коже); бархат (о траве); шелк (волос).

1.2.2.8. Факелы (тополей); фонарь 'синяк'.

1.2.2.9. Бисер (пота); блески (огней, росы); шпилька 'тонкий каблук'.

1.2.2.10. Сбруя 'одежда'.

1.2.2.11. Копна (волос, подушек); нитка (дороги); нити (дождя); потроха 'имущество'; сетка (морщин); сеть (дождя); скатерть (снегов); туша (танка, парохода); щетка (всходов, усов).

1.2.3. Казарма 'некрасивое здание'; окно (в облаках); сарай 'неопрятная, неудобная квартира, комната'; фонтан (листьев, камней); халупа, хибарка, хижина 'неприглядное жилище'; хоромы (квартира — хоромы); частокол (орудий); шатер (неба, ветвей).

1.2.4. Гвоздик 'тонкий каблук'; иглы (всходов, ресниц).

1.2.5. Карикатура (платье — карикатура).

1.2.6. Побрякушка 'незначительная вещь'; серпантин (дороги).

1.2.7. Обойма (наград); стрела (шлагбаума).

1.2.9. Иконостас 'большое количество орденов, медалей'.

1.2.10. Богадельня (редакция — богадельня); живодерня (больница — живодерня); кабак (учреждение — настоящий кабак); казарма (школа — настоящая казарма); контора (о любом учреждении); помойка (в комнате); свалка (книг, рукописей).

¹² Приведенные здесь и далее порядковые номера соответствуют рубрикам произведенной в предыдущем разделе данной главы классификации материала.

1.2.13. Зеркало (озера); колодец (колодцы Вселенной — сгустки сверхплотного вещества в мировом пространстве); мазня 'плохая картина'; петля (реки, дороги); стружки (волн).

1.3.1. Вагон (книг, бумаг, безделушек); воз (рукописей).

1.3.2. Россыпь (звезд, огней).

1.3.3. Крошка (деталь-крошка).

1.3.4. Брешь (в обороне); дыра: а) 'отдаленное место'; б) 'плохая квартира'; дырка 'квазичастица'; шрам (на здании).

1.3.5. Лохмотья (туч, пены); помои 'невкусная пища'.

1.3.8. Броня (ледяная); скорлупка 'плохое судно'.

1.3.10. Завитки (Галактики); пунктир (домиков, огней, расады); строчка (следов, трассирующих пуль).

1.3.11. Сугроб (листьев, зерна, песка); султан (дыма, пара).

ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК

Едва ли не любое свойство любого предмета (и, как мы увидим далее, также животного и человека) может быть употреблено для характеристики тех или иных человеческих качеств в самом широком диапазоне. Язык практически не ставит никаких препятствий для самых отдаленных сопоставлений в формировании антропоцентрических метафор. Анализу их семантики посвящен 4 раздел данной главы, здесь же ограничимся простым перечнем примеров.

А. Характеристики человека

1.1.1. Звезда, метеор, светило, солнце.

1.1.3. Гранит, золото, камень, кремь.

1.1.4. Кипяток, лед.

1.1.5. Сосулька.

1.1.6. Самородок, смола.

1.1.7. Поросль (о детях), дуб, кряж, лопух, мимоза, огурчик, пень, поганка, пустоцвет, редька, репей, роза, розан, сморчок, тополь, фрукт, хрен, цветок, ягодка.

1.1.9.2. Амеба, инфузория.

1.2.1. Дубина, колода, орясина, столб, чурбак, чубран, чурка.

1.2.2.1. Квашня, кисель, конфетка, конфета, мед, размазня, сахар, сухарь, телятина, тюря.

1.2.2.2. Яд.

1.2.2.3. Перечница, ступа.

1.2.2.4. Колпак, лапоть, сапог, тулуп.

1.2.2.5. Тюфяк.

1.2.2.6. Сундук, тумба.

1.2.2.8. Фитиль.

1.2.2.9. Драгоценность, сокровище.

1.2.2.11. Мешок, оглобля, пробка, пузырь, спичка, тряпка, туша, чучело.

1.2.4. Автомат, винтик, кувалда, машина, пила, робот, трещотка, флюгер, шпингалет.

- 1.2.5. Картина, марионетка, монумент, статуэтка, статуя.
- 1.2.6. Игрушка, игрушечка, кукла, куколка, петрушка, пупс, юла.
- 1.2.7. Порох.
- 1.2.9. Идол, истукан.
- 1.2.13. Манекен, фитюлька.
- 1.3.3. Крошка (о ребенке); щепка.
- 1.3.4. Скважина, язва.
- 1.3.5. Огарок, огрызок, отбросы, отребье, подонки, развалина, рвань, руина, рухлядь, хлам.
- 1.3.7. Мертвец, мощи, мумия, падаль, скелет.
- 1.3.9. Песчинка, пушинка, пылинка.
- 1.3.11. Заноза.

Б. Обозначение частей тела человека

- 1.2.1. Доска 'ладонь', жерди 'ноги'.
- 1.2.2.3. Котелок 'голова', терка 'лицо со следами оспы'.
- 1.2.2.4. Варежка 'рот'.
- 1.2.3. Будка 'лицо', черепок 'голова'.
- 1.2.13. Вывеска 'лицо'.

В. Обозначения группы людей

- 1.1.2. Море (людей), река (демонстрантов).
- 1.1.8. Водоворот (людской), волна (атакующих), лавина (людей), поток (посетителей).
- 1.2.7. Обойма (писателей, знаменитостей).
- 1.3.11. Флотилия (болтунов).

ПРЕДМЕТ→ФИЗИЧЕСКИЙ МИР

Этот разряд метафорических существительных в наших материалах самый немногочисленный и невыразительный (невыразительность проявляется в однообразии сочетаний, в ограниченности круга явлений, захваченных метафоризацией). Из этого обстоятельства можно сделать вывод о том, что явления и процессы физического мира язык обозначает «своими» именами, не заимствуя для этой цели наименований из других семантических сфер.

- 1.1.2. Каскад (звуков, света).
- 1.1.5. Град (ударов, пинков).
- 1.1.8. Волна (света, звуков, запахов); потоки (звуков, света); струйка (дыма, запаха); струя (света, запаха).
- 1.2.2.5. Покрывало (тепла).
- 1.2.2.11. Мешок 'полное окружение (противника)'; пробка (автомобильная); сноп (света).
- 1.2.3. Стена (огня); фонтан (огня).
- 1.2.10. Базар 'шум'; баня (дома настоящая баня); бойня (война); парилка (в комнате парилка); пекло (во время боя); цирк 'забавное или нелепое происшествие'.
- 1.2.13. Веер (света, лучей); резервуар (инфекции).
- 1.3.2. Комок (в горле).
- 1.3.11. Пленка (дремы, забывтья).

ПРЕДМЕТ → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР

Предметная лексика чрезвычайно широко используется для обозначения объектов психического мира, к которым, как уже было сказано, мы относим, кроме собственно психических явлений и процессов, также все элементы социального устройства, факты и элементы духовной жизни, культуры, истории и т. д.

1.1.1. Звезда (удачи, счастья).

1.1.2. Бездна (зла, горя); болото (обывательское, бюрократическое, провинциальное, болото невежества); вершина (счастья, благополучия); водопад (слов, упреков); джунгли (преступного мира); дно (жизни); каскад (красноречия); мель (жизненная); океан (жизни); омут (безнадежности, порока); остров (доброты); пик (славы, успеха); подпочва (психологическая); почва (идея не имеет под собой почвы); пропасть (между людьми, между теорией и практикой); пустыня (одиночества); пучина (обид, страданий, бед); родник (воспоминаний); русло (беседы; главное русло науки; жизнь повернула в новое русло); ручей (денег); ручеек (разговора); теснина (жизни, страданий); трясина (быта, привычек); чернозем (простых чувств); яма (бед, пошлости, преступлений).

1.1.3. Гранит (науки); камень (на душе, на сердце; камень заботы); металл (в голосе); песок (слов); сталь (во взгляде, в характере).

1.1.5. Град (вопросов, реплик); облако (печали, грусти, задумчивости, недоверия); туман (в голове; туман заблуждений, неведения, фантазий); туча (недоумения, гнева).

1.1.6. Лава (восстания); плесень (пошлости, мещанства, рутины); прах (богатство — прах); ржавчина (привычек, горя, быта).

1.1.7. Орех (задача — орех); побеги (мысль, деятельности); полынь (жизнь — полынь); росток (нового, знаний, чувства); семя (добра, зла, сомнения, бунта); скороспелка (идея — скороспелка; книга-скороспелка); тина (жизни, мелочей, мещанства).

1.1.8. Водоворот (событий, дел, страстей); лавина (эмоций); поток (чувств, жизни); поток (эмоций); стремнина (чувств); струя (свежая струя в литературе).

1.1.9.1. Вакуум (литературный, информационный); микромир (души, сердца, семьи, человеческих отношений, стихотворения).

1.1.9.2. Бацилла (стяжательства, тщеславия); вирусы (скептицизма); микроб (пошлости, мещанства, равнодушия).

1.1.10. Желчь (эпиграммы); зародыш (будущего); паутина (лжи, ненависти); соломинка 'слабая надежда на спасение'.

1.2.1. Рогатки (цензуры, бюрократизма).

1.2.2.1. Гарнир (новость с гарниром; эстрадный номер с гарниром); закваска (человек старой закваски); изюминка (женщина с изюминкой); пища (духовная, для ума, для души); стряпня (литературная).

1.2.2.2. Лекарство (от лени, от любви); отравка (фраз, воспоминаний); яд (насмешки, эпиграммы, желаний, скептицизма).

1.2.2.4. Загашник (идеи в загашнике); ляпка (тяжелой жизни).

1.2.2.6. Ширма (фраз, благополучия).

1.2.2.7. Канва (романа, рассуждений, сюжета); ткань (текста, повествования); флер (воспоминаний).

1.2.2.8. Светильник (разума); факел (истины, добра, знаний); фитиль 'выговор'.

1.2.2.9. Мишура (разговоров, жизни, быта); позолота (слов, фраз); сокровище (литературы, музыки; духовные сокровища); шпильки (в разговоре).

1.2.2.10. Вожжи (в работе, в отношениях); телега 'жалоба, порицание'; хомут (брака, зависимости, службы); шоры (не видеть в шорах истины).

1.2.2.11. Копилка (рабочего опыта, педагогическая, всенародная); лак 'внешний блеск'; нить (времени); отдушина (в работе); рамки (закона, личных отношений, приличий); сеть (сплетен, интриг, сети супружества); тенета (лжи); тряпье (морали, условностей); хлыст (строгости, грубости).

1.2.3. Маяк (производства); окно (в работе бригады, между лекциями); опора (нравственная; искать опоры в дружбе, в семье; не иметь опоры в жизни); потолок (в зарплате, в карьере); преграда (в любви, в деятельности, в творчестве); преддверие (революции, событий); стена (равнодушия, отчуждения); ступень (в развитии личности, общества); трамплин (для карьеры; в творчестве); фонтан (красноречия, эмоций); частокол (фраз); чердак 'умственные способности, мыслительная деятельность'.

1.2.4. Буфер (в отношениях); конвейер (идей, мнений); машина (военная, судебная); мышеловка (в полемике, в споре); оселок (чувств); пресс (чужого мнения; государственный пресс); пружина (поступка, карьеризма, психологические пружины); рупор (идей, мнений, политический рупор); рычаги (войны, деятельности, перестройки); таран (энергии); тиски (нужды, жизни); тормоз (в работе, в искусстве).

1.2.5. Бутафория (в искусстве); картина (прошлого); мозаика (слов, мнений; семантическая мозаика).

1.2.6. Бирюльки 'пустяки'; игрушки (занятие — игрушки); калейдоскоп (фактов, событий); карусель (дел, забот, жизни); петрушка 'нелепость'; побрякушка 'пустяк'; ходули (фраз); шарманка 'надоевший разговор'.

1.2.7. Обойма (сведений, фактов); стрелы (злобы, клеветы, эпиграмм).

1.2.8. Вериги (чужого языка; финансовые вериги); кандалы (забот); оковы (судьбы); путы (жить в путах), цепи (зла, насилия, нужды).

1.2.10. Ад (в мыслях, в отношениях); барахолка (литературная, словесная); богадельня (застоя); каторга (жизнь — каторга); кухня (литературная; кухня идей); лавочка 'незаконное предприятие'; ловушка (в споре); помойка (литературная); рай 'прекрасная жизнь', 'блаженство'; свалка (идей, мнений); тайник

(души, сердца); темница (предрассудков); тюрьма (жизнь — тюрьма).

1.2.11. Магистраль (науки, прогресса, политической жизни); тропа (жизни; найти свою тропу); тропинка (исканий; собственная тропинка в жизни).

1.2.12. Задворки (общества, истории, сознания); закоулки (государства, жизни); лабиринт (отношений, решений, событий, мыслей); тупик (мысль зашла в тупик; отношения в тупике).

1.2.13. Венец (развития, искусства, достижений); вежа (истории, жизни общества); зеркало (души; пресса — зеркало перестройки; литература — зеркало жизни); струны (души, сердца); фильтр (критики, цензуры); цемент (искренность — цемент дружбы).

1.3.2. Клубок (противоречий, чувств, сомнений); россыпь (талантов).

1.3.3. Клочки (мыслей, снов, воспоминаний); кусок (жизни).

1.3.4. Брешь (товарная, финансовая); дыра (в знаниях); дырка (в бюджете); нарыв (нравственный); прореха (в хозяйстве, в финансах, в рассуждениях); рана (душевная, нравственная); рубец (от перенесенного горя); трещина (в отношениях, в обществе); шрам (в душе); язвы (общества; социальные язвы).

1.3.5. Мусор (в статье, в голове); обломки (славы, прежней жизни); развалины (прежнего уклада, семьи); сор (в голове, в мыслях, словесный сор); тлен (деньги — тлен; прошлое — тлен); труха (мыслей, слов, анекдотов; рассказы — труха); утиль (старых стихов); хлам (деньги — хлам; словесный, исторический хлам; эстрадный хлам); шлак (слов, творчества).

1.3.6. Грязь (жизни, отношений); муть (в сознании); пыль (прошлого); пятно (позора).

1.3.7. Мертвечина (атмосфера мертвечины); могила (жизнь — могила).

1.3.8. Броня (терпения, мужества); дно (души, жизни); изнанка (факта, поступка, жизни); короста (среды, безнравственности, пороков; снять коросту с души); налет (грусти, фамильярности); подкладка (политическая, историческая; подкладка фактов, событий); скорлупа (семейная, душевная).

1.3.10. Завитушки (стилистические); закорючка (в работе); запятая 'затруднение'; клеймо (позора, прошлого); печать (нищеты, разврата); штамп (литературный, газетный, актерский).

1.3.11. Багаж (знаний, идей; духовный, политический, исторический багаж); груз (воспоминаний, забот, подробностей, прошлого); заноза (в душе); козырь (в полемике, в споре, в борьбе); месиво (войны); метастазы (коррупции, преступления, разврата); муть (ссор, заблуждений); ореол (славы, поэзии, почета); острие (полемике, ссоры, эпиграммы); пелена (задумчивости, заблуждений, страха, недоверия); подачка (нежности; социальные подачки); подпора, подпорка (жить без подпорки, потерять подпору; подпора в беде); порошок (деньги превратились в порошок); привесок (эмоций; привесок к зарплате); просвет (в сознании,

в тяжелой жизни); сплав (ума и таланта; стилистических элементов); сырье (литературное; сырье для романа; статья — сырье); толща (историческая; толща цитат); червоточина (в душе, в отношениях).

ПРЕДМЕТ → АБСТРАКЦИЯ

1.1.2. Бездна (дел, вопросов, забот); гора (дел, счастья, времени, усталости); море (крови, проблем, улыбок, слов, радости); океан (горя, счастья, радости, забот, слухов, противоречий).

1.1.3. Алмаз (эвкалипт — алмаз лесов).

1.1.6. Жемчужина (архитектуры, поэзии, музыки).

1.1.7. Зерно (истины, добра, зла, смысла); корень (зла, проблемы); сок (разговора, теории).

1.1.9.1. Атом (блаженства); молекула (знаний).

1.2.2.1. Винегрет (в мыслях, в статье); каша (в голове); коктейль (стилистический); конфетка (платье — конфетка); лакомство (книги — лакомство); окрошка (историческая; окрошка в стиле, в сюжете); приправа (в разговоре); сахар (в стиле); соль (разговора, повести); соус 'что-л. не главное, второстепенное'.

1.2.3. Каркас (сценария, сюжета).

1.2.8. Цепь (событий, приключений).

1.3.1. Вагон (денег, работы, друзей, времени); воз (работы, здоровья, мыслей); горсть (идей); охапка (идей, знаний); щепотка (нежности, жалости, радости).

1.3.2. Букет (улыбок, болезней); ворох (вопросов, мыслей, болезней, сомнений); груда (дел, забот, проблем).

1.3.3. Капля (любви, жалости, отдыха, удовольствий); клочок (счастья; клочки воспоминаний); обрывки (снов, воспоминаний, мыслей, разговоров); осколок (прежней жизни, прошлого; осколки событий); ошметки (прошлого).

1.3.5. Барахло (статья — барахло; человек — барахло; лодка — балахло).

1.3.8. Остов (нравственный, музыкальный; остов пьесы, текста); стержень (нравственный, идейный, политический; стержень личной жизни); ядро (дела, мысли, вопроса, души, концепции).

1.3.9. Крупинка, крупица (пользы, радости, смысла, доброты, покоя); песчинка (счастья, благополучия); куча (дел, забот, новостей, денег, детишек).

Сфера реальных предметов — самый мощный источник языковых метафор. Нет такой области человеческой жизни и человеческих понятий, в которой органично не прививались бы метафоры предметного мира. Все может быть сопоставлено с предметом, уподоблено предмету: не только другой предмет, человек, ощущение, процесс, чувство, мысль, факт, но также и элементы невидимого мира и абстракции.

Всего в рубрике ПРЕДМЕТ оказалось 553 лексические единицы. Подсчеты показали, что почти половину всей метафорической

лексики составляют ЯМ, обозначающие явления психического мира (229 из 553, или 42.1 %). Этот результат подтверждает высказывавшиеся ранее соображения о том, что одно из основных назначений ЯМ — служить обозначением психических и социальных сущностей (Арутюнова, Телия). Наименьшее число предметных ЯМ падает на обозначение физической лексики (22 единицы, или 4.2 %). В наших материалах не оказалось ЯМ, образованных по типу ПРЕДМЕТ → ЖИВОТНОЕ, хотя в принципе, по-видимому, нет семантических и других препятствий для такого рода метафоризации (можно корову назвать колодой, барана столбом и т. п.). Такие метафоры если и встречаются в речи, то исчисляются, вероятно, единицами и не могут быть причислены к регулярным.

Количественное распределение предметных ЯМ приведено в табл. 4.

Таблица 4
Количественное распределение ЯМ семантической сферы
ПРЕДМЕТ

Общее количество лексических единиц сферы Предмет	Предмет предмет	Предмет животное	Предмет человек	Предмет физический мир	Предмет психический мир	Предмет абстракция
553	121	—	137	22	229	44
100 %	21.9 %	0 %	24.7 %	4 %	41.4 %	8 %

Способность того или иного лексического разряда (будь то тематическая группа, семантическое поле или семантическая сфера) порождать ЯМ, выходящие за пределы «своего» круга денотатов, отторгающиеся от «своего» семантического стержня и вторгающиеся в «чужие» семантические пределы, мы называем метафорической активностью.

Метафорическая активность предметной лексики так велика, что имя того или иного предмета может использоваться в метафорическом процессе многократно, обозначая реалии из любой семантической сферы. Расчлняя единый смысл слова, отщепляя разные признаки обозначаемого им предмета и отыскивая возможности приложения этих признаков к другим объектам, человеческая мысль образует метафорическую цепочку, каждое звено которой отстоит все дальше и дальше от обозначения исходного конкретного предмета. Приведем примеры. **Волна:** волны песка — волны атакующих — волна боли — волна страха. **Град:** град пуль — град ударов — град вопросов. **Море:** море ржи — море людей — море света — море проблем. **Песчинка:** песчинки железа — человек-песчинка — песчинки слов — песчинка счастья. Примеры можно было бы продолжить.

А. А. Потенция писал о том, что человеку изначально свойственно объяснять (иными словами — называть) «отдаленное близким» [Потенция, 1905, с. 447]. Только объяснив (назвав) «отда-

ленное близким», человек обращается к окружающим его в повседневной жизни предметам, теперь уже объясняя «близкое отдаленным». «Вместе с этим сознается теория, что малое и слабое происходит от великого и сильного, образуются более-менее обширные связи между небесными явлениями и земными» [Потебня, 1905, с. 447].

Намечая такой путь и такую последовательность познания окружающего, А. А. Потебня имел в виду путь познания первобытного человека, способного воспринять только разрозненные фрагменты материи, только поверхность явления, только самое общее производимое им впечатление. Поразительно то, что и ученые конца XX века, открывшие многие законы материи и увидевшие взаимосвязь внешне разобщенных явлений, называют «отдаленное близким». Самые сложные, бесконечно удаленные от обычной жизни, часто гипотетические, постигаемые только воображением объекты получают имена бытовых реалий: **Белая дыра**. Гипотетический объект Вселенной, представляющий собой результат расширения вещества, находившегося в сверхплотном состоянии [СНС₈₄]. **Черная дыра**. Сгусток звездного вещества с такой степенью сжатия и с такими силами тяготения, которые не выпускают в пространство какие-л. частицы и волны (там же). **Дырка**. Не занятое электроном энергетическое состояние полупроводника или изолятора; квазичастица (там же).

Бытовые слова в научном тексте становятся в один ряд с терминами и вместе с терминами расчленяют и описывают недоступный обыденному сознанию мир: *«Когда электроны и дырки движутся так, что расходятся друг от друга, то проводимость контактного слоя резко падает — в нем остается крайне мало носителей электрического поля»* (И. Г. Шуппе. Ленинские премии физикам. 1970. С. 17). Ср. также: *«Позднее стало ясно, что это текут ручейки электронов, осыпающихся с поверхности металла под действием света. (Данин. Неизбежность странного мира). В атомных спектрах не одна линия, а частоколы линий. (Там же). Атом Резерфорда — тоже карусель, планетная карусель. (Там же). Я пытаюсь объяснить, почему закрученность галактик не размазывается, когда должна бы, казалось. Интерес к завиткам данной галактики у меня давно исчез. (Тендряков. Покушение на миражи.) И в просторах Вселенной есть колодцы — черные дыры, куда время как бы проваливается и застывает в бесконечности. (Там же)».*

Научный текст, ориентированный на специалистов, не может обойтись без бытовых, «приземленных» сближений, без апелляции к чувственному восприятию, а следовательно, и без метафоричности: *«Невозможна единая грамматика просторечия, возникает некоторый «винегрет» из разных диалектных особенностей. (Девкин. О видах нелитературной речи.) Итак, референция — это способ «зацепить» высказывание за мир. (Арутюнова. Номинация, референция, значение). В самой методике не заложено предпосылок, которые могли бы вызывать «размывание» границ поля: и компо-*

нентный и ассоциативный этапы включают процедуры, однозначно отвечающие на вопрос о принадлежности того или иного слова к данному полю. (Караулов. Общая и русская идеография.) Поэтический космос, которым управляет метонимия, размывает контуры предметов. (Якобсон. Заметки о прозе поэта Пастернака.) Представления сцепляются и тянутся вереницами. (Потебня. Мысль и язык.)

ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК

Если лексика семантической сферы ПРЕДМЕТ обладает, как мы видели, повышенной метафорической активностью, распространяя свое действие на все другие семантические сферы, то переносы из сферы ЖИВОТНОЕ направлены только на сферу ЧЕЛОВЕК.

Тип регулярного метафорического переноса ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК играет в языке роль одного из самых сильных экспрессивных средств, обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской. Так, в слове *баран* реализуется признак «бестолковый»; *бирюк* — «угрюмый, нелюдимый»; *ерш* — «задира»; *жук* — «ловкий, плутоватый»; *змея* — «коварный, хитрый, злой»; *индюк* — «глупый, заносчивый, надменный»; *ишак* — «упрямый или глупый»; *кабан* — «грузный, толстый»; *клуша* — «неуклюжая, неповоротливая, или неряшливо одетая»; *лиса* — «хитрый»; *медведь* — «неловкий, неповоротливый, неуклюжий»; *петух* — «задира, забияка, драчун»; *рыба* — «бесчувственный, холодный»; *червяк* — «ничтожный, презренный»; *щенок* — «молодой, неопытный» и т. п. (исключения единичны: голубь, орел, лев и др.).

С помощью зооморфизмов язык изобретает самые разнообразные характеристики человека, в подавляющем большинстве случаев пейоративные: внешности (*байбак*), психологические (*змея*), нравственные (*скотина*), социальные (*букашка*). Подробному анализу этой проблемы будет посвящена следующая часть данной главы.

Поскольку, как мы уже сказали, семантическая сфера ЖИВОТНОЕ дает только один регулярный тип переноса — в сферу ЧЕЛОВЕК, иными словами, обозначения животных применяются для метафорических обозначений человека, то здесь мы ограничимся лишь перечнем ЯМ, составляющих ту или иную рубрику, не приводя примеров словоупотребления.

А. Характеристики человека

2.1.1. Акула, байбак, баран, барсук, бегемот, буйвол, вобла, волк, ворона, выдра, гадюка, голубь, гусь, ерш, жук, заяц, зубр, индюк, ишак, каракатица, коза, козочка, корова, крокодил, крыса, курица, ласточка, лебедь, лев, лиса, лошадь, львица, мартышка,

медведица, медведь, морж, муха, обезьяна, овца, орел, осел, осетр, паук, паучиха, пес, петух, пигалица, пиявка, попугай, росомаха, рябчик, свинья, скорпион, слизняк, слон, собака, сокол, соловей, сорока, стервятник, стрекоза, суслик, сыч, тетерев, тигр, тигрица, тля, трясогузка, тюлень, хамелеон, хомяк, черепаха, шакал.

2.1.2. Букашка, животное, зверь, змея, птаха, пташка, птица, птичка, рыба, скотина, хищник, червь.

2.1.3. Волчонок, звереныш, малявка, медвежонок, орленок, поросенок, псенок, птенец, соколенок, сосун, стригун, стригунок, теленок, телок, тигренок, утенок, цыпленок, щенок, ягненок.

2.1.4. Боров, бугай, бык, жеребец, кабан, кобель, кобыла, конь, самец, самка, трутень.

2.1.5. Барбос, бирюк, битюг, клуша, кляча, козявка, легаш, наседка, одер, путолайка, скаун.

2.1.6. Динозавр, дракон, ихтиозавр.

Б. Обозначения частей тела человека

2.2. Грива, клешня, коготь, копыто, лапа, морда, мурло, пасть, пух, рыло, шкура, щетина.

В. Обозначение группы, скопления людей

2.3. Косяк, муравейник, рой, свора, стадо, стая, табун, хвост 'очередь'.

Г. Обозначения жилища человека

2.4. Берлога, гнездо, конура, конюшня, логовище, логово, нора, свинарник, хлев.

Д. Обозначения пищи человека

2.5. Пойло.¹³

Рубрика «Части тела животного» в отношении направлений метафоризации дает неоднородную лексику: слова, обозначающие части тела животного, соотносимые с частями тела человека (*морда* — лицо, *лапа* — рука, *клешня* — рука, *пасть* — рот, *грива* — волосы, *шкура* — кожа, *копыто* — нога и т. п.), при метафоризации со всей очевидностью характеризуют человека. Символ метафоры в этом случае репрезентирует качества животного, которые могут быть приложимы и к человеку, как это происходит всякий раз при типе переноса ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК. Иначе обстоит дело с той лексикой, которая обозначает части тела животного, не соотносимые с частями тела человека (*крыло*, *перо*,

¹³ Напомним, что терминологическую зооморфную лексику (*журавль колодца*, *козлы*, *конь 'спортивный снаряд'*, *собачка замка*, *кошки* «приспособление для лазания» и т. п.) мы относим к ГМ и потому оставляем за пределами анализа.

хвост, чешуя, щупальца и т. п.). Такая лексика создает нехарактерные, нерегулярные типы метафорических переносов (подробнее об этом будет сказано далее).

Что касается лексики, объединенной под рубриками «Места обитаний...» и «Пища животных», то она, напротив, будучи в номинативном плане непосредственно связанной со сферой предметов, тем не менее содержит такие устойчивые коннотации, которые соотносят ее с миром животных. Вычленяемый в этих случаях символ метафоры, как уже было сказано, семантически объединяет не два предмета (ср., например, *квартира* и *конюшня*), но человека и животное. Иными словами, некоторые признаки, характеризующие животное и могущие быть приписанными человеку, вычленяются не непосредственно, а опосредованно — через свойства предметов, которые выступают как носители свойств того или иного животного.

ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК

В данной семантической сфере метафора формируется посредством признаков, извлекаемых из разноаспектных характеристик человека: его внешнего вида и физиологических особенностей, свойств личности, обусловленных его положением в обществе, родом деятельности, положением в семье, возрастом и т. п.; для этой цели используются также мифические и библейские персонажи в образе человека. Отдельную рубрику составляют обозначения собрания, группы людей. В соответствии со сказанным лексические материалы распределяются следующим образом.

3.1.1. Актер, актриса, артист, артистка, бандит, барин, барчук, барыня, буржуй, вельможа, воевода, гастролер, грабитель, дипломат, живодер, жонглер, звонарь, иезуит, инквизитор, командир, комендант, коновал, королева, король, крепостник, лакей, маляр, матрона, могильщик, монах, мужик, мушкетер, мясник, нищий, нянька, палач, патриарх, паяц, пират, побирушка, поденщик, поэт, проститутка, раб, раба, разбойник, разбойница, ремесленник, рыцарь, сановник, сапожник, скоморох, служанка, слуга, статист, тиран, трюкач, феодал, фигляр, филистер, философ, фокусник, химик, холоп, холуй, царица, царь, чернорабочий, чиновник.

3.1.2. Дистрофик, идиот, исполин, калека, карлик, лилипут, маньяк, растрепанец, слепец, слепыш, слюнтяй, урод.

3.1.3. Аскет, казуист, крикун, отшельник, паразит, праведник, свистун.

3.1.4. Мальчик, мальчишка, младенец, ребенок, старик.

3.1.5. Дед, дочь, мать, мачеха, отец, пасынок, сестра, сын.

3.1.6. Запевала, именинник, именинница, новобранец, подзаборник.

3.1.7. Баба, дикарь, кудесник, лапотник, людоед, негр, пигмей, пророк.

3.2.1. Ангел, бог, дьявол, сатана.

3.2.2. Бог, богиня, божок, колосс, кумир, купидон, мадонна, мегера, сатир, титан, фурия, херувим, химера.

3.2.3. Вампир, ведьма, кикимора, кощей, леший, нечисть, черт, чертенок.

3.3. Армия, когорта, легион, орда, рать, табор.

Лексика, обозначающая людей по разнообразным характерным признакам, в процессе метафоризации не выходит за пределы «своей» сферы, здесь осуществляется только один регулярный тип переноса: ЧЕЛОВЕК→ЧЕЛОВЕК. Признак лица, наделенного какими-либо характерными особенностями, переносится на другое лицо, характеризуя его. *Актер* — притворщик (— *Ты всегда был немножко актер*. Гончаров). *Барин* — тот, кто уклоняется от труда, перекладывая свою работу на других (*Батманов . . . уж очень был параден . . . — Ниверно, позер и бирин, — невесело подумил Алексей*. Ажаев). *Идиот* — ограниченный, тупой человек (*Через все его [Блока] пьесы — от «Балаганчика» до «Розы и креста» проносятся целые стада идиотов, которые блеют тошнотворные слова*. Чуковский). *Именинник* — герой дня (*Началось испытание. Оно заняло всего несколько минут, полностью подтвердив предположения Бориса Зиновьича. Все трое почувствовали себя именинниками*. Гранин). *Клоун* (*актер, паяц, фигляр, шут*) — тот, кто кривляется, ломается с целью вызвать смех (— *Клоун, паяц, грошовый актер, — сказал он вслух . . . Да что это? Из меня прет какое-то паясничание*. Бондарев). *Коновал* — невежественный врач (*Человек, лечившийся в столице даже у очень дурного врача, считает, что на периферии к его услугам одни коновалы*. Павленко).

ФИЗИЧЕСКИЙ МИР→ПСИХИЧЕСКИЙ МИР

Лексика физического мира в процессе метафоризации почти целиком (за редкими исключениями, о которых будет сказано далее) переносится в сферу психических и социальных явлений. внося в соответствующие наименования чувственный элемент и наглядность за счет того, что эмоции, мыслительная деятельность, элементы духовной жизни, социальных явлений и т. п. приравниваются к физическим и физиологическим процессам, к механическим действиям и т. п. Например: *взлет самолета* — *взлет творческой мысли, взлет фантазии*; *взрыв снаряда* — *взрыв смехи, негодования*; *искра костра* — *искра любви, таланта*; *проблеск света* — *проблеск надежды, мысли*; *крушение поезда* — *крушение надежд, планов* и т. п.

ЯМ такого рода захватывают все разделы семантической сферы ФИЗИЧЕСКИЙ МИР.

4.1. Весна (жизни, любви); вечер (жизни); восход (новой жизни, таланта); закат (классицизма, жизни); заря (свободы, надежды); ночь (на душе, в мыслях); осень (лет, жизни, чувств); сумерки (жизни, свободы); утро (любви, жизни).

4.2. Огонь (любви, желаний, ярости); свет (знаний, новой жизни, искусства); тепло (участия, дружбы, любви).

4.3. Взрыв (революционный, демографический, автомобильный, туристический, информационный, терминологический); вспышка (гриппа, восстания); пламя (любви, страсти, гнева).

4.4. Буря (восторга; революционная, социальная буря); ветер (в голове; свежий ветер в искусстве); вихрь (желаний, мыслей; событий, революции); гроза 'гнев', 'бурные события'; ливень (эмоций); мираж (этот факт — мираж); марево (воображения); молния (ужаса; молния внезапной догадки); оттепель (в отношениях; в общественной, политической жизни); предгрозые (революции); расцвет (таланта, творчества, духовных сил); ураган (чувств, революции); шквал (чувств, гнева); эхо (похвал; эхо столичной прессы).

4.5. Жар (души, сердца; сражения, разговора); запах (истории); мрак (неверия; единомыслия); привкус (пошлости); смрад (безнравственности, пошлой жизни); теплынь (родного дома); тьма (на душе, в жизни); холод (в отношениях, во взгляде).

4.6. Агония (страха, страдания; общественного уклада); безумие (горя); болезнь (роста, века); бред (эти стихи — бред; твои мысли — бред); вывихи (в планировании, в работе); жажда (любви, жизни, мести); зараза (массовой культуры); кошмар (войны, ожидания); кретинизм 'глупость'; лихорадка (работы, творчества); отрыжка (прошлого); паралич (воли, памяти); пароксизм (гнева, страсти, отчаяния); припадок (веселости, ревности, красноречия); проказа (взяток, коррупции; проказа века); спячка (духовная); столбняк (от ужаса); тошнота (от разговора; до тошноты надоело что-л.); чесотка 'сильное желание сделать что-л.'; чума (социальная; чума спекуляции); эпидемия (вязания; страха).

4.7.1. Аттракцион (это событие — аттракцион); балаган (прекратите этот балаган); буффонада 'шутовство'; возня (полемиическая); комедия: а) 'притворство'; б) 'забавное происшествие'; контрабанда (идеологическая); лотерея (экзамена); магия (поэзии, театра); марафон (концертный, кинематографический, избирательный, дипломатический); маскарад 'притворство'; праздник (на душе, на сердце); спектакль (заседание — спектакль); трюк (педагогический; мошеннический); фокус (прекрати свои фокусы!); шалость (литературные шалости).

4.7.2. Вивисекция (фашистская; нравственная); казнь 'мучение'; пытка (жизнь — пытка; нравственная пытка; пытка разлуки).

4.7.3. Встряска (нервная, эмоциональная, общественная); пробуксовка (в ведении дела; во внедрении теории в практику); стыковка (науки и производства); сцепление (обстоятельств, случайностей); толчок (к работе; вынести много толчков в жизни).

4.8. Искра (нежности; творчества; таланта); накал (чувств, раздражения); отблеск (совести; таланта; надежды); пожар (любви, страсти, гнева; войны); проблеск (мысли, сознания, хладнокровия); провал (на экзамене; разведчика, организации; провал в памяти); промах (в работе); просветление (на лице; в душе; в сознании); созвучие (чувств, впечатлений); тень (беспокойства, печали; глупости, чванства; обреченности, безумия, смерти; порока, сомнения).

4.9. Катастрофа (жизненная); крах (надежд, иллюзий); крушение (планов, надежд).

4.10. Круговорот (дел, событий, жизни); музыка 'нудные, надоевшие дела, разговоры'; припев (припев моей жизни); песня 'то, что давно известно'; скороговорка (в стиле, сюжете); фейерверк (слов, фраз, остроумия).

Итак, в результате системного анализа были обнаружены следующие типы регулярных метафорических переносов: I. ПРЕДМЕТ → ПРЕДМЕТ. II. ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК. III. ПРЕДМЕТ → ФИЗИЧЕСКИЙ МИР. IV. ПРЕДМЕТ → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР. V. ПРЕДМЕТ → АБСТРАКЦИЯ. VI. ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК. VII. ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК. VIII. ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР.

Каждая из выделенных семантических сфер является источником метафоризации и в то же время — как бы зеркально отраженная — ее объектом. При этом метафорический перенос совершается всегда в определенных строго регламентированных направлениях. (См. схему 2.)

Количественные показатели свидетельствуют о том, что наиболее интенсивно процессы метафоризации протекают в направлениях ПРЕДМЕТ → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР и ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК. Наименьшее число метафорических переносов направлено на физическую лексику. Практически отсутствуют метафорические обозначения животных. (См. табл. 5.)

Типы нерегулярных метафорических переносов в языке

Помимо описанных регулярных типов метафорических переносов были обнаружены и некоторые нерегулярные. Они исчисляются единицами (или вовсе не встретились в наших материалах и могут быть предположительно построены по определенной модели), нехарактерны для семантического поведения лексики той или иной семантической сферы и уязвимы с семантической точки зрения. Такие типы переносов были вынесены за пределы нашей типологии.

Примеры нерегулярных типов метафорических переносов.

ЖИВОТНОЕ → ПРЕДМЕТ

Бегемот «тяжелое орудие». Ср.: [Орудия] *только что прибыли сюда. — Ого, — сказал я, — есть и тяжелые! Этих бегемотов будем устанавливать, как крепостные.* (Бек. Волоколамское шоссе.) *Перья (мороза); пух — (кулебяка — пух); чешуя (водной поверхности).*

ЖИВОТНОЕ → ЖИВОТНОЕ

Известно мнение, то зооморфные характеристики могут быть направлены не только на человека, но и на другое животное. Примеры таких ЯМ можно встретить в ряде исследований: *ну и бегемот — о коне, ну и бугай — о сазане и т. п.* [Стернин, 1985, с. 149]. Существуют и прямые утверждения о возможности называния животного «вторым именем»: «Практически очень многие, а потенциально все зоонимы могут быть использованы как „второе название“ человека (реже — другого животного или предмета)» [Литвин, с. 85] (здесь оговорка «реже», судя по всему, не исключает регулярности). В наших материалах также встретились отдельные предметы перенесения имени животного на другое животное: *Улиток поместили в банку с водой. Потом смотрю: беда. Ну, что тут будешь делать! Воду вылил, нарвал им листьев, травы. Не желают, свиньи эдакие!* (Катерли. Цветные открытки.) *Я ополекал все закоулки, все укромные места — нет быка. Ну, думаю, только бы мне найти тебя, змей, я тебе покажу.* (Шукшин. Из детских лет Ивана Попова. Бык.) Список примеров мог бы быть дополнен вполне допустимыми в речи потенциальными ЯМ: *орел* (о коне), *лиса* (о кошке) и под. Однако, как нам представляется, в подобных случаях нет оснований говорить о метафоризации типа ЖИВОТНОЕ → ЖИВОТНОЕ. Метафора обусловлена здесь усложненным, сдвоенным семантическим преобразованием: закрепившись в языке как характеристика человека — носителя тех или иных качеств (*свинья* — неблагодарный; *лиса* — хитрый, и т. п.) — такая метафора употребляется при известном антропоморфизме, когда животному приписываются человеческие качества (почерпнутые, в свою очередь, из зооморфных характеристик).

Этот вопрос, впрочем, носит частный характер, поскольку рассматриваемый тип метафорического переноса не имеет регулярного характера и тенденции к узуальности.

ЖИВОТНОЕ → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР

Спорадически метафоризируется лексика тематической группы «Части тела животного» не соотносимые обычно с частями тела человека (*крыло, хвост, щупальца* и т. п.): *когти* (тоски, страха); *крылья* (мечты, воспоминаний); *хвост* 'задолженность по како-му-л. учебному предмету'; *щупальца* (разведки), а также лексика тематической группы «Совокупность животных»: *косяк* (мыслей); *рой* (впечатлений); *стая* (мыслей, воспоминаний).

ЧЕЛОВЕК → ЖИВОТНОЕ

Практически нет препятствий для того, чтобы черпать характеристики животного из сферы ЧЕЛОВЕК; *барин* — о коте, *вельможа* — о коте. *Артист, шут, именинник, королева* — этими и подобными словами можно воспользоваться как «вторым именем» для названия (точнее, для характеристики) любого животного. Ср.: *Кота надо висечь. Это не кот, а бандит.* (Булгаков. Мастер и Маргарита.) Однако и в этом случае, по нашему мнению, мы наблюдаем сдвоенное семантическое преобразование, которое уже было отмечено в сфере ЖИВОТНОЕ: признак, используемый для характеристики животного, вначале переносится на человека. Называя, например, кошку *королевой*, мы имеем в виду следующее: эта кошка так же хороша и знает себе цену, как такая женщина, которую можно было бы сравнить с королевой.

ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ФИЗИЧЕСКИЙ МИР

Основу этого типа метафорического переноса составляют, как в типе ПРЕДМЕТ—ПРЕДМЕТ, синкретические сближения. Следует, однако, помнить о немногочисленности и семантической однородности таких переносов: *взрыв* (смеха, аплодисментов); *вспышка* (болезни, смеха); *шквал* (аплодисментов).

ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ЧЕЛОВЕК

Огонь 'горячий, энергичный человек', *слякоть* 'бесхарактерный'; *холера* (бранное выражение); *чума* (бранное выражение); *эхо* (быть эхом кого-л.).

Вернемся к регулярным типам метафорических переносов. Можно предположить, что не только имена существительные, но и прилагательные и глаголы подчиняются выведенным здесь закономерностям. Данный вопрос остается за пределами наших задач и может быть решен в ходе дальнейшего исследования ЯМ. Однако материалы, попавшие в поле нашего зрения, свидетельствуют в пользу такого предположения: свойства предметов и ха

ракетные действия переносятся из одной семантической сферы в другую на основании тех же принципов и в тех же направлениях, которые были определены применительно к существительным.

Примеры:

ПРЕДМЕТ → ПРЕДМЕТ: *течет вода — течет зерно, песок; выкинуть мусор — выкинуть деньги на покупку и т. п.*

ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК: *блестящий металл — блестящий ученый; тупой нож — тупой человек и т. п. (см. гл. 4, раздел Синкретическая ЯМ); теревить лен — теревить бесконечными вопросами; дергать веревку — дергать замечаниями; резать хлеб — резать студентов на экзамене; засыпать зерно — засыпать студента и т. п.*

ПРЕДМЕТ → ФИЗИЧЕСКИЙ МИР: *острый нож — острая боль; вязкая масса — вязкая тишина; мягкий пух — мягкие движения и т. п. (см. гл. 4, раздел Синкретическая ЯМ); вспыхнула спичка — вспыхнула боль; дробится камень — дробится звук; заварить чай — заварить ссору; растекается вода — растекается огонь; льется вода — льется музыка и т. п.*

ПРЕДМЕТ → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР: *гладкая поверхность — гладкая проза; жесткий диван — жесткое отношение; кислый лимон — кислое настроение; втиснуть книгу в портфель — втиснуть факт в статью; выдолбить отверстие — выдолбить теорему; выжать воду — выжать все средства; выкарабкаться из ямы — выкарабкаться из неприятностей; выкопать картошку — выкопать подробность; выкорчевать пень — выкорчевать предвзятости; ковать железо — ковать счастье; молоть кофе — молоть чепуху; пачкать платье — пачкать репутацию; перепахать поле — перепахать прошлое; доска приперла дверь — нужда приперла; распутать клубок — распутать преступление; растопить масло — растопить печаль и т. п.*

ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР: *вспыхнул огонь — вспыхнул гнев; течет вода — текут мысли и т. п. (см. гл. 6); плевать на пол — плевать на работу и т. п.*

Наиболее активно эти процессы происходят при переносе из сферы ЖИВОТНОЕ в сферу ЧЕЛОВЕК. По-видимому, нет никаких ограничений для перенесения на человека обозначений характерных действий, производимых с животными, над животными. Подробнее эти процессы будут рассмотрены в следующем разделе данной главы.

Изложенные факты дают основание предположить, что разработанная применительно к метафорическим существительным типология переносов имеет универсальный характер, отражая пути образования языковой метафоры вообще. Именно такие типы переносов придают метафоре те свойства, которые и воспринимаются как общеязыковые. Они воспроизводимы в процессе речевого общения и по своей регулярности могут быть причислены к семантическим моделям. По сути дела рассмотренные здесь типы метафорических переносов отражают сближение элементов действительности, характерное для коллективного языкового созна-

ния. Другие типы метафорических переносов либо относятся к нерегулярным, либо представляют индивидуальное языковое творчество и принадлежат сфере художественной (особенно поэтической) речи. Например: ЖИВОТНОЕ → ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (*Раненным медведем мороз дерет*. Асеев); ЖИВОТНОЕ → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР (*Тихо барахтается в тине сердца глупая воображения*. Маяковский); ЧЕЛОВЕК → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР (*Стих встает, как солдат*. Слуцкий). Более того, в художественной метафоре возможны переносы «справа — налево» и даже от абстрактных категорий к конкретным, например: ЖИВОТНОЕ → ПРЕДМЕТ (*Мельница — бревенчатая птица*. Есенин); ПСИХИЧЕСКИЙ МИР → ПРЕДМЕТ (*Два крыла — как два огромных горя*. Заболоцкий).

Результаты анализа, в обобщенном виде представленные в схеме 2, дают основания для следующих выводов:

— очевидна неравномерность в общем процессе метафоризации. Самым активным источником метафоры действительно (как это известно еще с античных времен) является сфера неодушевленных реальных предметов; объектом регулярной метафоризации могут быть все стороны бытия, от конкретных вещей до абстрактных категорий (за исключением группы «ЖИВОТНОЕ»);

— другие семантические сферы служат источником метафоризации только в одном (ближайшем) направлении: животное → человек; человек → человек; физическое явление → психическое явление;

— не метафоризируется лексика таких сфер, как ПСИХИЧЕСКИЙ МИР и АБСТРАКЦИЯ. Это вполне объяснимо: ведь источником метафоры должен быть чувственно воспринимаемый предмет (или явление), вычлняющий семантический компонент, преобразующийся в символ метафоры, без которого метафора невозможна.

Языковая метафора в социально-психологическом аспекте

Антропоцентрическая языковая метафора и ее роль в изучении структуры личности

Метафора, как уже говорилось, играет важную роль в построении языковой картины мира и в членении действительности. В данном разделе наше внимание будет направлено на социально-психологический аспект ЯМ.

Роль образных языковых средств в формировании социальных оценок была впервые определена Ш. Балли [Балли, 1961, с. 237 и след.], и все последующие исследования в большей или меньшей степени развивали выдвинутые им идеи [Liewehr, Ingedal, Hånse; Литвин, Трипольская, 1983]. Н. А. Лукьянова непо-

средственно ориентирует задачу на социологию: «Семантическая интерпретация оценочных слов может служить вспомогательным материалом для социологов как способ (метод) выявления социальных типов личности» [Лукьянова, 1986, с. 121].

Наш материал показал, что семантическая интерпретация и системный анализ оценочной ЯМ предоставляет данные для выявления и классификации ценностных ориентаций человека и в целом для изучения структуры личности в аксиологическом аспекте.

Исследуя ЯМ, можно сделать важные выводы о многих психологических и социальных явлениях, в частности о том, какие человеческие качества порицаются и какие одобряются, какие явления стоят в центре и какие остаются в стороне, какие реалии действительности устойчиво связываются ассоциациями в сознании членов языкового коллектива и какие остаются изолированными, какие существа и предметы получают «второе имя» и какие называются только «своими именами». На эти и подобные вопросы можно попытаться ответить, рассмотрев материалы нашей схемы с позиции внеязыковой действительности и проанализировав те признаки, которые отрываются от «своих» реалий и служат для характеристики других, часто достаточно далеких, предметов, живых существ или явлений.

Для этих целей мы выбрали лексику семантической сферы ЧЕЛОВЕК. С этой сферой связаны два типа метафорических преобразований: перенос названий, связанных с человеком, на иные предметы (ручка двери, ножка стола, горлышко бутылки и под.) и перенос наименований других объектов и явлений на действия человека, части его тела, на его внешние, психологические и социальные качества.

Метафорический перенос первого типа традиционно называют антропоморфизмом. С. Ульман считает второй стороной антропоморфизма противоположный процесс — перенос названий объектов действительности (предметов, животных, растений, а также явлений и состояний) на человека [Ульман, 1972, с. 278]. Думается, что это все же принципиально разные явления, имеющие не только разные объекты, но и разные лингвистические тенденции: в первом случае, при перенесении «человеческих» названий на предметы окружающей действительности, метафора недолговечна — образ скоро стирается, и слово становится единственным наименованием (*ручка двери*). Что касается второго типа метафорических наименований, то они используются не для номинации как таковой, а для экспрессивной характеристики предмета и сохраняют образность на все время существования в языке. Как правило, они возникают и функционируют с определенной стилистической установкой (снижение, шутливая или отрицательная оценка предмета речи) и постоянно служат целям экспрессивных оценочных речевых средств. Если эта функция ослабевает, то такая метафора уходит из языка, уступая место новой (нейтральные терминологические метафоры типа *черепная коробка, глазное*

яблоко, таз, грудная клетка можно не принимать во внимание, так как они исчисляются единицами).

Принцип наименования человека именами других объектов назовем антропоцентрическим. Человек представляется как бы в центре мира (не только реального, но и воображаемого). Для характеристики человека может быть привлечен любой признак любого объекта — выбор здесь практически неограничен. При этом характеристики человека обычно содержат не только указание на признак, эксплицирующий сходство, но, как правило, содержат оценку, связанную либо с чисто эмоциональным отношением к обозначаемому, либо с квалификативно-оценочным отношением, которое основано на таком универсальном свойстве человеческой психики, как оценка меры. «Мера есть простое соотношение определенного количества с собою, его собственная определенность в самом себе; таким образом определенное количество качественно» [Гегель, V, с. 387]. Выдвинутая Гегелем философская проблема качества меры представляет собой большой исследовательский интерес как для «чистой» семантики, так и для социолингвистических и психолингвистических интерпретаций метафорических наименований человека. Ср.: «В области моральной, поскольку моральное рассматривается в сфере бытия, имеет место такой же переход количественного в качественное, и разность качеств оказывается основанной на разности величин» [Гегель, V, с. 435].

По мнению В. Н. Телии, отклонение от количественного или качественного стандарта может вызывать либо положительную, либо отрицательную оценку [Телия, 1979, с. 294]. Наши материалы показали, что отклонение от стандарта всегда вызывает отрицательную оценку, будь то превышение стандартной меры (*каланча* — слишком высокого роста) или ее недостаточность (*огарок* — недостаточно высокого роста).

Характеризующая антропоцентрическая метафора захватывает все стороны человеческой личности: внешний облик (рост, телосложение, черты лица и т. п.), психические свойства (черты характера, темперамент, умственные способности, эмоциональность и т. п.), особенности поведения (отношение к людям, реакция на ситуацию и т. п.), положение в социуме и сформированные этим положением свойства личности, которые в данной работе обозначены как социальные качества. Учитывая все сказанное, мы распределили лексический материал в пределах четырех рубрик: 1. Внешность. 2. Характер. 3. Поведение. 4. Социальные качества.

Обычно антропоцентрическая метафора содержит активную оценку тех качеств, которые репрезентированы символом метафоры.

К ЯМ, не содержащим оценки, относится малочисленная тематическая группа «молодое поколение; подросток» (*побег, поросль, птенец, стригун, стригунок*) без указания на какие-либо характеризующие свойства, а также некоторые ЯМ, обозначающие лица по специальности (*мушкетер* — спортсмен, занимающийся фехтов-

ванием) или по ситуативному признаку (*дикарь* 'тот, кто отдыхает, путешествует без путевки, неорганизованно, в частном порядке'; *новобранец* 'новый член какого-л. коллектива, новичок'). Этим, по-видимому, и исчерпывается группа нейтральных антропоцентрических ЯМ, — они, как мы видим, исчисляются единицами.

Что касается характеризующих ЯМ мелиоративной и пейоративной оценок, то здесь наблюдается существенный количественный перенос в пользу последней.

В литературе известны высказывания и выводы относительно преобладания пейоративной оценки над мелиоративной [Лукиянова, 1986, с. 121]. Наши материалы со всей очевидностью подтвердили это положение: из 415 рассмотренных ЯМ 330 (79.5 %) имеют пейоративную оценку и только 85 (20.5 %) — мелиоративную. Это явление имеет не только языковую природу, но и психологическую, и социальную, и его еще предстоит исследовать с позиции аксиологии. Можно, однако, сделать предположение, что такое распределение метафорических обозначений человека обусловлено тем, что человеку свойственно называть «не своим именем» того, кто заслуживает порицания, представляет собой отклонение от нормы. Практически это обстоятельство связано с тем, что объекты, избираемые для метафорического именованья человека, по тем или иным причинам вызывают устойчивое и всеобщее отношение, связанное с пейоративной оценкой (*свинья, паук, жаба*), либо реалии сами по себе нейтральны, но приписывание их свойств человеку воспринимается как его дискредитация (*сундук, тумба*).

Языковая метафора мелиоративной оценки

Лексика разряда антропоцентрических метафор мелиоративной оценки не только немногочисленна, но и уязвима в отношении семантических свойств ЯМ и ее происхождения. Некоторые ЯМ мелиоративной оценки не возникают спонтанно и естественно в говорящем коллективе, а внесены в язык извне: заимствуются либо из фольклора и художественной литературы, где они выполняли функцию художественного штампа (*ясный сокол, король-солнце* и т. п.), либо из имен собственных (*плеяда*); в других случаях такая метафора представляет собой осколок фразеологизма (*соль общества* из «соль земли») или газетный штамп (*маяки производства*). (См. табл. 6).

Языковая метафора пейоративной оценки

ЯМ пейоративной оценки обнаруживают большое семантическое разнообразие.

Отрицательно оцениваются пороки (глупость, равнодушие, жестокость и т. п.), неблагоприятное, недостойное поведение (чванство, притворство и т. п.), низкое общественное положение, а так-

Таблица 6
Языковая метафора мелиоративной оценки

Параметры оценки и символ метафоры	Примеры ЯМ
1. Внешность	
1.1. Красивый (привлекательный, нарядный и т. п.)	<i>игрушка, игрушечка, конфета, конфетка, куколка, купидон, роза, розан, статуэтка, херувим, цветок</i>
1.2. Высокого роста (+ стройный)	<i>тополь</i>
1.3. Крепкого сложения (+ коренастый)	<i>дуб, кряж</i>
1.4. Имеет свежий, бодрый вид	<i>огурчик</i>
2. Характер	
2.1. Волевой	<i>гранит, кремь</i>
2.2. Смелый, отважный	<i>лев, орел, орленок, сокол, соколенок</i>
2.3. Живой, активный	<i>огонь, порох</i>
3. Поведение	
3.1. Подвижный, резвый	<i>дьяволенок, коза, козочка, разбойник, разбойница, стрекоза, чертенок, юла</i>
4. Социальные качества	
4.1. Наделенный властью, могущественный	<i>Бог,¹⁴ владыка, командир, матрона</i>
4.2. Играет важную роль в жизни общества (знаменитый, прославленный)	<i>Бог,¹⁵ звезда, именинник, именинница, исполин, колосс, королева, король, львица, маяк, орел, патриарх, светило, солнце, стержень, титан, царица, царь</i>
4.3. Опытный, умелый	<i>зубр¹⁶</i>
4.4. «Лучшие люди общества»	<i>созвездие, сок, соль</i>
4.5. Кого любят, кому поклоняются	<i>богиня, божество, божок, кумир, мадона, сокровище, солнце</i>
4.6. Ласковое обращение	<i>голубь, ласточка, птаха, пташка, птичка, ягодка</i>
5. Прочие	
	<i>волшебник, дипломат, запевала, кудесник, поэт, праведник, рыцаг, рыцарь, самородок, соловей, философ</i>

же некоторые физические и психологические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но обладающие избыточностью, чрезмерным проявлением (чрезмерная худоба, чрезмерная полнота, чрезмерно высокий рост и т. п.). (См. табл. 7).

¹⁴ Деда все боятся: дед — наш владыка и бог. (Гладков. Повесть о детстве)

¹⁵ Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь. (Пушкин. Моцарт и Сальери.)

¹⁶ Он молод, на партийной работе недавно, а Карыгин — старый опытный зубр. (Попов. Разорванный круг.) Ср. также: ... старый, опытный газетный зубр. (Привалов. Юмористические этюды.) Синхронический принцип исследования заставляет нас оставить за пределами материала вышедшие из употребления ЯМ: зубр 'реакционер, консерватор'. Ср.: К этому времени самые закоренелые зубры реакции бежали за границу. (Вс. Рождественский. Страницы жизни.) Курская губерния славилась своими помещиками-реакционерами, как их тогда называли, «зубрами». (Катаев. Кладбище в Скулянах.)

Таблица 7

Языковая метафора пейоративной оценки

Параметры оценки и символ метафоры	Примеры ЯМ
А. Наименование человека	
1. Внешность	
1.1. Некрасивый (непривлекательный + нелепо, некрасиво одетый)	<i>кикимора, мартышка, попугай, пугало, чучело</i>
1.2. Низкорослый (+невзрачный)	<i>огарок, пигалица, сморчок, шпингалет</i>
1.3. Чрезмерно высокого роста	<i>дубина,¹⁷ каланча, оглобля, орясина,</i>
1.4. Чрезмерно крепкого сложения (+рослый, крупный)	<i>битюг, бугай, бык, кабан, кобыла, монумент, туша</i>
1.5. Толстый, грузный	<i>бегемот, боров, пузырь, слон</i>
1.6. Малоподвижный (неуклюжий + неповоротливый + нерасторопный + ленивый + невоспитанный + неумный)	<i>байбак, каракатица, квашня, клуша, колода, корова, кувалда, лошадь, медведь, мешок, ступа, тулуп, тумба, тюлень, хомяк</i>
1.7. Медлительный	<i>черепаха</i>
1.8. Худой (+изнуренный, изможденный)	<i>вобла,¹⁸ выдра, дистрофик, кляча, кощей, мертвец, моци, мумия, одер, скелет, спичка, сухарь, щепка</i>
1.9. Немощный (+дряхлый)	<i>падаль, развалина, рухлядь, руина</i>
2. Характер	
2.1. Безвольный (бесхарактерный + вялый + неэнергичный + ненаходчивый)	<i>кисель, кислятина, курица, размазня, слизняк, слюнтяй, телятина, тряпка, тюря, тюфяк</i>
2.2. Робкий (+боязливый + безответный)	<i>баба, овца, теленок, телок, ягненок</i>
2.3. Бесчувственный, равнодушный	<i>вобла,¹⁹ идол, истукан, лед, манекен, рыба, статуя, столб, сухарь, чурбак, чурбан, чурка</i>
2.4. Глупый	<i>баран, дуб, дубина,²⁰ идиот, индюк, ишак, кретин, осел, пень, пробка, столб, тетерев, тетеря, чурбак, чурбан, чурка</i>
2.4.1. Умственно ограниченный	<i>баран, ишак, осел</i>
2.4.2. Несообразительный, бестолковый	<i>животное, скот, скотина</i>
2.5. Упрямый	<i>вампир, дракон, живодер, зверь, инквизитор, людоед, мясник, собака, стервятник, тигр, тигрица, тиран, хищник</i>
2.6. Грубый	<i>барбос, ведьма, мегера, пила, редька, фурия</i>
2.7. Жестокий (мучитель)	<i>ехидна, скорпион, шпилька, язва</i>
2.8. Злой	
2.8.1. Сварливый	
2.8.2. Язвительный	

¹⁷ Агабатову было пятнадцать, а ей девятнадцать. Но он, этакая дубина, был одного с ней роста, даже выше. (Трифонов. Время и место.)

¹⁸ Были бы у меня такие скелеты, постыдилась бы я перед мужиками разнагишаться. Вобла — она и есть вобла. (И. Грекова. На испытаниях.)

¹⁹ — Я ведь вобла бесчувственная, любить не умею. (А. Абрамов. Прошу встать!)

²⁰ В стратегии сей молодой человек был форменной дубиной, — говаривал Казанский Николай Втором. (Паустовский. Далекие годы.)

Параметры оценки и символ метафоры	Примеры ЯМ
2.9. Коварный	<i>гадюка, змея, яд</i>
2.10. Скупой	<i>кощей, стервятник, шакал</i>
2.11. Нечистоплотный	<i>поросенок, свиенок, свинья</i>
2.12. Угрюмый	<i>бирюк, сыч</i>
2.13. Хитрый (+лицемерный)	<i>змея, иезуит, лиса</i>
2.14. Рассеянный	<i>ворона, растрепан, шляпа</i>
2.15. Чрезмерно чувственный	<i>жеребец, кобель, самец, самка, сати</i>
3. Поведение	
3.1. Вспыльчивый	<i>кипяток, порох</i>
3.2. Болтливый (+хвастливый)	<i>зонарь, крикун, мельница, пустобрех, путолайка, сорока, трещотка</i>
3.3. Изнеженный (+избалованный)	<i>барин, барчук, мимоза</i>
3.4. Надоедливый, навязчивый	<i>релей, ржавчина,²¹ смола</i>
3.5. Нелюдимый	<i>монах, отшельник</i>
3.6. Плут (+ловкий)	<i>жук, собака, фокусник, химик</i>
3.7. Притворщик	<i>актер, актриса, артист, артистка, комедиант</i>
3.8. Задиристый	<i>ерш, заноза, петух</i>
4. Социальные качества	
4.1. Место в обществе	
4.1.1. Занимает высокое общественное положение (+высокомерный +важный)	<i>вельможа, воєвода, индюк, осетр, птица, сановник</i>
4.1.2. Занимает низкое общественное положение (+презираемый +ничтожный)	<i>карлик, козявка, лилипут, огрызок, падала, пигмей, подзаборник, рябчик, ржавчина, сосулька, тля, фитюлька, хлам, червь, червяк, шваль</i>
4.1.3. Не играет никакой роли в жизни общества	<i>букашка, винтик, песчинка, пылинка, статист, щепка</i>
4.1.4. «Худшие люди общества»	
4.2. Отношение к труду	
4.2.1. Пренебрегает трудом	<i>барин, барчук, барыня, буржуй, паразит, свистун, трутень</i>
4.2.2. Выполняет тяжелую, грязную, неблагодарную работу	<i>негр, поденщик, чернорабочий</i>
4.2.3. Плохо (недобросовестно, неправильно и т. п.) выполняет свою работу	<i>коновал (о враче), маляр (о художнике), мясник (о хирурге), ремесленник (в науке, в литературе), сапожник (о любом специалисте), чиновник (о педагоге), штамповщик (об актере)</i>
4.3. Жизненный опыт	
4.3.1. Молодой, неопытный (+наивный)	<i>мальчик, мальчишка, младенец, птенец, ребенок, сосунок, суслик, теленок, цыпленок</i>
4.4. Жизненная позиция	
4.4.1. Не имеет устойчивых взглядов, твердого мнения	<i>обезьяна, попугай, флюгер, хамелеон</i>

²¹ — Да отвяжись ты от меня, ржавчина! (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы)

Параметры оценки и символ метафоры	Примеры ЯМ
4.4.2. Несамостоятельный, действует по воле других	<i>автомат, кукла, марионетка, робот, эхо</i>
4.4.3. Раболепный, зависимый	<i>лакей, раб, раба, слуга, холоп, холуй</i>
4.5. Отношение к культуре	
4.5.1. Невежественный, некультурный	<i>кувалда, лапотник, лапоть, медведь,</i>
4.6. Отношение к людям	<i>мужик, сапог, свинья, сундук</i>
4.6.1. Эксплуатирует чужой труд	<i>акула, грабитель, паук, пират, пиявка, разбойник,²² стервятник</i>
4.6.2. Мучитель, угнетатель	<i>крепостник, палач, тиран, тюремщик, феодал, хищник</i>
4.7. Кривляется, потешает других	<i>клоун, паяц, петрушка, скоморох, фигляр, шут</i>
4.8. Обладает отталкивающими качествами	<i>барахло, выползень, жаба, крыса, леший, перенчица, пес, поганка, пузырь, скважина, урод (моральный), фрукт, хрен</i>

5. Прочие

выкормыш, гастролер, динозавр, жонглер, иктиозавр, калека, легаш, маньяк, мед, могильщик, нянька, паразит, паучиха, поросенок, проститутка, пустоцвет, скороспелка, слепец, слепыш, трюкач, филистер, черт

Б. Наименования частей тела человека

будка, вывеска, грабли, жердь, клешня, лапа, морда, оглобля, рыло, терка

²² — Пока ты не станешь для рабочих добросовестным хозяином, а не разбойником. — я не с тобой, а против тебя. (Шншков. Угрюм-река.)

Присущая ЯМ семантическая диффузность не позволяет жестко отграничить одну рубрику от другой и вычленить моносемные наименования-характеристики. Символ метафоры обычно представляет собой сложный набор семантических элементов как реализованных, так и потенциальных. Так, в символе метафоры «неповоротливый, неуклюжий» имплицитно присутствует сема «толстый, грузный» (в ЯМ *бегемот, боров, квашня*), кроме того, может актуализоваться сема, которая логически связана с указанными свойствами, а именно — «нерасторопный» (в ЯМ *корова, ступа, тумба, тюлень, хомяк*).

Рассмотренные в этом разделе ЯМ обладают известной узальностью, они в большей или меньшей степени общеизвестны и общепотребительны и нашли свое место в лексической системе языка.

Выход за пределы узуса (в сферы спонтанной речи) обна-
руживает по сути дела ничем не ограниченные возможности

такого способа характеристик. Можно, например, художника назвать *лабазником* (символ метафоры репрезентирует такие качества, как «невежественный, некультурный», стойко ассоциируемые с лицами этого рода занятий): — *Уже пишет, халтурщик. . . К старой манере, говорит, перехожу. Жалуется, лабазник, на кризис жанра.* (Ильф и Петров. Золотой теленок.)

Пейоративные характеристики могут извлекаться из самых неожиданных источников. Так, в определенной ситуации при заданных социальных установках в ряду узуальных бранных слов *самец, собственник, тиран, крепостник* приобретает оскорбительную окраску и слово *интеллигент*: *Ешь, негодяй! — в отчаянии крикнула Варвара, тыча бутербродом. — Интеллигент! — Варвара молча швырнула мешок на пол. . . и, бормоча: «взбесившийся самец», «тиран», «собственник», торопливо сделала бутерброд с баклажанной икрой. . . — Вот он! Лежит! Самец! Подлый собственник! Понимаешь, этот крепостник объявил голодовку из-за того, что я хочу от него уйти.* (Ильф и Петров. Золотой теленок.)

В отдельных случаях диффузность семантики ЯМ не дает возможности вычленить и определить символ метафоры. Речь идет о десемантизованной ЯМ.

Например:

Лешка протискивается сквозь толпу, впивается своей клешней в мою руку и говорит: — Я ему, гадюке, хотел руку перебить, чтоб он не мог ехать. (Зощенко. Страдание молодого Вертера.) *Казначей, жаба, говорит: — Вполне отличная атмосфера.* (Зощенко. Кошка и люди.) *Он кричит: — Это как понимать? Не хочешь ли ты мне, очкастая кобыла, взятку дать? Который в очках сразу, конечно, понимает весь позор своего положения.* (Зощенко. Слабая тара.) [Бананов:] *Эва, собака, как роскошно живет. А плачется, ворюга.* (Зощенко. Преступление и наказание.) *Стала тут бабочка кричать и чертыхаться. . . — Ну, говорит, — стручок, твое счастье, что заметил.* (Зощенко. Жених.)

На следующей ступени десемантизации сема оценки освобождается от постоянно сопутствующей ей семы эмоции, вследствие чего оценочность ослабевает, уступая место как бы «объективной» констатации пейоративного качества: Ср.: — *Сознался наш Скумбриевич. Очной ставки не выдержал. — Выдал, гадюка? — добродушно спросил Шура.* (Ильф и Петров. Золотой теленок.) Эмоциональная оценка здесь полностью разрушается употребленным в контексте наречием «добродушно», которое противоречит семантике ЯМ *гадюка* (ср.: «злбно спросил», «гневно спросил», «с отвращением спросил», «угрожающе спросил» и т. п.).

Частичная десемантизация наблюдается в тех случаях, когда ЯМ устойчиво употребляется с определением, содержащим ключ к раскрытию ее семантики: *старый козел, блудливая кошка, драчная кошка, мокрая курица* и т. п. Символ метафоры как бы распределяется между семантикой ЯМ и сопутствующего ей определения.

Элементы системной организации антропоцентрической языковой метафоры. Синонимы и антонимы -

Системный характер метафорической лексики обнаруживается и при поверхностном взгляде. Легко выделяются синонимические связи ЯМ: *атласная, бархатная, шелковая кожа; вихрь, буря, гроза чувств; вбить, вколотить, вдолбить 'с трудом объяснить'; всунуть, вставить, вклинить, врезать, втиснуть реплику* и т. п. Последовательно выстраиваются пары антонимов, демонстрируя симметрию в развитии семантических структур ЯМ: *будничное настроение — праздничное настроение; вспыхнул гнев — угас гнев; пресный анекдот — соленый анекдот; мягкий характер — твердый характер; светлые мысли — темные мысли; горячий прием — холодный прием; море радости — капля радости* и т. п. Метафорические словообразовательные гнезда занимают свое место в словообразовательной системе языка: *кислая физиономия; кисель, кислятина* (о человеке); *ты совсем закис, скис, идеи прокисли; камень на душе, каменеть, окаменеть от горя, каменное раздумье*. В ряде случаев возникает собственно метафорическая словообразовательная деривация: *свинья* (о человеке), *свинский поступок, насвинячить в комнате, свинство*; *змея* (о человеке), *змеиный взгляд, река зазмеилась, струя дыма прозмеилась; собака* (о человеке), *собачий холод, отсобачить 'отругать'; засобачить вещь, присобачить табличку, насобачиться в каком-л. деле* и т. п. Очевиден полисемантизм ЯМ: слова со сложной семантической структурой развивают по 10 и более метафорических ЛСВ. (Ср., например, ЯМ *съесть*: *ветер съел камень, покупка съела все деньги, ковер съедает звуки, съест конкурента, съест оскорбление, съест упреками, ревность съедает, болезнь съела*).

Приведенная в предыдущем разделе классификация материала наглядно демонстрирует тот аспект системной организации ЯМ, который связан с синонимией и антонимией.

По сути дела вся правая сторона таблицы 7 состоит из перечня синонимических рядов, многие из которых могли бы быть увеличены за счет некоторого семантического обобщения. Стремясь дать как можно более тонкий семантический срез и выявляя с этой целью дробные, частные семы, мы тем самым вынуждены были расчленять некоторые синонимические ряды. Так, в ряду «глупый» были вычленены подгруппы «умственно ограниченный» и «несообразительный, бестолковый», которые при построении синонимического ряда могли бы быть объединены. В этом случае синонимический ряд ЯМ с опорным словом *дурак* состоял бы из 19 членов: *баран, дуб, дубина, идиот, индюк, ишак, колпак, кретин, лопух, пень, пробка, столб, тетерев, тетеря, тулуп, чурбан, чурка* (заметим, что в СС из этого ряда приведены только 3 ЯМ: *идиот, кретин, осел*).

Антонимические пары могут быть выявлены при сопоставлении ЯМ мелиоративной и пейоративной оценок.

Антонимия в данной работе трактуется широко: к антонимам относятся не только слова, отражающие наличие/отсутствие признака или его максимальную/минимальную степень, но и слова, обозначающие любую противоположность. Однако диффузность семантики ЯМ не позволяет с достаточным основанием формировать антонимические пары по какому-либо признаку. Рубрики, определяемые антонимическими признаками, такие как «красивый» и «некрасивый», «крепкого сложения» и «худой (изнуренный, изможденный)», «волевым» и «безвольный» и т. п., не дают основания для выделения антонимических пар «игрушка — кикимора», «кряж — кляча», «кремень — кисель» и т. п. Антонимические отношения ЯМ имеют другую природу — они формируются не парами слов, а так называемой «групповой антонимией» [Кондрашова], когда в антонимические отношения вступают целые группы слов. Наши материалы демонстрируют такой принцип антонимических отношений: собственно антонимические пары составляют признаки, формирующие символы метафоры, вокруг которых группируются ЯМ.

Приведенный материал показывает преобладание пейоративной оценки над мелиоративной при метафорическом обозначении различных человеческих качеств. Становится очевидной асимметрия в такого рода характеристиках, которая проявляется двояко.

Во-первых, при сопоставлении антонимических групп обнаруживается количественный перевес ЯМ пейоративной оценки. Например, такое качество, как «крепкое сложение», обозначается двумя ЯМ — *дуб* и *кряж*, в то время как для обозначения противоположного качества («худой, изможденный, изнуренный») лексическая система представляет целый набор синонимов: *выдра, дистрофик, кляча, кощей, мертвец, мощи, мумия, одер, скелет, спичка, сухарь, щепка*. Ср. также «волевым» (*гранит, кремень*) и «безвольный» (*кисель, кислятина, размазня, слизняк, слюнтяй, телятина, тряпка, тюря, тюфяк*). Примеры можно было бы продолжить. Исключения редки, ср., например, антонимические группы «красивый» (*игрушечка, игрушка, конфета, конфетка, королева, куколка, купидон, роза, розан, херувим, цветок*) и «некрасивый» (*кикимора, мартышка, пугало, чучело*).

Во-вторых, становится очевидным тот факт, что язык не пользуется своими ресурсами и не образует ЯМ для обозначения общеизвестных свойств, таких как «добрый», «щедрый», «чистоплотный», «уравновешенный», «общительный» и т. п., в то время как антонимы этих ЯМ щедро представлены и прочно закреплены в лексической системе. (См. табл. 8.)

Итак, метафорическая система оценок в языке крайне неравномерна и асимметрична: мелиоративные оценки представлены скупо и фрагментарно, в то время как пейоративные чрезвычайно многообразны и проявляются в самом широком диапазоне качеств человека — анатомических, физиологических, психологических.

Таблица 8

Асимметрия мелиоративных и пейоративных характеристик

Мелиоративные характеристики	Пейоративные характеристики
1. Внешность	
красивый	некрасивый
высокого роста	невысокого роста
крепкого сложения	чрезмерно высокого роста худой, хилый
имеет свежий, бодрый вид	чрезмерно крепкого сложения (грузный, толстый) слабый, немощный
2. Характер	
волевой	безвольный, бесхарактерный
смелый	робкий, боязливый
живой, активный	бесчувственный, равнодушный
—	глупый
—	несообразительный
—	упрямый
—	неопытный, неумелый
—	грубый
—	задиристый
—	злой
—	жестокий
—	жадный
—	нечистоплотный
—	рассеянный
—	угрюмый
—	хитрый
—	чрезмерно чувственный
—	вспыльчивый
3. Поведение	
—	вспыльчивый
—	болтливый
—	изнеженный
—	надоедливый
—	нелюдимый
—	плут
—	притворщик
4. Социальные качества	
занимает высокое общественное положение (уважаемый)	занимает низкое общественное положение (презираемый)
играет важную роль в жизни общества, знаменитый, прославленный «лучшие люди общества»	занимает высокое общественное положение (высокомерный)
—	не играет никакой роли в жизни общества
—	«худшие люди общества»
—	пренебрегает трудом
—	выполняет тяжелую, грязную, неблагодарную работу
—	плохо выполняет свою работу
—	несамостоятельный, действует по воле других
—	раблепный, зависимый

Мелиоративные характеристики	Пейоративные характеристики
—	не имеет постоянных убеждений
—	молодой, неопытный
—	невежественный
—	кривляется, потешает других
—	эксплуатирует чужой труд
—	неприятный, несимпатичный, производит отталкивающее впечатление

нравственных, социальных. Этот важный, на наш взгляд, факт требует в дальнейшем всестороннего исследования.

Как мы уже упоминали, в метафорический процесс вовлекаются не только существительные, выступающие как представители тех или иных свойств, но и сами свойства, а также действия.

Обширную и в семантическом плане разнообразную группу составляют глаголы, связанные со сферой ЖИВОТНОЕ, используемые для характеристики человека:

— звуки, издаваемые животными, приписываются человеку, характеризуя ту или иную особенность его речи, а также смеха, плача, пения и т. д. Примеры: *трусливо бляеть, нежно ворковать, выть от горя, гоготать до слез, жужжать одно и то же, квакать ерунду, суетливо квохтать, глупо кудахтать, крякнуть от удовольствия, мурлыкать песню, мычать что-то непонятное, облить 'обругать', ржать над шуткой, рычать от гнева, скулить от боли, стрекотать без умолку, щебетать с подружками* и т. п.;

— действия, производимые животными, приписываются человеку, характеризуя особенности его поведения, поступков и т. п. Примеры: *грызть упреками, жалить обидными словами, заклевать придирками, кусать 'причинять боль, обиду', лягать 'грубо оскорблять'* и т. п.;

— действия, производимые над животными, переносятся на отношения между людьми: *впрягать в работу, доить 'вымогать деньги', запрячь в самостоятельность, науськивать 'подстрекать к враждебным действиям', натравить 'побудить к враждебным действиям'* и т. п.

Что касается имен прилагательных, обозначающих специфические свойства животных, то они исчисляются единицами и потому не играют сколько-нибудь заметной роли в рассматриваемом типе метафорических преобразований (например, *кудлатый, куцый*).

Зооморфные характеристики обычно направлены на дискредитацию объекта, его понижение на аксиологической шкале. Исключения немногочисленны (см. ЯМ мелиоративной оценки). Такие ЯМ создают обширные пласты лексики разговорного употребления, составляя ее экспрессивное ядро, в котором лексика традиционно разделяется на разговорную и просторечную «по степени экспрессии».

Глава 6. Семантическое поле *вода*.

Системные связи и отношения языковых метафор, реализованные в пределах поля

Все имеет свою структуру: и атом, и течение, и вихрь, и мышление.

Я. Голосовкер

В этой главе мы углубим свой взгляд на ЯМ как на системное языковое явление и представим ЯМ в новом аспекте отражения картины мира.

В последние десятилетия в качестве одного из главных доказательств системности лексического состава языка в лингвистике утвердилось распределение лексики по тематическим и семантическим группам, которые могут рассматриваться как своего рода семантические парадигмы [Медникова, с. 48]. Применительно к метафорической лексике также выделялись отдельные тематические группы, например, группа зооморфизмов.

В предыдущей главе мы уже упоминали о фактах системной организации метафорической лексики. Однако вполне понятно, что конгломерат таких фактов (при всей их очевидности) не дает возможности осознать системность ЯМ во всей ее глобальности и степень упорядоченности этой системы.

Для того чтобы наглядно представить системный характер ЯМ, рассмотрим все системные связи и отношения, а также принципы системной организации метафорической лексики в пределах достаточно обширного лексического объединения (включающего свыше 200 лексических единиц), сконцентрированного вокруг понятия ВОДА и образующего семантическое поле.

Понятие метафорического поля.

Принципы упорядочения денотативного и метафорического полей

Представляя семантическое пространство словаря как упорядоченное единство, разные ученые вычленяют группы лексических объединений, которые и обеспечивают системность лексики. В настоящей работе исследуются следующие виды лексических объединений: 1) лексическое поле, 2) ассоциативное поле, 3) семантическое поле (или семантическая группа), 4) тематическая группа, 5) синонимический ряд, 6) антонимическая пара, 7) словообразовательное гнездо.²³

Каждое из таких лексических объединений можно рассмат-

²³ Некоторые другие группировки (гипонимическая группа, коммуникативная группа и др.) мы не включаем в список как неактуальные для нашего исследования.

ривать как фрагмент лексико-семантической системы и одновременно как единицу этой системы. Остановимся на их определениях.

Прежде всего обратимся к полевой организации лексики.

Теоретическому обоснованию, анализу и интерпретации понятий, связанных с полевой организацией лексики, посвящена обширная литература, детальный обзор которой представлен в исследовании Ю. Н. Караулова [Караулов, 1976]. Оставляя в стороне спорные вопросы и разное решение проблем, относящихся к вычленению и обозначению полевых фрагментов лексико-семантической системы, остановимся на тех, которые будут использованы в данной работе.

Объединение лексики по наличию семантических связей (как непосредственных, так и опосредованных — ассоциативных) будем называть лексическим полем. Объем каждого поля можно представить по-разному, в зависимости от целей исследования и глубины проникновения в материал. Самый большой объем имеет ассоциативное поле, в котором лексика объединяется посредством любых, даже самых свободных и индивидуальных ассоциаций. Чтобы упорядочить поле, необходимо отказаться от ассоциативного принципа его построения и свести к семантическому, т. е. к такому, при котором лексика объединяется не на основании свободных ассоциаций, а на основании наличия общих семантических элементов, что и предопределяет взаимную связь и зависимость всех входящих в поле слов [Караулов, 1976, с. 174].

В основе нашего понимания семантического поля лежит классическое определение Трира: «Семантическое поле представляет собой группу слов, которые тесно связаны по смыслу и в своей взаимозависимости предопределяют значения друг друга» [Trier, S. 189].

Семантическое поле — это обширное лексическое объединение, включающее лексику разных частей речи. Каждое семантическое поле может быть представлено как относительно замкнутая и единая система. В то же время каждое поле как единица лексико-семантической системы языка не может не быть связано с другими полями и пронцаемо для элементов других полей. Именно идея пересечения семантических полей, их открытости и взаимодействия приводит к концепции семантической непрерывности лексики [Апресян, 1974, с. 251—252].

Семантическая группа — то же, что семантическое поле. Термин семантическая группа целесообразно применять по отношению к менее обширному, чем поле, более ограниченному и замкнутому объединению лексики. Тематической группой вслед за Д. Н. Шмелевым будем называть «объединение слов, обозначающих определенные группы самих реалий» [Шмелев, 19776, с. 186]. Тематическая группа объединяет лексику одной части речи и вычленяется обычно как рубрика идеографического словаря.

Полевое исследование лексики чрезвычайно популярно в современной лексикологии (см. библиографию вопроса в кн.: [Караулов, 1976]). Однако во всех многочисленных исследованиях речь идет о полях, объединяющих слова в их исходных, номинативных значениях. О возможности группировки метафорических значений было вскользь упомянуто Д. Н. Шмелевым. Трактую ассоциативные признаки как факты языка (поскольку они служат основой для трансформации языковых значений), Д. Н. Шмелев приходит к следующему выводу: «Они [ассоциативные признаки. — Г. С.] образуют обширные тематические поля, втягивая в сферу своего воздействия целые группы слов и тем самым предопределяя потенциальную направленность их переносного употребления» [Шмелев, 1973, с. 193].

Увидеть потенциальную направленность метафорических употреблений реализованной, собрать эти употребления в пределах самостоятельного семантического поля, описать системные связи и зависимость между его элементами — такие задачи стоят перед нами в данной главе.

С этой целью мы избрали семантическое поле, сконцентрированное вокруг архилексемы ВОДА.

Опережая процесс исследования и обращаясь к его результату, отметим, что в итоге членения нашего лексического материала оказалось не одно поле, а два, налагающихся одно на другое: первичное — и с х о д н о е, н о м и н а т и в н о е, отражающее связи и зависимости между объектами реальной действительности (*течет вода, всплеск воды, утонуть в реке, плывет лодка, берег моря, кипит вода* и т. д.), и в т о р и ч н о е, м е т а ф о р и ч е с к о е, отражающее связи с другими денотатами (*течет толпа, мысль; всплеск огня, негодования; утонуть в делах; плывут воспоминания; море людей, радости; кипит работа, гнев* и т. д.). Очевидно, что м е т а ф о р и ч е с к о е поле обнаруживает семантическую зависимость от н о м и н а т и в н о г о поля, и его границы не могут быть определены вне зависимости от границ номинативного поля. Так как первичное поле является открытым (ср.: «Открытость поля, его незавершенность, способность „генерировать“ новые слова выступает как фундаментальное его свойство» [Караулов, 1976, с. 214]), на первом этапе исследования перед нами стоит методическая задача искусственного сужения его границ. С этой целью были проведены следующие ограничения.

Как уже было сказано, поле как объект системного описания необходимо в первую очередь ограничить семантическими связями, оставив за пределами внимания связи ассоциативные. И коллективные ассоциации (не говоря об индивидуальных) делают связи между словами практически неограниченными: вода — пустыня, вода — лекарство, вода — коклюш (при коклюше рекомендуется гулять у воды), вода — акварель и т. д. Итак, первое ограничение — исключение ассоциативной лексики.

Второе ограничение касается тех элементов поля, которые оказались бесплодными и семантически несостоятельными в мета-

форическом процессе («метафорически несостоятельными»). Так, остаются за пределами нашего анализа (и нашего поля) лексемы *старица, устье*, входящие в понятийную группу «Водоемы и их части» на правах законных и полноправных членов этой группы, но в данном конкретном случае остающиеся за пределами нашего исследования, поскольку они не дают ЯМ.

Третье ограничение проявляется в том, что в поле не включается лексика, имеющая непосредственные семантические связи с одним из членов поля, но не с его ядром. Например, слово *лед* входит в раздел поля «Характерные состояния воды», но его дальнейшие семантические связи мы искусственно обрываем, и слова, семантически непосредственно связанные со словом *лед* (*треснуть, таять, кусок, сосулька* и т. д.), остаются за пределами исследования даже в том случае, если они обладают высокой метафорической активностью, образуя целые пучки ЯМ. Ср.: *тает лед — тают облака; тает туман; растаяла радость, грусть, надежда; тает стопка карточек; тает жизнь; тают деньги; таять от удовольствия; сердце тает* и т. д.

С целью сужения границ метафорического поля, а также для обоснования семантических и узуальных различий представленного материала мы выделяем центр поля и его периферию.

К центру отнесены ЯМ, которые регулярно метафоризируются, воспроизводятся в контекстах, представлены в словаре и в карточках обширным и разнообразным материалом: *океан огней, приток решимости, реки демонстрантов, русло науки, водоворот событий, волна протестов, всплеск пламени, капля жалости, каскад красноречия, льется песня, хлынула радость* и т. п.

Чем более обобщенное (как правило, родовое) понятие заключено в слове, тем легче оно превращается в узуальную ЯМ — в обычную лексическую единицу с приглушенной образностью (ср. ЯМ *река демонстрантов, море знамен, разлив чувств* и т. п.). Напротив, чем более частное понятие дает импульс к развитию метафоры, тем больше такая метафора способна удерживать образный элемент. Ср.: *Я сидел в сторонке у окна и ждал, когда же, наконец, спадет этот нахлынувший на него [председателя колхоза] паводок дел и забот. (Жестев. Пойма.) В толпе образовались промоины и воронки. Она разваливалась на глазах. (Ильф и Петров. Золотой теленок.) [Автобусы] осторожно разворачивались и бессильно сигналили в неоглядном человеческом разливе. (Березко. Необыкновенные москвичи.)*

Такие метафоры, выходящие из автоматизма восприятия и по своим функциям приближающиеся к ХМ, мы называли потенциальными (см. гл. 3). Потенциальная ЯМ отнесена к периферии метафорического поля.

Формальным признаком потенциальной ЯМ может служить ее реализация в нетипичных, часто единичных сочетаниях: *дорога вливается в шоссе, выплеск подробностей, жиденькая мысль, захлебываться книгой, нырнуть в глубь атомного ядра, плавают*

шляпы, пучина высокой политики, пучина уголовного кодекса, хлынули поляны.

Примеры:

В том месте, где полевая дорога вливалась в пустынное шоссе, я слезал с велосипеда. (Набоков. Другие берега.) (Ср. также: ...унылая Приватштрассе (приток Потсдамской улицы) ... — Там же). Гоголь пародирует свою фантастическую, уклончивую манеру вести сюжет (с выплесками как будто бы неуместных подробностей. (Набоков. Николай Гоголь.) Мысль, конечно, жиденькая. Да и оформление тоже, вероятно, будет убогое. (Ильф и Петров. Золотой теленок.) Широчайшие слои сейчас буквально захлебываются книгой молодых авторов Ильфа и Петрова, называемой «Двенадцать стульев». (Мандельштам. Веер герцогини.) [Программистам] наверняка приходилось нырять в глубь атомного ядра. (Тендряков. Покушение на миражи.) Остап был представлен американцам. В воздухе долго плавали вежливо приподнятые шляпы. (Ильф и Петров. Золотой теленок.) Старейший из пикейных жилетов погружался в пучину высокой политики. (Ильф и Петров. Золотой теленок.) Козлевич против своей воли снова погрузился в пучину Уголовного кодекса. (Ильф и Петров. Золотой теленок.) Неожиданно хлынут пестрые поляны в цветах; ... вспененная потоком река; коромысло радуги над нею. (Астафьев. Ода русскому огороду.) (Ср. соотносимые с приведенными узуальные ЯМ: карточки вливаются в каталог, выплеск злобы, жидкие аплодисменты, захлебываться злобой, нырнуть в науку, плывут знамена, пучина страдания, хлынули толпы).

Узуальная ЯМ чаще возникает на базе непроизводной лексики, а производная служит источником потенциальной ЯМ. Этот факт легко объясняется особенностями семной структуры того и другого типа лексики: семантика непроизводного слова обладает большей диффузностью (и потому имеет больше шансов метафоризоваться в языке).

Сема, репрезентирующая конкретное, частное свойство, способ или направление действия и т. п., придает метафорическому значению большую изобразительность и образность. Так был определен другой разряд потенциальных ЯМ — метафоризованная производная лексика. Ср.: мысли текут — боль вытекает, стекает; разговор течет — разговор растекается; толпа, обида, страх, злоба кипит — толпа закипела; обида вскипела, выкипело раздражение, докипал ужас, подкипятить злобу; купаться в ласке — выкупан в ласке и т. п.

Примеры:

Потом вся тупая и злая боль вытекла из головы, стекла с висков в ее [женщины] мягкие руки, а по ним и по ее телу — в пол. (Булгаков. Белая гвардия.) Атом Резерфорда — тоже карусель, планетная карусель. Но на ней к вращающимся электронам не притекает извне никакой энергии. (Данин. Неизбежность странного мира.) Вечерний разговор, растекаясь, не получался либо же быстро сходил на свару и обоюдные выкрики.

(Маканин. Река с быстрым течением.) *Толпа закипела, ломая круг, стена и давя друг друга.* (Тендряков. Покушение на миражи.) *Обида вскипала в горле, сердце учащенно билось.* (Белов. Все впереди.) *В левом боку докипал холодок ужаса.* (Белов. Все впереди.) *Из Михаленки не успело еще выкипеть бессильное, старческое раздражение.* (Куприн. На покое.) *Но это еще более подкипятило злобу Раскольниковова, и он уже не мог удержаться от насмешливого и довольно неосторожного вызова.* (Достоевский. Преступление и наказание.) *Остан отодвинул рукой раскипятившегося старика и выбрался из толпы.* (Ильф и Петров. Золотой теленок). Ср. также: *купаться в ласке и выкупан в ласке* (Хитроватый Михайлов, разумеется, здесь и, разумеется, любим и выкупан в ласке. (Маканин. Отдушина)); *свет льется и свет обливает картину* (Электрический свет жирно ее [картину] обливал. (Набоков. Защита Лужина.)) Примеры можно было бы продолжить.

По-видимому, не существует препятствий для метафоризации любого члена словообразовательной парадигмы (хотя метафорическая активность каждого из них будет разной). Ср.: *толпа течет, толпа втекла в ворота, вытекла из ворот, дотекла до поворота, затекла за угол, обтекла препятствие, перетекла из одной улицы в другую, протекла мимо, стекла с холма.*

Примеры:

Когда Дуганов вернулся, трибуны взбурлили вновь, требуя продолжения. (Трифонов. Победитель шведов.) *Начавшая было распадаться толпа всплеснулась в едином негодующем ропоте.* (Тендряков. Покушение на миражи.) *Я занырнул обратно под полушубок — понежиться.* (Астафьев. Заберега.) *Внезапно ярость наплывает багряным облаком.* (Трифонов. Недолгое пребывание в камере пыток.) [Он] *бросил работу и ругался страшными ругательствами, бегая по комнате... Мотя давала ему время перекипеть, тогда они мирлись.* (М. Горький. Супруги Орловы.) *Рота уже стекала в буерак, оставляя изрытый, дымящийся многочисленными воронками рубеж.* (Шолохов-Синявский. Волгины.) [Поленья] *большой кучей лежали перед печкой и парили, и парок тот, плавно загибаясь, уплывал в приоткрытую дверцу.* (Шукшин. Ораторский прием.)

Тот факт, что производная лексика служит источником преимущественно потенциальной ЯМ, не относится к дериватам, которые развивают метафоричность независимо от производного слова. Например, ЯМ *подмочить* (имя, репутацию, прошлое и т. п.) существует независимо от *мочить*; *вливать* (карточки в каталог; бодрость в человека и т. п.) независимо от *лить*. ЯМ *всплеск, выплеск, вынырнуть, выплеснуть* и т. д. дают свои пучки метафор вне зависимости от метафоричности, развиваемой соотносимыми с ними производными лексемами (плеск, нырнуть, плеснуть и т. д.). Производная лексика, развивающая самостоятельные метафорические значения, не соотносимые с метафорическими значениями своих производных коррелятов, по нашим

наблюдениям, обладает узуальностью и может быть отнесена к центру поля.

Вполне понятно, что граница между центром поля и его периферией не может быть проведена отчетливо. Наиболее объективным критерием разграничения нам представляется узус: к центру отнесена лексика, обладающая высокой степенью узуальности (представленная в словаре и картотеках обширным и разнообразным материалом), а к периферии — та, что представлена в наших материалах достаточно разрозненными, часто единичными примерами из картотеки или собственных выборок (словарем такие лексические единицы обычно не фиксируются, так как лексикографы квалифицируют их как индивидуально-авторское употребление). Тем не менее мы сочли необходимым ввести все попавшие в наше поле зрения потенциальные метафоры в исследуемый материал на том основании, что потенциальная ЯМ отличается от узуальной ЯМ по степени изобразительности, но соответствует ей по своей семантической структуре и по типам переносов. По сути дела, разграничивая узуальную ЯМ и потенциальную ЯМ, мы следуем общему принципу отбора лексики, принятому в лексикографии — принципу узуальности.

Последовательной систематизации была подвергнута центральная часть поля, а периферийная рассмотрена фрагментарно. Такое методическое ограничение не влияет на системную организацию поля, так как элементы лексических окраин обычно не добавляют ничего принципиально нового.

Упорядочение поля производится в двух аспектах: содержательном и формальном. Вычленение в структуре поля центра и периферии мы относим к содержательному аспекту. К формальному аспекту могут быть отнесены факты включения / невключения в состав поля некоторых регулярных грамматических и семантических образований (к ним относятся уменьшительные существительные, видовые пары, глаголы страдательного и средне-возвратного залога, отглагольные существительные и т. п.). Формализация состава поля подчинена имеющемуся в нашем распоряжении материалу. Поскольку цель данной работы — показать систему в ее функционировании, отсутствующие звенья системы не восстанавливались. Так, приводятся только при наличии материала:

— уменьшительные существительные (есть *капелька, ручеек, струйка, жиденький*, но нет *кипяточек, ледок, речка, сухонький*);

— глаголы средне-возвратного и страдательного залогов (есть *литься, плескаться, сливаться*, но нет *отливаться, подливаться, приливаться*; вместе с тем есть *испаряться, растворяться* при отсутствии коррелятов *испарять, растворять*);

— отглагольные существительные (есть *кипение, слияние, течение*, но нет *купание, ныряние*) и т. п.

В словник выносятся глагол в несовершенном виде даже в том случае, если он не подтвержден конкретными примерами (например, *наводняться: площадь наводнилась народом; квартира навод-*

нилась гостями). В случаях, когда форма несовершенного вида имеет искусственный характер и не принята в живом употреблении (*заныривать, подныривать* и т. п.), в заголовок выносятся глагол в совершенном виде. Употребительность той или иной ЯМ во множественном числе демонстрируется на уровне примеров, в словнике же не указывается (например, *река: реки машин, пешеходов, демонстрантов* и т. п.).

Системная организация метафорического поля ВОДА

Системная организация метафорического поля ВОДА обнаруживается во всех звеньях лексической системы. В связи с этим классификационная схема имеет следующие разделы:

А. Внешний аспект системы: 1. Тематические группы. 2. Синонимические ряды. 3. Антонимические пары. 4. Словообразовательные гнезда. Б. Внутренний аспект системы: 5. Полисемия.

А. ВНЕШНИЙ АСПЕКТ СИСТЕМЫ

1. Тематические группы

1.1. Тематическая группа «Водоемы и их части».

Болото:	дорога превратилась в болото; не учреждение, а болото; обывательское, житейское болото; болото невежества
Излучина:	излучины души, мысли
Море:	море песков, ржи, цветов; море воздуха, аромата; море людей, голов; море огней, света, звуков, улыбок; море слез, крови; море блаженства, счастья, веселья, радости, мысли, жизни
Озеро:	озеро огней
Океан:	океан голов, людей; океан огней, света, мрака, молчания, звуков; океан слез, крови; океан тоски, безысходности, горя; океан жизни
Омут:	омут безнадежности, горя; омут порока, стыда, разврата, разгула; омут преступной жизни
Приток:	приток сил, решимости; приток новых кадров, информации, впечатлений, протестов, показаний, писем, доходов, денег
Пучина:	пучина огня; пучина безысходности, горя, страдания; пучина политики; пучина уголовного кодекса
Река:	река машин, пешеходов, людей, демонстрантов; воздушные реки; реки огней, знамен; реки писем; реки слез, крови; река времени, жизни
Родник:	родник души, сердца; родник сил, впечатлений, воспоминаний; родник творчества; родник радости
Русло:	русло улицы; русло науки; русло семейной жизни;

жизнь повернула в новое русло; беседа возвратилась в прежнее русло

Ручеек: ручеек денег; ручеек беседы, разговора, песни
Ручей: ручей денег, доходов; ручьи крови, слез.

1.2. Тематическая группа «Формы существования воды, определяемые характером и способами ее движения».

- Водоворот: водоворот людской, уличный, праздничный; водоворот приключений, фактов, событий, хлопот; водоворот мыслей, страстей; водоворот жизни
- Водопад: водопад слез; водопад света; водопад звуков; водопад подарков; водопад эмоций, ассоциаций
- Волна: волна атакующих; самолеты идут волнами; волна воздуха, газа, аромата; волна фильмов, волна недовольства, восторга, протестов; волна гриппа; волна успеха; звуковая волна
- Всплеск: всплеск толпы; всплеск пламени, смеха, песен, настроения, раздражения, радости, злобы, изумления, гордости; всплеск идей
- Выплеск: выплеск пламени, огня, свинца; выплеск подробностей, эмоций, грубости, раздражения, гнева
- Капелька: капелька надежды, жалости, нежности, любви, отваги; капелька таланта; капелька времени
- Капля: капля жалости, доброты
- Каскад: каскад волос, кудрей; каскад камней; каскад звуков, красноречия, слов, вопросов, упреков, метафор; каскад побед; каскад чувств, эмоций
- Ливень: см. п. 4 «Словообразовательные гнезда»
- Наводнение: наводнение слов; наводнение книг; наводнение талантов
- Наплыв: наплыв счетов, писем; наплыв тоски, тревоги
- Отлив: см. п. 4 «Словообразовательные гнезда»
- Отток: отток денег; отток информации; отток рабочей силы
- Паводок: паводок дел, забот
- Плеск: плеск колоколов, ветра, голосов, ладоней
- Поток: поток людей, пешеходов, зрителей, машин; потоки воздуха, света, огня; поток звуков, слов, упреков, писем, книг; потоки клеветы, брани, протестов, слез, крови; поток явлений, воспоминаний; поток дней, энергии; поток жизни
- Потоп: потоп слез; потоп сочинений; потоп словоблудия
- Прилив: см. п. 4 «Словообразовательные гнезда»
- Приток: приток денег; приток решимости, сил, уверенности; приток кадров, туристов
- Разлив: см. п. 4 «Словообразовательные гнезда»
- Стремнина: стремнина восторга, чувств, веселья, жизни

Струйка:	струйка зерна, песка; струйка дыма, света, запаха
Струя:	струя зерна, песка; струя огня, дыма, света; струя запаха, воздуха, пара; струя народной жизни; свежая струя в литературе; струи мезонов
Течение:	течение облаков, людей, толп; течение воздуха, света, запаха; течение беседы, речи, рассказа; течение дней, лет, времени, жизни, болезни!

1.3. Тематическая группа «Характер и особенности движения воды».²⁴

Брызнуть:	брызнули воробьи из-под ног; брызнула зелень, брызнуло солнце, брызнули яркие краски, брызнул свет, брызнул звонок; брызнула радость
Бурлить:	бурлит говор; бурлит толпа; бурлит песня; бурлит негодование, гнев, возмущение, радость; бурлит здоровье; бурлит юмор
Взбурлить:	взбурлило беспокойство, негодование; взбурлила песня
Всплеснуться:	толпа всплеснулась; пламя всплеснулось
Вытекать:	пар втекает в щель; запах втекает в окно; тишина втекает в комнату; очередь втекает в магазин
Выплески- ваться:	выплеснулось пламя; выплеснулся смех; выплескивается песня, веселье, обида
Вытекать:	толпа вытекает из ворот; дым вытекает из щели
Журчать:	журчит речь, беседа, разговор, голос
Затекать:	ветерок затекает под рубаху; аромат затекает в открытую дверь
Литься:	см. п. 4 «Словообразовательные гнезда»
Обрызгивать:	солнце обрызгало листву
Обтекать:	толпа обтекла угол дома
Отхлынуть:	люди отхлынули; огонь отхлынул; заботы отхлынули
Перетекать:	перетекающие поля овса; голоса перетекают
Плескать:	плещет смех, веселье, радость
Плескаться:	плещется флаг, знамя; в душе плескалось беспокойство; плещется нежность
Притекать:	притекает тепло, запах; притекают слухи, известия; притекают деньги
Прихлынуть:	прихлынула радость, бодрость; прихлынул задор; прихлынул народ, прихлынула толпа
Пробрызнуть:	пробрызнули звезды, листья, пробрызнула трава
Протекать:	в душе протекают впечатления; протекают годы, жизнь
Разбрызгивать:	драгоценный камень разбрызгивает свет
Размывать:	размытые тени, контуры, очертания, узоры; размытый воздух; размытые границы лексической

²⁴ Дериваты глаголов *лечь* и *лечься* приведены в п. 4 «Словообразовательные гнезда».

	группы, семантического поля; световые волны раз- мывают вещество
Растекаться:	в воздухе растекается запах, голос, шелест; звон растекается; по небу растекалось зарево, бледность растеклась по лицу; боль растекалась по телу;
Смывать:	люди растекаются по дорогам; деньги растекают- ся; растекаются в болтовне, в подробностях время смывает прошлое; улыбка смыла недоуме- ние; с лица смыло усталость; смыть с сердца обиду
Сочиться:	сочится свет, дым, туман, запах, пар; шепот, раз- говор; сочатся слухи, сплетни
Стекать:	толпа стекает в овраг; он сполз со стула, почти стек; старческая шея стекает в воротник
Струиться:	стеклись массы людей; стеклись запасы, деньги струится свет, дым, запах, туман; струится ткань
Схлынуть:	схлынули пассажиры, схлынула толпа; схлынуло напряжение; схлынул страх; схлынуло ощущение радости; схлынула тревога
Течь:	течет зерно, песок; текут облака, массы людей, толпы, туристы; течет воздух, пар, свет, огонь, запах; течет оружие для фронта; течет беседа, речь, песня, музыка, звон, голос, рассказ; текут слова, стихи; текут дни, недели, месяцы, годы; течет время, жизнь; текут деньги, доказательства, сведения; течет информация; текут мечты, вос- поминания; течет сон
Хлынуть:	хлынула толпа, атака; хлынул народ; хлынула зелень; хлынули знамена, цветы; хлынул свет; хлынули вопли; хлынула радость; хлынуло лико- вание.

1.4. Тематическая группа «Свойства воды».

Кипучий:	кипучий характер; кипучая деятельность, энергия
Кипящий:	кипящая ненависть, злоба, энергия
Ледяной:	ледяной воздух; ледяной взгляд, голос; ледяное равнодушие, спокойствие; ледяная ненависть, па- мять, мысль
Мутный:	мутное чувство, сознание; мутные мысли
Прозрачный:	прозрачная рука, прозрачное лицо; прозрачный звук, голос; прозрачная мелодия; прозрачные сти- хи; прозрачные намеки, секреты; прозрачная пе- чаль
Пресный:	пресное слово; пресная беседа, шутка, эпиграмма, пародия; пресный анекдот; пресная жизнь
Струистый:	струистые кудри, волосы; струистое марево, знамя.

1.5. Тематическая группа

«Характерные действия, связанные с водой, производимые в воде».

- Взбаламучивать: взбаламутить ребят, людей
- Впитывать: впитывать знания, навыки, все новое, доброту
- Всплывать: всплывает голос, шум, звук; горе всплыло наружу; в памяти всплыло прошлое; всплыло известие; всплыли улики
- Выкупаться: выкупаться в ласке
- Вынырнуть: вынырнуть из-за угла, из подъезда, из темноты, из траншеи, из огня, пламени, тумана; самолет вынырнул из облаков; вынырнуть из сна, из наркоза; вынырнул после долгого отсутствия; вынырнуло слово; вынырнула строчка, подробность, деталь
- Выплескивать: выплеснуть огонь, пламя, свинец; толпа выплеснула из дверей; выплеснуть раздражение, гнев, обиду, злобу, радость
- Выплывать: выплывает из темноты силуэт; колокольня выплыла из-за леса; выплывает свет, запах, песня, мелодия; выплыли новые факты, доказательства, показания, подробности, детали; выплыли в памяти забытые стихи, слова
- Занырнуть: занырнуть под полушубок, под одеяло
- Захлебываться: захлебнуться восторгом, радостью; захлебываться книгой; захлебываться творчеством
- Купаться: купаться в славе, в счастье, в блаженстве, в ласке
- Лить: цветы льют аромат; лампа льет свет
- Мутить: страсть мутит разум; боль мутила сознание; хмель мутил мысли
- Наводнять: наводнить рынок продуктами, товарами; наводнить город иностранцами; наводнить город книгами; туристы наводнили город
- Наводняться: площадь наводнилась народом; квартира наводнилась гостями
- Наплывать: ярость наплывает
- Нырнуть: нырнуть в туннель, в подъезд, в метро, в халат, в огонь, в клубы пара, в облака, в толпу; нырнуть в сон, в воспоминания; нырнуть в науку; нырнуть в глубь атомного ядра; нырнуть в новую жизнь см. п. 4 «Словообразовательные гнезда»
- Обливать: см. п. 4 «Словообразовательные гнезда»
- Окунаться: окунаться в работу, в дела, в проблемы, в сомнения, в сновидения
- Переливать: см. п. 4 «Словообразовательные гнезда»
- Плывать: плавают коршун; плавают платформа; все плывет перед глазами; плывут знамена, транспаранты; люди плывут в танце; плавают запахи; плывет звук; плывут сновидения, образы, воспоминания; плавать на экзамене

- Погружаться: погрузиться в работу, в хлопоты, в заботы; погрузиться в воспоминания, в сон, в забытье, в печаль
- Подкипятить: подкипятить злобу
- Подмачивать: подмочить имя, прошлое, репутацию; подмоченный авторитет, подмоченная доблесть
- Поднырнуть: поднырнуть под ветку; самолет поднырнул под облако
- Пропитывать: воздух пропитан гарью, запахами; человек пропитан деликатностью, равнодушием, идеями
- Размокать: человек размок от неудач; в тяжелой обстановке он совсем размок
- Расплываться: расплываются контуры, очертания, в глазах все расплывается; расплывается туман, запах, звуки; лицо расплылось от удовольствия; расплылся всем телом; беседа расплывается; мысли расплываются; расплываться в разговоре, в рассуждениях
- Растворяться: раствориться в толпе; раствориться в делах, в науке, в детях; идея растворилась в словах; талантливые книги растворились в потоке халтуры
- Тонуть: тонуть в грязи, в снегу, в песках, в перине; голова утонула в подушках; глаза потонули в щеках; дома потонули в зелени; дом потонул в темноте, в тумане, в дыму; степь тонет в огне; песня тонет вдалеке; голос тонет в шуме; слова потонули в аплодисментах; утонуть в делах, в долгах, в противоречиях, в болтовне, в воспоминаниях, в сне; тонуть в подробностях, в деталях, в цифрах; проблемы тонут в цифрах
- Топить: мгла потопила все кругом; солнце потопило в своем сиянии свет свечей; топить свой голос в шуме толпы; топить человека на собрании; топить горе в вине; топить печаль в заботах; топить кого-л. в уликах; топить идею в общих рассуждениях; топить мысль в многословии
- Уплывать: дымок уплывает; мысль уплывает.

1.6. Тематическая группа

«Характерные состояния воды, действия, связанные с ними».

- Кипяток: «о вспыльчивом человеке»
- Лед: «о равнодушном, бесчувственном человеке»
- Вскипать: гнев вскипает, ярость вскипает
- Докипать: докипал холодок ужаса
- Замораживать: замороженный взгляд, голос; заморозить идею, рационализаторское предложение
- Испаряться: человек испарился; испарились деньги, впечатления, мысли, воспоминания; испарилась злоба, боль, тоска; прошлое испарилось

Кипение:	кипение страстей; кипение толпы
Кипеть:	кипит работа, веселье, борьба, спор, злоба, гнев, полемика, кипят чувства; кипеть гневом, негодованием
Леденеть:	леденеть от страха, ужаса
Подкипятить:	подкипятить злобу
Прикипать:	прикипеть сердцем к кому-л.
Примерзать:	примерзнуть от страха, ужаса
Раскипятиться:	раскипятиться в споре, в гневе, в раздражении.

1.7. Тематическая группа «Свойства, обусловленные наличием / отсутствием, количеством, воздействием воды».

Влажный:	влажная печаль; влажный воздух
Водянистый:	водянистый доклад, текст; водянистая статья
Глубокий:	глубокий цвет, взгляд, сон; глубокая мысль, натура, печаль; глубокое чувство; глубокие знания
Густой:	густой цвет; бас; звук
Жиденький:	жиденькая мысль
Жидкий:	жидкий человек; жидкие ноги, руки; жидкое пополнение; жидкие звуки, аплодисменты; жидкая пенсия, жидкие доходы; жидкие аргументы
Мелкий:	мелкий довод, аргумент; мелкая натура, мысль, душа; мелкое чувство; мелкая ошибка, тема; мелкие побуждения; мелкая жизнь
Сухой:	сухой педант, сухой характер; сухой формализм; сухая мелочность; сухой тон; сухой пересказ; сухой стиль, язык; сухие цифры; сухой треск, звук
Сырой:	сырой материал, сырой роман, сырой язык.

2. Синонимические ряды

Если тематические группы отражают связи ЯМ с объектами внеязыковой действительности, то синонимы в первую очередь показывают связи ЯМ друг с другом.

Углубленный анализ синонимов (и антонимов) выходит за рамки данной работы. Наша непосредственная задача — установить самый факт наличия этих системных отношений между единицами ЯМ. Многочисленные синонимические ряды и пары антонимических групп были выявлены в разряде антропоцентрической ЯМ (см. гл. 5, п. 4.3). В пределах семантического поля ВОДА существуют некоторые стержневые понятия, вокруг которых концентрируются синонимические ряды. К таким понятиям могут быть отнесены следующие:

«Сильное, бурное проявление» (эмоций, чувств, красноречия и т. п.): *водопад, всплеск, каскад, ливень, наводнение, половодье, разлив, стремнина.*

«Бурно проявляться» (о веселье, ненависти, гневе, восторге, энергии и т. д.): *бурлить, кипеть, плескаться, плескаться.*

«Плавно распространяться» (о свете, огне, запахе, ткани и т. д.): *литься, струиться, течь, хлынуть*.

«Много» (о растительности, скоплении людей, свете, эмоциях и т. д.): *море, океан, разлив*.

3. Антонимические пары

Как уже было отмечено, антонимия (так же как и синонимия) проявляется в пределах лексической системы в целом и в пределах метафорических полей в частности неравномерно. В материалах анализируемого семантического поля насчитывается относительно немного ЯМ, которые могли бы вступать в антонимические отношения друг с другом (т. е. таких, которые выражали бы предельное отрицание свойства, координационные понятия, противоположную направленность действия и т. п.). При этом следует иметь в виду, что лексическая антонимия не совпадает с метафорической антонимией. Поясним это примером.

Прилагательные *сухой* и *сырой* в своих номинативных значениях образуют антонимическую пару: *сухой воздух* — *сырой воздух*. Семантическую основу антонимии составляет общая сема *влага*, наличие или отсутствие которой демонстрирует каждый из членов антонимической пары. Что касается ЯМ *сухой текст* — *сырой текст*, то они не являются антонимами, так как обозначают разные сущности (*сухой текст* — 'лишенный эмоциональности', а *сырой* — 'недостаточно обработанный') и потому не могут создать семантического контраста. Иными словами, в данной паре ЯМ не обнаруживается общая сема, обозначающая качество, которое бы утверждалось одним членом пары и отрицалось другим. Примеры можно было бы продолжить.

Перечень антонимов метафорического поля ВОДА невелик (напомним, что к антонимам мы относим лексические единицы, содержащие любое противопоставление, в том числе деривационное): *влажный* — *сухой* (звук); *густой* — *жидкий* (голос, звук, запах); *капля* — *море* (доброты, радости, чувств); *кипяток* — *лед* (о человеке); *кипящий* — *ледяной* (о ненависти); *мутный* — *прозрачный* (о мыслях); *нырнуть* — *вынырнуть* (нырнуть в сон — вынырнуть из сна, нырнуть в воспоминания — вынырнуть из воспоминаний); *погружаться* — *всплывать* (погружаться в воспоминания — всплывать из воспоминаний); *прилив* — *отлив* (толпы, денег, рабочей силы, сил, энергии); *приток* — *отток* (кадров, туристов, денег, информации); *прихлынуть* — *отхлынуть* (о толпе, радости, силах).

Как ни малочисленны антонимические пары и синонимические ряды внутри анализируемого метафорического поля, сам факт их существования весьма показателен и важен для наших выводов: он свидетельствует о том, что метафорическое поле сформировано так же, как и обычное лексическое поле, с использованием всех, без исключения, способов системной организации лексики.

4. Словообразовательные гнезда

Словообразовательное гнездо трактуется обычно как единица словообразовательной системы языка. По нашему мнению, есть все основания отнести словообразовательное гнездо и к единицам лексико-семантической системы, поскольку каждое гнездо составляют слова, имеющие общий смысловой элемент. Вслед за А. Н. Тихоновым мы понимаем под словообразовательным гнездом упорядоченную отношениями производности совокупность слов, обнаруживающих общность в плане выражения и в плане содержания, т. е. имеющих общий смысловой элемент, материальным выразителем которого является общий корень [Тихонов, с. 36—37].

Рассмотрим с точки зрения метафорической активности словообразовательное гнездо с исходной лексемой <i>лить</i> .	
Лить:	цветы льют аромат; лампа льет свет
Литься:	льется песок, зерно; льются толпы, льется свет, воздух, запах; льются звуки, песни; льется речь, беседа; льется время
Вливать:	вливать карточки в каталог; вливать отряд в бригаду; вливать шутки в разговор; вливать бодрость, надежду
Вливаться:	вливаться в толпу; надежда влилась в сердце
Выливать:	вылить оскорбления, брань
Выливаться:	толпа вылилась из дверей; страх вылился в отчаянный поступок
Доливать:	долить веселья, злобы
Заливать:	лампа заливает комнату светом; поляна залита ароматом цветов; залить детей любовью
Заливаться:	заливаться смехом
Изливать:	изливать свет, запахи; излить восторг, нежность, любовь, чувства, горе; излить душу
Изливаться:	излилась печаль, нежность; горе излилось в слезах
Ливень:	ливень пуль, свинца; ливень эмоций, восторгов; ливень света, красок
Наливаться:	наливаться злобой, тоской
Обливать:	свет обливает картину; дом облит лунным сиянием; облил страх, ужас; облила радость
Обливаться:	обливаться страхом, ужасом
Отлив:	отлив рабочей силы, туристов; отлив денег
Отливать:	толпа отлила
Передивать:	перелить свой восторг в кого-л.; перелить в стихи свои страдания; перелить тоску в песню
Переливаться:	толпа переливалась из улицы в улицу; его убеждения перелились в нас; занавес переливается; переливается мелодия
Подливать:	подлить ехидства
Поливать:	поливать бранью, оскорблениями
Прилив:	прилив кадров, туристов; прилив денег, средств; прилив энергии, раздражения, сил, откровенности,

Приливать:	радости, нежности, уверенности; прилив ужаса прилила прохлада, тьма, бледность; прилила толпа; приливали деньги; прилила к сердцу нежность
Проливать:	проливать свет, тепло, запах
Разлив:	разлив трав, хлебов; разлив аромата, мелодии; разлив чувств; песня с разливом
Разливать:	разливать свет, тепло, запах, прохладу, холод, сумрак, тьму, зарево, бледность; разливать мелодию; разлит румянец; разлит покой; разлита тишина
Разливаться:	разлилась бледность, мгла, мелодия; разлилась боль, радость, грусть, разлилось горе, страдание, блаженство, счастье; разлилась дрожь; разлился трепет; разливались прокламации; разливалось партизанское движение
Сливать:	сливать карточки
Сливаться:	толпы сливались; звуки сливались в мелодию; мысли сливались воедино
Слияние:	слияние душ, ума и таланта; слияние электрона с ядром.

Произвольно выбранное словообразовательное гнездо, как видно из приведенного материала, обладает высокой метафорической активностью, практически все его члены первой ступени вступают в метафорический процесс (ср. [ССРЯ, с. 257—263]), создавая густую сеть метафор.

Б. ВНУТРЕННИЙ АСПЕКТ СИСТЕМЫ

5. Полисемия

Внутрисистемные отношения в лексике находят выражение в полисемии. По определению Х. Касареса, полисемия является «неизбежным следствием диспропорции, существующей между числом знаков речи и огромным количеством понятий, ищущих выражения в языке» [Касарес, с. 70]. Развивая разные значения, слово генерирует все новые и новые смыслы. Этот процесс, названный «семантической деривацией» [Потебня] и «семообразованием» [Кацнельсон, 1965, с. 61], отражает самую сущность языка: упорядочение отражения в языковых знаках связей и отношений, существующих между объектами действительности, возможность исчислить эти по сути дела бесчисленные связи. Семантическая организация многозначного слова — это зеркало, в котором отражаются собранные воедино фрагменты действительности, нередко весьма отдаленные в общей картине жизни и соединенные опосредованными, невидимыми при поверхностном взгляде нитями. Ульман отмечал, что, чем больше значений собрано в одном слове, тем больше аспектов интеллектуальной и социальной деятельности оно представляет [Ульман, 1972, с. 267]. Как было показано в ходе нашего исследования, аспекты

интеллектуальной (шире — духовной) и социальной деятельности находят языковое воплощение в метафорических значениях.

Как мы видели, в полисемантизме находит отражение многоступенчатый характер метафоризации, демонстрирующий все более дальний отход вовлеченных в метафорический процесс сигнификатов от исходного: *течет вода — течет зерно — течет воздух — течет аромат — текут толпы — течет свет — текут звуки — течет разговор — текут мысли — текут события — текут деньги — течет время*. Ближайшая к исходному значению ступень отражает элементарный перенос от предмета к предмету (вода — сыпучая субстанция), следующая связана с синкретическим сдвигом от предмета к физической субстанции (вода — свет, звук, аромат), далее в процессе метафоризации вовлекаются другие объекты чувственно воспринимаемого мира (вода — толпы), дальше путь семантического развития лежит к объектам, находящимся за границей, извечно разделяющей мир вещей и мир идей, — к сферам психической и социальной жизни (вода — мысль, воспоминание, сон, жизнь) и к абстракциям (вода — время). Исследуя метафорическую полисемию в лексикографическом аспекте, мы постоянно сталкиваемся с противоречием между необходимостью привести с максимальной полнотой все реализующиеся ЛСВ (вспомним требование Л. В. Щербы обязательно давать «исчерпывающий и точный перечень понятий, с ним [словом. — Г. С.] соединенных» [Щерба, 1940, с. 282]) и разнонаправленностью связей внутри лексемы. Перечень предполагает линейность. Семантическая структура слова представляет собой скорее пучок или несколько пучков. Это противоречие было проанализировано Д. Н. Шмелевым, который показал, что диффузность семантики многозначного слова и неавтономность отдельных его элементов, разнонаправленная зависимость одного от другого и связь друг с другом создают сложную структуру значений, которую не может отразить привычное линейное толкование в словаре [Шмелев, 1977, с. 92].

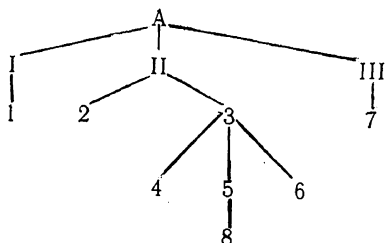
Это правило в еще большей степени приложимо к метафорическим значениям, что обусловлено их особой диффузностью, с одной стороны, и способностью ЯМ к ступенчатому развитию семантики — с другой.

Рассмотрим с этой точки зрения метафорические ЛСВ (значения и оттенки) лексемы *выплывать*. Линейное их расположение имеет следующий вид.

1. Медленно и плавно выходить откуда-л. *Женщина выплыла из двери*.
2. Появляться перед глазами (при движении). *Колокольня выплыла из-за леса*.
3. Становиться видимым, выступая из темноты. *Из мрака выплыли невидимые до той поры суда*. (М. Горький. Челкаш.)
4. Непроизвольно возникать в сознании. *Снова выплыли годы из мрака*. (Есенин. Собака Качалова.)
5. Обнаруживаться, неожиданно возникать. *Кандидатура Малютина... выплыла, когда просматривали списки*. (Гранин. После свадьбы.)
6. Неожиданно становиться явным (о том, что скрывает)

лось). Выплыли аргументы, подробности, новые факты. 7. Избавляться от беды, выходить из затруднений. Ему нужно было знать, выплывает или не выплывает Блинкин, чтобы определить собственную линию поведения. (Николаева. Битва в пути.) 8. Получать известность, становиться заметным. Писатель выплыл после первой книги.

Перечисленные ЯМ сформированы символом метафоры А: «Появляется в поле зрения, становится видимым, обнаруживается (с имплицитными семами I. «Плавно», II. «Неожиданно», III. «Спасаясь»). Графическое изображение этого списка ЯМ можно представить следующим образом (арабские цифры обозначают порядковые номера метафорических значений глагола выплывать):

Рассмотренные в данном разделе главы материалы дают основание для следующих выводов.

Семантическое пространство, сконцентрированное вокруг понятия «вода», образуют два семантических поля, налагающиеся одно на другое: номинативное поле формируют семантические отношения, отражающие реальные связи, естественное соположение вещей в природе, присущие им действия и свойства (*переплывать океан, море, широкая река, увязнуть в болоте, попасть в водоворот, речная волна, всплеск волны, весеннее половодье, кипящая вода, мутная вода, мелкое озеро, льется, плещет, сочится, струится, хлынула вода, впитывать воду, плавать в воде, нырнуть из воды* и т. д.).

Каждый из членов сформированного таким образом денотативного поля является источником метафоризации, от каждого из них метафорические нити тянутся во всех направлениях, захватывая все семантические сферы. Например, от исходного значения глагола *течь* образуется ЯМ *течет песок, течет облака, текут слезы людей, течет пар, огонь, свет, запах, течет продукция, течет беда, музыка, текут дни, течет болезнь, текут доказательства, текут мысли* и т. д. Подобные пучки метафор, возникая вокруг каждого элемента денотативного поля, создают метафорическое поле. (См. схему 3).

Есть основание предполагать, что такой высокой степенью метафорической активности, создающей сложную (сдвоенную) структуру семантических полей, обладают все семантические группы, в которые входят обозначения природных и физических явлений и разного рода «стихий» (огонь, воздух, свет, цвет, звук

Вместе с тем неравномерность не означает прерывности. Поскольку периферийные члены семантических полей в своих вариантах могут проникать в пространство смежных полей [Караулов, 1976, с. 32], то уже это обстоятельство свидетельствует о свойстве ЯМ поддерживать «семантическую непрерывность словаря» [Караулов]. Однако непрерывность подтверждается и более отдаленными и опосредованными связями: разные метафорические поля могут оказаться связанными хотя бы одной смысловой нитью, протянутой между двумя ЯМ.

Таким образом, нити метафорических переносов, перекрещиваясь, создают сложный узор метафорических полей, неравномерно покрывающий лексическое пространство и по-своему украшающий картину семантической непрерывности словаря.

Круг семантических связей при метафоризации.

Вопрос о степени произвольности метафорического значения

Исчислив и проанализировав все семантические преобразования, реализуемые в пределах исследуемого семантического поля, мы обнаружили, что процессы регулярной метафоризации концентрируются вокруг определенного и ограниченного круга денотатов, в который входят следующие:

— **свет** (огни и т. п.): свет льется, течет, сочится, струится, выплывает...; волна, струя, потоки, всплеск... света; свет заливает комнату, обливает предметы; свет хлынул, брызнул, разлился...; море, океан, озеро, водопад... огней, света...;

— **газ** (воздух, дым, пар и т. п.): газ течет, вытекает, сочится, растекается...; поток, струя, волна... газа; воздух течет, разливается, струится, льется... воздушные реки; море воздуха; течение воздуха; струя, волна воздуха; приток воздуха; потоки воздуха; плыть по воздуху; ледяной воздух; пар течет, плывет, хлынул...; волна, струя пара; вынырнуть из пара; туман плывет, сочится, разливается...; нырнуть в туман; вынырнуть из тумана; дым сочится, струится, вытекает, подтекает, растекается...; струя дыма...;

— **запах** (аромат, зловоние и т. п.): запах течет, льется, плывет, сочится, хлынул, испарился...; волна, струя запаха; аромат течет, льется, плывет, разлился, хлынул; окунуться в аромат; зловоние потекло, растеклось...;

— **звук** (шум, голос, речь, музыка, мелодия и т. п.): звуки льются, плывут, разливаются, растекаются, хлынули...; звук вынырнул; водопад, каскад звуков; море звуков; прозрачный звук; музыка (мелодия) плывет, льется, плещет, выплеснулась, выплывает, хлынула...; погрузиться в музыку; музыка затопила зал; шум расплескался; всплеск, волна шума; голос вскипел, всплывает; ледяной голос; речь плещет, льется...; каскад красноречия...;

— **огонь** (пламя, пожар, искры, огни и т. п.): огонь выплеснул, хлынул, отхлынул, прихлынул...; волна, всплеск, выплеск,

струя. . . огня; нырнуть в огонь; вынырнуть из огня; пучина огня; потоки огня; пламя выплеснуло, хлынуло, отхлынуло, прихлынуло. . . ; волна, всплеск, выплеск, струя. . . пламени; нырнуть в пламя; вынырнуть из пламени; пожар растекается; искры брызнули; струи искр; огни переливаются, разливаются; море огней; каскад огней. . . ;

— **сыпучая субстанция** (песок, зерно и т. п.): песок течет, льется, сочится, стекает, вытекает, струится. . . ; пески затопили все пространство; струйка песка; море песков; утонуть в песках; погрузиться в песок; зерно течет, льется, сочится, стекает, вытекает, струится, хлынуло. . . ; струйка зерна;

— **совокупность людей** (обычно движущихся): толпа течет, кипит, хлынула, прихлынула, отхлынула, нахлынула, схлынула. . . ; вынырнуть из толпы; нырнуть в толпу; толпы слились, растеклись. . . ; люди текут, хлынули. . . ; прилив людей; приток (новых) людей; море людей; людской водоворот; приток работников, кадров; приток туристов; реки демонстрантов; волна атакующих; взбаламутить ребят. . . ;

— **чувства и состояния**: радость хлынула, нахлынула, брызнула, испарилась, кипит, плещет. . . ; прилив, волна, всплеск. . . радости; море радости; капля радости; купаться в радости; печаль прихлынула, отхлынула, испарилась. . . ; печаль глубокая, прозрачная. . . ; погрузиться в печаль; гнев (злоба, раздражение и т. п.) кипит, вскипает, закипает, испарился. . . ; выплеснуть гнев; волна, прилив, всплеск. . . гнева; ледяная злоба; сон глубокий; погрузиться, нырнуть. . . в сон; вынырнуть, выплыть. . . из сна; прилив сил, энергии, решимости; волна восторга; стремнина, половодье чувств; ледяное равнодушие; леденеть от ужаса; плещется беспокойство; капля жалости; море блаженства. . . ;

— **мыслительные процессы и явления духовной жизни**: жизнь течет, протекает, кипит, испарилась. . . ; течение, поток, водоворот, река. . . жизни; окунуться, погрузиться в жизнь; мелкая, многоводная. . . жизнь; жизнь — болото; свежая струя в жизни; мысли потекли, растеклись, нахлынули, отхлынули, кипят. . . ; поток, течение, всплеск. . . мыслей; мысль глубокая, мелкая, мутная, ледяная. . . ; мысль вынырнула, выплыла. . . ; погрузиться в мысли; море мысли; слова ледяные, пресные. . . ; поток слов; слово вынырнуло, выплыло. . . ; утонуть в словах; воспоминания нахлынули, всплыли, испарились. . . ; погрузиться, нырнуть, окунуться. . . в воспоминания; поток, течение. . . воспоминаний; вынырнуть из воспоминаний; излучины души; прозрачные стихи; водянистая статья; приток документов; утонуть в бумагах; свежая струя в искусстве; впитать новые идеи; всплыло известие; вынырнула подробность; всплыли факты; окунуться в творчество; волна протеста. . . ;

— **время**: течет время, текут годы, месяцы, дни, минуты; поток дней, времени; водоворот дней; море времени; река времени. . .

В пределах анализируемого семантического поля перечисленные группы денотатов последовательно и регулярно вовлекаются

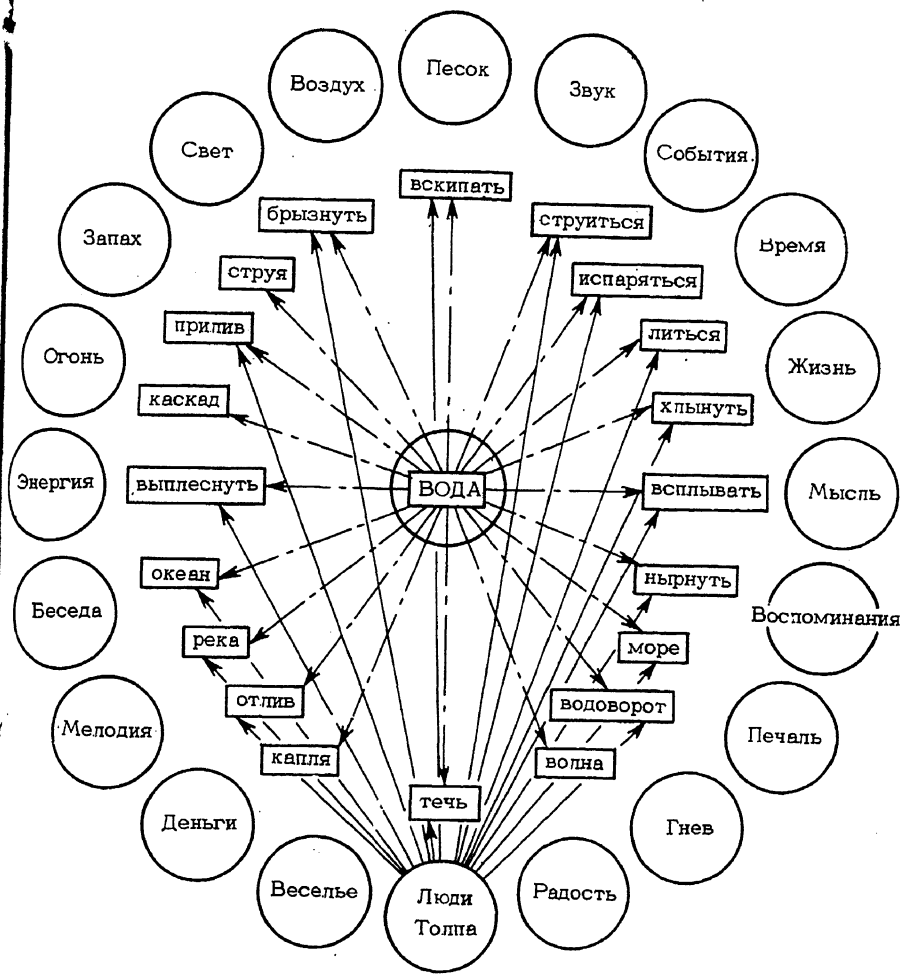

Схема 4. Фрагмент метафорического поля ВОДА: круг семантических связей группы денотатов „Совокупность людей”

в процесс метафоризации, захватывая все или многие элементы поля. (См. схему 4). Метафоризация в кругу других денотатов не имеет такого регулярного характера, метафоры возникают от случая к случаю и исчисляются единицами: *брызнули воробьи, брызнула зелень; каскад волос; прозрачные руки; струятся кудри, струится ткань; глубокий цвет; глубокий взгляд* и т. д.

Эти наблюдения подводят нас к вопросу о степени произвольности метафорического значения. Расширение семантических связей номинативного и метафорического значений было представлено В. В. Виноградовым следующим образом: круг связей номинативного значения соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительности: *каменный дом,*

каменный подвал, каменный пол и т. д. При метафоризации круг семантических связей произвольно расширяется, изменяется: *каменное лицо, каменное раздумье, каменный человек* и т. п. [Виноградов, 1953б, с. 12]. Как о частном случае В. В. Виноградов говорит далее о возможном ограничении такой произвольности, обусловленном тем обстоятельством, что «нередко в самом слове заложена возможность относиться к другим сходным объектам действительности» (там же).

Как показал исследуемый материал, круг связей при метафоризации расширяется отнюдь не произвольно, но всегда детерминирован объективными свойствами денотатов, вовлекаемых в метафорический процесс, — набором и сочетанием сем в семантической структуре исходного значения. В ЯМ не может актуализоваться сема, которая воспринималась бы в семантике ЯМ как парадоксальная; поэтому невозможно образовать ЯМ типа **всплеск камня, *деревянная струя, *струистый чугу́н, *брызнуло утомление, *всплеснулось недомогание, *льется кузнечик* и т. п. Парадоксальной может быть ХМ, но не ЯМ. В связи с этим, по-видимому, нуждается в уточнении положение Виноградова о произвольности расширения семантических связей при метафоризации: в действительности эти связи расширяются не произвольно, а в зависимости от объективных свойств тех денотатов, которые вступают в метафорический процесс.²⁵ Тогда ЯМ, связанные со словом «каменный», не смогут выйти за пределы тех денотатов, в которых в объективированной форме реализуются его исходные ядерные семы: «твердый», «тяжелый», «неподвижный»: *каменное лицо* (неподвижное), *каменный человек* (твердый), *каменное слово* (тяжелое), *каменная тоска* (тяжелая), *каменная стойкость* (не поддающаяся воздействию извне) и т. п. Языку не свойственны метафоры типа **каменный огонь, *каменное веселье, *каменный смех, *каменные переливы, *каменная песня, *каменный блеск* и т. п. Таким образом, метафорический ряд в языке (в отличие от метафорического ряда в художественном произведении) если не замкнут, как не замкнута любая лексическая микросистема и лексическая система в целом, то во всяком случае ограничен свойствами семантической структуры исходного номинативного значения.

Из сказанного можно сделать вывод, что само по себе существование в языке той или иной ЯМ косвенно свидетельствует о семантической структуре исходного значения — о наличии в нем семы, вошедшей в символ метафоры, даже если эта сема не обнаруживается при поверхностном взгляде и представляется противоречащей не только ЛЗ, но и психологически реальному значению слова.

²⁵ Идея полной произвольности номинации и языкового знака подвергнута критическому пересмотру в лингвистических работах последних десятилетий [Гальперин, 1981, с. 7 и след.]. Наши выводы подтверждают эти высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге изложена концепция системности ЯМ.

Исходя из понимания лексики как открытой и динамичной системы, состоящей из зон разной степени упорядоченности, мы обосновали системный характер ЯМ в четырех аспектах.

Первый аспект: ЯМ занимает в лексико-семантической системе языка определенное место. Семантические границы языковой метафоры проходят по линиям ее размежевания с художественной и генетической метафорой, а также и безобразным производным значением. Языковая метафора обнаруживает с этими семантическими явлениями принципиальные различия.

Второй аспект: пары денотатов, включающихся в метафорический процесс, образуют систему. Метафоризация исследуется в пределах выделенных 6 семантических сфер, охватывающих всю область человеческого опыта, всю действительность, как материально-предметную, так и объектно-идеальную: 1. Предмет. 2. Животное. 3. Человек. 4. Физический мир. 5. Психический мир. 6. Абстракция. Оказалось, что метафорическая лексика покрывает не отдельные участки языковой картины мира, а все ее семантическое пространство. Для проверки этой гипотезы была использована известная классификация Р. Халлига и В. Вартбурга, которая интерпретируется обычно как «языковая картина мира». Имеющаяся в нашем распоряжении метафорическая лексика при наложении на схему Халлига—Вартбурга покрыла ее целиком с незначительными лакунами.

Направления регулярных метафорических переносов от одной семантической сферы к другой также систематизированы.

Третий аспект: совокупность метафорической лексики, которая может быть названа метафорическим фондом языка, обнаруживает все основные виды системных связей и отношений, свойственных лексической системе в целом: последовательно метафоризируется лексика семантических полей и тематических групп, образуются метафорические синонимические ряды, антонимические пары, активно проявляются также метафорическая словообразовательная деривация и метафорический полисемантизм.

Четвертый аспект. В целях углубления взгляда на ЯМ как на системное языковое явление было рассмотрено семантическое поле с архилексемой ВОДА. Оказалось, что поле обладает сдвоенной структурой: первичное поле (исходное, номинативное) отражает естественные, реальные связи между объектами действительности. Практически каждый член исходного поля может подвергаться метафоризации, образуя метафорический пучок. Совокупность метафорических пучков формирует вторичное, метафорическое, поле, отражающее метафорические связи. Иными словами, элементы того или иного семантического поля, вступая в метафорический процесс, формируют метафорическое поле. Совокупность метафорических полей как пересекающихся и перекрещивающихся микросистем создает сложную структуру метафор, которая пронизывает всю систему языка.

Такова в самом общем виде концепция системности языковой метафоры.

В ходе исследования были выдвинуты некоторые новые понятия и введены соответствующие им термины, например понятие «символ метафоры»; внесены коррективы в некоторые известные теоретические положения, в частности, внесены уточнения в понятие коннотации, по-новому представлено явление «психологического параллелизма», выделены семантические типы языковой метафоры.

Идея системности ЯМ потребовала пересмотра объекта исследования: если при традиционном подходе языковая и художественная метафора рассматривались как единый объект лингвистического изучения, то в данной работе обосновывается положение о принципиальных различиях между этими категориями.

Дальнейшее системное исследование ЯМ предполагает более детальный анализ отдельных фрагментов этой системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 86—128.
- Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936. 341 с.
- Аристотель. Поэтика. Л., 1927. 120 с.
- Арнольд И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения слова // XXII Герценовские чтения: Иностранные языки. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1970. С. 87—90.
- Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977а. С. 304—357.
- Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977б. С. 188—206.
- Арутюнова Н. Д. Синтаксические функции метафоры // ИАН СЛЯ. 1978а. Т. 37, № 3. С. 251—262.
- Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // ИАН СЛЯ. 1978б. Т. 37, № 4. С. 333—343.
- Арутюнова Н. Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979а. С. 140—141.
- Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979б. С. 147—173.
- Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 156—249.
- Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). Вступ. ст. М., 1982. С. 5—40.
- Ахманова О. С. Вопрос о языковом значении и поиски семантических универсалий // Ахманова О. С. и др. О точных методах исследования языка. М., 1961. С. 24—32.
- Бабкин А. М. По вопросам русской лексикологии и лексикографии // Лексикографический сборник. Вып. IV. 1960. С. 3—14.
- Бабкин А. М. Слово в контексте и в словаре // Современная русская лексикография 1976. Л., 1977. С. 3—35.
- Балашов Н. И. Проблема референтности в семиотике поэзии // Контекст 1983. М., 1984. С. 149—167.
- Балашов Н. И. Структурно-реляционная дифференциация знака языкового и знака поэтического // ИАН СЛЯ. 1982. № 2. С. 125—135.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1955. 399 с.
- Балли Ш. Французская стилистика. Пер. с франц. М., 1961. 369 с.
- Басилая Н. А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний. Тбилиси, 1971. 78 с.
- Башляр Г. Предисловие к книге «Воздух и сны» // ВФ. 1987. № 5. С. 109—112.
- Башляр Г. Предисловие к книге «Поэтика пространства» // ВФ. 1987. № 5. С. 113—121.

- Бельский А. В.* Метафорическое употребление существительных (к вопросу о генитивных конструкциях) // Уч. зап. I МГПИИЯ. Т. VIII. Экспериментальная фонетика и психология речи. М., 1954. С. 279—298.
- Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990. 174 с.
- Бессарабова Н. Д.* Метафора как языковое явление // Значение и смысл слова / Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1987. С: 156—173.
- Бессарабова Н. Д.* Метафорические сочетания в общественно-публицистическом стиле русского литературного языка // НДВШ. ФН. 1979. № 1. С. 34—43.
- Бирвиш М.* Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 177—199.
- Биржакова Е. Э.* Об определениях в толковом словаре слов, обозначающих животных // Лексикографический сборник. Вып. 2. М., 1957. С. 74—80.
- Блинова О. И.* Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 3—11.
- Болинджер Д.* Атомизация значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 200—234.
- Брутян Г. А.* Язык и картина мира // НДВШ. ФН. 1973. № 1. С. 107—114.
- Будагов Р. А.* Многозначность слова // ФН. 1956. № 1. С. 5—18.
- Вандриес Ж.* Язык. М., 1937. 410 с.
- Василевич А. П.* К проблеме отбора материала для лексико-семантического описания группы слов // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 64—71.
- Васильев Л. М.* Сущность и структурные компоненты лексического значения // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964. С. 69—75.
- Васильев Л. М.* Единицы семантической системы языка // Вопросы семантики. М., 1971а. С. 46—53.
- Васильев Л. М.* Теория семантических полей // ВЯ. 1971б. № 5. С. 105—113.
- Васильева Э. В.* Семантическая характеристика зоонимов на микро- и макроуровне // Семантика слова и его функционирование. Кемерово, 1981. С. 28—34.
- Вейнрейх У.* О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970. С. 163—249.
- Вейнрейх У.* Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 50—176.
- Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология. М., 1982. 536 с.
- Вержибicka А.* Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 237—262.
- Вержибicka А.* Из книги «Семантические примитивы». Введение // Семиотика. М., 1983. С. 225—252.
- Верл М.* Общее литературоведение. Пер. с нем. М., 1957. 241 с.
- Веселовский А. Н.* Из истории эпитета (1895) // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 73—92.
- Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля. (1898) // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 125—199.
- Виноград Т.* К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 123—170.
- Виноградов В. В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // ИАН ОЛЯ. 1953а. Т. 12, вып. 3. С. 185—210.
- Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // ВЯ. 1953б. № 5. С. 140—161.
- Виноградов В. В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии // ВЯ. 1956. № 5. С. 80—94.
- Виноградов В. В.* Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // ВЯ. 1961. № 4. С. 3—19.
- Виноградов В. В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // ВЯ. 1966. № 6. С. 3—26.
- Виноградов В. В.* О поэзии Анны Ахматовой (1925) // Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 369—459.
- Вовк В. Н.* Языковая метафора в художественной речи. Киев, 1986. 144 с.

- Войтик Л. С. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале лексико-семантической группы наименований животных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975. 39 с.
- Войтик Л. С. Методика описания смысловой структуры наименований животных // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982. С. 98—103.
- Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978, 200 с.
- Вольф Е. М. Прилагательное в тексте // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 119—135.
- Воронин С. В. Синестезия и звукоимовизм // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 120—131.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 39—386.
- Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. 183 с.
- Гак В. Г. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова // ВЯ. 1966. № 2. С. 97—105.
- Гак В. Г. От толкового словаря к энциклопедии языка // ИАН СЛЯ. 1971. Т. 30, вып. 6. С. 524—530.
- Гак В. Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972а. С. 144—157.
- Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М., 1972б. С. 123—136.
- Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 73—92.
- Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977а. С. 230—293.
- Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977б. 264 с.
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. 459 с.
- Гальперин И. Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. Вступ. ст. М., 1980. С. 5—34.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 139 с.
- Гальперин И. Р. Гносеологический аспект двуязычных словарей и проблемы контрастной лексикографии // ИАН СЛЯ. 1982. Т. 41, № 6. С. 551—560.
- Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955. 463 с.
- Гегель. Наука логики // Гегель. Сочинения. Т. V. М., 1937. 715 с.
- Гегель. Наука логики. Т. II. Субъективная логика или учение о понятии // Гегель. Сочинения. Т. VI. М., 1939. 387 с.
- Гельгардт Р. Р. Несколько идей стилистики и общего языкознания в аспекте лексикографии // Сб. докладов и сообщений лингвистического общества. Калинин, 1973. Вып. 1. С. 25—128.
- Говердовский В. И. Контекст как источник семантических коннотаций // Исследования по семантике. Уфа, 1984. Вып. 10. С. 133—140.
- Говердовский В. И. Диалектика коннотации и денотации (взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // ВЯ. 1985. № 2. С. 71—79.
- Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. 217 с.
- Горбачевич К. С., Сороколетов Ф. П. Значение и оттенок в лексикографической практике // ИАН СЛЯ. 1975. Т. 34, № 6. С. 535—541.
- Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969. 563 с.
- Городецкий Б. Ю. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. Вступ. ст. М., 1983. С. 5—22.
- Григорьев В. П. Поэтика и лексикография // Тез. докл. межвузовского симпоз. составителей «Словаря М. Горького». Киев, 1966. С. 17—22.
- Григорьев В. П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. М., 1979. 343 с.
- Гридин В. Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 113—119.
- Гудавичюс А. Й. Семантический процесс антропоцентрической метафоризации (на примере зооморфизмов русского и литовского языков) // Семантические процессы в системе языка. Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1984. С. 24—27.

- Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 37—300.
- Гусев С. С. Наука и метафора. Л., 1984. 152 с.
- Девкин В. Д. Разновидности номинации // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1971. Т. 475. Вопросы немецкой филологии. С. 76—91.
- Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика. М., 1974. 254 с.
- Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. 253 с.
- Дондуа К. Метафора в широком смысле и метафора поэтическая // Язык и мышление. М.; Л., 1940. Т. IX. С. 57—64.
- Донецких Л. И. Реализация эстетических возможностей имен прилагательных в тексте художественных произведений. Кишинев, 1980. 156 с.
- Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. Пер. с франц. М., 1986. 392 с.
- Евгеньева А. П. Определения в толковых словарях // Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963. С. 7—21.
- Евгеньева А. П. Проект словаря синонимов. М., 1964. 46 с.
- Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978. 182 с.
- Жоль К. К. Мысль, слово, метафора. Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984. 303 с.
- Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45—108.
- Звегинцев В. А. Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова // Вестн. МГУ. 1955. № 1. С. 69—81.
- Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957. 323 с.
- Зыцарь Ю. В. О единстве сознания и различиях языков // ВЯ. 1984. № 4. С. 23—32.
- Караулов Ю. Н. Словарь и его свойства // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. К 80-летию С. Г. Бархударова. М., 1974. С. 106—113.
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. 355 с.
- Караулов Ю. Н. Об одной тенденции в современной лексикографической практике // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981. С. 135—166.
- Касарес Х. Введение в современную лексикографию. Пер. с исп. 1958. 354 с.
- Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 33—49.
- Кацитадзе Э. А. Метафоризация зоонимов в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1985. 20 с.
- Кацнельсон С. Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь // ИАН ОЛЯ. 1947. Т. VI, вып. 4. С. 302—316.
- Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965. 109 с.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. 216 с.
- Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978. 159 с.
- Кларк Е. В. Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психоллингвистика. (Сб. переводов зарубежных ученых). М., 1984. С. 221—240.
- Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. Пер. с нем. М., 1983. 302 с.
- Ковтун Л. С. Соотношение эстетического и логического компонентов в лексической номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 207—229.
- Ковтун Л. С. Описание метафоризации значений в толковом словаре литературного языка // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983. С. 46—60.
- Кожевникова Н. А. Об обратимости тропов // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 215—224.
- Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. 252 с.
- Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 99—146.
- Комлев М. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969. 192 с.

- Кондрашова О. В. Характеризующие существительные в современном русском языке. Функционально-семантический аспект: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1985. 21 с.
- Корольков В. И. Метафора // Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 794—797.
- Корольков В. И. Семасиологическая структура метафоры // Уч. зап. I МГПИИЯ им. М. Горького. Тр. каф. рус. яз. М., 1968. Т. 41. С. 49—72.
- Корольков В. И. О внеязыковом и внутриязыковом аспектах исследования метафоры // Уч. зап. I МГПИИЯ им. М. Горького. Тр. каф. рус. яз. 1971. Т. 58. С. 59—90.
- Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. (К формализации в языкознании). Л., 1975. 164 с.
- Крылова И. А. Некоторые аспекты лингвистического изучения метафоры // Уч. зап. Горьковского ун-та. Сер. лингвистическая. 1967а. Вып. 76. С. 98—107.
- Крылова И. А. О семантической природе метафоры // Уч. зап. Горьковского ун-та. Сер. лингвистическая. 1967б. Вып. 76. С. 108—119.
- Кулиев Г. Г. Метафора и научное познание. Баку, 1987. 157 с.
- Купина Н. А. Процесс образования метафорического слова // Вопросы лексикологии и лексикографии русского языка. Уч. зап. Свердловского пед. ин-та. 1969. Сб. 72. С. 39—49.
- Лавов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 133—176.
- Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи. (Семантические этюды) (1922) // Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1969. С. 27—53.
- Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи (Семантические этюды) (1925) // Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1969. С. 54—104.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. 337 с.
- Леви-Строс К. Структура мифа // ВФ. 1970. № 7. С. 152—164.
- Левин Ю. И. Русская метафора: синтез, семантика, трансформация // Уч. зап. Тартуского ун-та. 1969. Вып. 236, ч. IV. С. 290—305.
- Левин Ю. И. Структура русской метафоры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. 2. С. 293—299.
- Лейн М. Д. О структуре понятия, передаваемого эмоциональным значением слова, и методе ее исследования // Системное описание лексики германских языков. Л., 1976. Вып. 1. С. 100—106.
- Лендьел Л. «Переносное значение» или «образное употребление» слов? // Лексикология и лексикография. М., 1972. С. 48—72.
- Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Предикативные характеристики в позиции обращения // Вопросы языка и литературы. Вып. II, ч. I. Новосибирск, 1968. С. 50—87.
- Литвиненко А. С. Термин и метафора // Уч. зап. I МГПИИЯ. 1954. Т. 8. С. 253—278.
- Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. 479 с.
- Лузина Л. Г. Образное познание и его выражение языковыми средствами // Категории и законы марксистско-ленинской диалектики и язык. М., 1984. С. 45—68.
- Лукьянова Н. А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 12—41.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Вопросы семантики. Новосибирск, 1986. 227 с.
- Льюиз Д. Общая семантика // Семантика. М., 1983. С. 253—284.
- Лясота Ю. Л. Метафоризация как один из основных законов развития словарного состава языка // Уч. зап. Дальневосточного ун-та, 1957. Вып. 1. С. 54—66.
- Лясота Ю. Л. Понятие о контекстуальной (метафорической) группе // Уч. зап. Дальневосточного ун-та. 1962. Вып. 5. С. 93—98.
- Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. М., 1980. 210 с.
- Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974. 202 с.
- Морковкин В. В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981. С. 153—165.

Некрасова Е. А. Метафора и ее окружение в контексте художественной речи // Слово в русской советской поэзии. М., 1975. С. 76—110.

Некрасова Е. А. Сравнения общезыкового типа в аспекте сопоставительного анализа художественных идиомов // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 225—237.

Никитин М. В. О семантике метафоры // ВЯ. 1979. № 1. С. 91—102.

Никифорова О. И. Восприятие метафоры // Уч. зап. ИМГПИИЯ. 1954. Т. 8. С. 299—318.

Пауль Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. М., 1960. 500 с.

Першаева В. В. Опыт экспериментального определения значения зоосемизмов в русском языке // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982. С. 53—58.

Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984. 222 с.

Потебня А. А. Из записок по теории словесности (1905) // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 286—463.

Потебня А. А. Мысль и язык (1862) // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35—220.

Пропл В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. 325 с.

Рахманова Л. И. Метонимия в газете // Значение и смысл слова / Под. ред. Д. Э. Розенталя. М., 1987. С. 138—144.

Рифтин А. П. Категории видимого и невидимого мира в языке // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1946. Вып. 10. С. 136—153.

Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М., 1980. С. 69—97.

Розина Р. И. Принципы классификации в лексической семантике (имя существительное). М., 1982. 65 с.

Романова Н. П. О метаязыке раздела лексикологии, изучающего экспрессивную лексику // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 147—159.

Росинене С. И. Характеристика человека зоонимами в литовском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1978. 21 с.

Росинене С. И. Системность в семантике зооморфизмов литовского языка // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985. С. 67—77.

Рыжкина О. А. Системное описание зооморфизмов в русском языке (в сопоставлении с английским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 20 с.

Рышков Л. Н. Метафорические сочетания в языке художественной литературы XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1981. 40 с.

Сапорта С. Применение лингвистики в изучении поэтического языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М., 1980. С. 98—115.

Сахарный Л. В. Есть ли у слова внеситуативное значение. Опыт психолингвистического эксперимента. // Живое слово в русской речи Прикамья. 1974. Вып. 4. С. 41—49.

Сахарный Л. В., Доценко Т. И. Толкование слова как результат работы механизма текстообразования // Деривация и текст. Пермь, 1984. С. 149—155.

Сергеев В. Н. Зооморфизмы в языке и в словаре // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983. С. 64—72.

Серебрянников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. 319 с.

Сеченов И. М. Элементы мысли. Л., 1943. 220 с.

Скворецкая Е. В. Экспрессивные возможности глаголов психического воздействия в русском языке // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 42—50.

Скляревская Г. Н. Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Л., 1978. С. 101—111.

Скляревская Г. Н. К вопросу о метафоре как объекте лексикографии // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983. С. 53—63.

Скляревская Г. Н. Речь на кн.: О. А. Черепанова. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983 // Русский фольклор. Л., 1987а. Т. 24. С. 186—191.

Скляревская Г. Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // ВЯ. 1987б. № 2. С. 58—65.

- Скляревская Г. Н. Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // ВЯ. 1988. № 3.
- Скляревская Г. Н. Категория образности и толковый словарь литературного языка // Советская лексикография. М., 1988б. С. 88—100.
- Скляревская Г. Н. Лексикографическая стилистика: состояние и проблемы // Словарные категории / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1988в. С. 150—155.
- Скляревская Г. Н. Опыт системного описания языковой метафоры в слове // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном слове / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1988г. С. 63—68.
- Скляревская Г. Н. Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики. Раздел 1. Языковая метафора как категория лексикологии. Институт русского языка АН СССР. Препринт № 1 за 1988 г. М., 1988д. 52 с.
- Скляревская Г. Н. Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики. Раздел 2. Языковая метафора как категория лексикографии. Институт русского языка АН СССР. Препринт № 2 за 1988 г. М., 1988. 54 с.
- Скорородько Э. Ф. О семантической природе некоторых видов образного словоупотребления // Вопросы стилистики. Саратов, 1962. С. 155—164.
- Смирницкий А. И. Значение слова // ВЯ. 1955. № 2. С. 79—89.
- Сомова Е. Г. Фонетическое и лексическое значение в слове и тексте // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982. С. 154—158.
- Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976. 103 с.
- Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 156 с.
- Стернин И. А. Экспрессивное употребление слов тематической группы «огонь» в лирике А. Блока // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 78—83.
- Стернин И. А. Системное значение слова и его реализация в речи // Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1984. С. 66—74.
- Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985а. 171 с.
- Стернин И. А. Экспериментальное выявление периферийных сем роста, размера в значении русских существительных // Психолингвистические исследования. Лексика. Фонетика. Калинин, 1985б. С. 14—18.
- Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 129—221.
- Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 250—319.
- Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981. 269 с.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1985. 142 с.
- Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования // Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т. 1. С. 18—52.
- Трипольская Т. А. О методике выявления коннотативных компонентов семантики экспрессивного слова // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 51—61.
- Трипольская Т. А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание (На материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Новосибирск, 1984. 21 с.
- Турачина Н. А. Особенности именной метафоры в поэзии В. Маяковского (лексический и семантический аспекты): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1987.
- Тюхтин В. С. О природе образа. М., 1963. 123 с.
- Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. 1972. Вып. V. С. 293—299.
- Ульман С. Стилистика и семантика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М., 1980. С. 227—253.
- Уфимцева А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка // ВЯ. 1962а. № 4. С. 36—46.
- Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962б. 287 с.
- Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. 272 с.
- Уфимцева А. А. Лексико-семантическая структура языка // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 417—455.

- Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974. 206 с.
- Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 5—80.
- Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Зачесова И. А. Психологические исследования семантики речи // Психологические и психо-физиологические исследования речи. М., 1985. С. 45—66.
- Федоров А. И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969. 92 с.
- Фельдман Н. И. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях // Лексикографический сборник. 1957. Вып. 1. С. 9—35.
- Филин Ф. П. О новом толковом словаре русского языка // ИАН ОЛЯ. 1963. Т. XXII, вып. 3. С. 177—189.
- Филлипов А. В. О проблеме коннотации // ВЯ. 1978. № 1. С. 57—63.
- Фрумкина Р. М. Смысл и сходство // ВЯ. 1985. № 2. С. 22—31.
- Харченко В. К. Взаимодействие коннотативных признаков, созначений в семантике слова // Лексическое и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 47—52.
- Харченко В. К. Лексико-семантическая группа как отражение системности переносных значений и как прием анализа системности // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985. С. 57—66.
- Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975. 232 с.
- Черемисина М. И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 3—11.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983. 169 с.
- Черкасова Е. Т. О метафорическом употреблении слов // Исследования по языку советских писателей. М., 1959. С. 5—89.
- Черкасова Е. Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора) // ВЯ. 1968. № 2. С. 28—38.
- Черкасова Н. А. Особенности метафорического употребления прилагательных в прозе А. А. Фадеева // Очерки по лексикологии. Л., 1974. С. 3—14.
- Шаховский В. И. Эмоционально-оценочно-образная потенция словарных знаков // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980. Вып. 9. С. 23—31.
- Шаховский В. И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982. С. 29—34.
- Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь: (Специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX—X. М., 1981. С. 166—178.
- Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964а. 243 с.
- Шмелев Д. Н. Слово и образ. М., 1964б. 120 с.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 280 с.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 335 с.
- Шмелев Д. Н. Способы номинации в современном русском языке. Введение. М., 1982. С. 3—44.
- Шрамм А. Н. Психолингвистические основы восприятия семантики качественных прилагательных // Восприятие языкового значения. Калининград, 1980. С. 54—63.
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании (1931) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24—39.
- Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии (1940) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265—304.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Отдел 1. Философия // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 5—149.
- Язикова Ю. С. Анализ метафор стиля повести М. Горького «В людях» // Уч. зап. Дальневосточного ун-та. 1962. Вып. 5. С. 127—137.
- Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. 359 с.
- Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. 359 с.
- Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака (1935) // Роман Якобсон. Работы по поэтике. М., 1987. С. 324—338.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193—230.

Albrecht E. Über den Zusammenhang von Sprache, Gesellschaft und Denken // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft . . . 1978. Bd 31, Hf 2. S. 121—131.

Bierwisch M. Poetik und Linguistik // Mathematik und Dichtung. München, 1965, S. 49—65.

Black M. Models and metaphors. Studies in language and philosophy. Ithaka. N.-Y., 1962. 162 p.

Bochmann K. Zum theoretischen Status und operativ Wert der Konnotation // Linguistische Arbeitsberichte. Karl-Marx-Universität. Sektion Theoretische und Angewandte Sprachwissenschaft. 1974. N 10. S. 24—38.

Erdmann O. Die Bedeutung des Wortes. Leipzig, 1925. 226 S.

Fresnault-Deruelle P. Metaphores/metamorphoses/figurabilite // Languages. 1984. N 75. S. 55—76.

Gerhardt D. Wörter und Sachen // Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. 1949. Hf 5—6. S. 361—364.

Hallig R., Wartburg W. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. Berlin, 1963. 316 S.

Hänse G. Zur Behandlung expressiver Lexik im Deutschunterricht für Ausländer // Deutsch als Fremdsprache. 1975. Hf 6. S. 370—375.

Haubrich W. Die Metaphorik des Sports in der deutschen Gegenwartssprache // Der Deutschunterricht. 1968. Bd 20, Hf 5. S. 112—133.

Helmer J. Metaphor // Linguistics. 1972. Bd 88. S. 5—14.

Henry A. Metonymie et metaphore. Bruxelles, Palais des academies. 1984. 245 p.

Ingendal W. Die Metaphorik und die sprachliche Objektivität. Brauchen wir noch den Begriff "Metaphor"? // Wirkendes Wort. 1972. Bd 22, Hf 4. S. 268—274.

Jünger F. G. Sprache und Denken. Frankfurt-Mein, 1962. 232 S.

Klaus G. Semiotik und Erkenntnistheorie. Berlin, 1973. 182 S.

Liewehr F. Über expressive Sprachmittel im Slawischen // Zeitschrift für Slawistik. 1958. Bd 3, Hf 1. S. 11—27.

Lohmann J. Philosophie und Sprachwissenschaft. Erfahrung und Denken. Berlin, 1965. Bd 15. S. 31—64.

Ondrus P. Semanticka struktura slova // Jazykovedne studie. 1981. T. 16. S. 179—184.

Porzig W. Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft. Bern, 1957. 424 S.

Schifko P. Die Metonymie als universales sprachliches Strukturprinzip // Grazer Linguistische Studien. 1979. Bd 10. S. 240—264.

Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. Ein Beitrag zur Theorie der Wortbildung. Berlin, 1986. 130 S.

Trier J. Aufsätze und Vorträge zur Wortfeldtheorie. The Hague — Paris, 1973. 216 S.

Wartburg W., Hallig R. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. Berlin, 1963. 316 S.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

- Ахманова — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
 БАС — (Большой академический словарь) Словарь современного русского литературного языка АН СССР в 17 т. М., 1950—1965.
 Даль — Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М., 1955 (по второму изданию 1880—1882 гг.).
 КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия. Т. IV. М., 1967.
 ЛОРЯ — Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1984.
 ЛЭС — Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
 МАС₂ — (Малый академический словарь) Словарь русского языка АН СССР в 4 т. 2-е изд. М., 1981—1984.
 РЯЭ — Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
 САТГ — Словарь автобиографической трилогии М. Горького. В 6 вып. с приложением словаря имен собственных. Основан проф. Б. А. Лариным. Вып. 1—5. Л., 1974—1986.
 СНС₇₁ — (Словарь новых слов) Новые слова и значения. По материалам прессы и литературы 60-х гг. / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. Л., 1971.
 СНС₈₄ — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984.
 СО₉ — Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 9-е изд. М., 1972.
 СС — Словарь синонимов русского языка (в 2 т.) / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1970.
 Тихонов — Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка (в 2 т.). М., 1985.
 ТСУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938—1940.
 УСС — Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. М., 1978.
 Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973.
 ФЭ — Философская энциклопедия (в 5 т.).
 ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Условные сокращения

1. Сокращения терминов

- БПЗ — безобразное производное значение
 ГМ — генетическая метафора
 ЛЗ — лексическое значение
 ЛСВ — лексико-семантический вариант

ХМ
ЯМ

- художественная метафора
- языковая метафора

2. Сокращения словарей и справочников
(см. Словари и справочники. Условные сокращения)

3. Прочие сокращения

- ВФ — «Вопросы философии»
- ВЯ — «Вопросы языкознания»
- ИАН ОЛЯ — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка»
- ИАН СЛЯ — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка»
- НДВШ — «Научные доклады высшей школы»
- ФН — «Филологические науки»
- ЯНВН — Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977
- ЯНОВ — Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие		3
Введение		5
Глава 1. Теоретическая база и основные постулаты исследования		12
Глава 2. Логика метафоры		20
Метафора и миф		21
Особенности мифологического мышления		21
Формальная логика и «логика» воображения»		26
Глава 3. Место языковой метафоры в лексико-семантической системе языка		29
Вопрос о семантических границах языковой метафоры		29
<u>Языковая и художественная метафора</u>		30
Языковая метафора и безобразное производное значение		39
Языковая и генетическая метафора		41
Глава 4. <u>Семантический посредник метафоризации. Семантические виды языковой метафоры</u>		44
Символ метафоры		44
Семантические виды языковой метафоры		48
Глава 5. Языковая метафора и систематика действительности «Языковая картина мира»		65
Классификация денотатов, вовлеченных в метафорический процесс		67
Типы регулярных метафорических переносов в языке		80
Типы нерегулярных метафорических переносов в языке		95
Языковая метафора в социально-психологическом аспекте		100
Глава 6. Семантическое поле ВОДА. Системные связи и отношения, реализуемые в пределах поля		113

Понятие метафорического поля. Принципы упорядочения денотативного и метафорического полей	113
Системная организация метафорического поля ВОДА	120
Круг семантических связей при метафоризации.	
Вопрос о степени произвольности метафорического значения	133

Заключение	137
----------------------	-----

Литература	139
----------------------	-----

Словари и справочники	148
---------------------------------	-----

Условные сокращения	148
-------------------------------	-----

Галина Николаевна Складневская

Метафора в системе языка

Утверждено к печати
С.-Петербургским отделением
Института лингвистических исследований
Российской академии наук

Редактор издательства *Е. А. Ушакова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *С. В. Тимофеева*
Корректор *Г. И. Тимошенко*

ИБ № 45070

ЛР № 020297 от 27.11.91 г.

Сдано в набор 03.12.91.

Подписано к печати 16.02.93.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Фотонабор. Гарнитура литературная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10.0

Усл. кр.-от. 10,19. Уч.-изд. л. 11,22.

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 1709. С 550.

Санкт-Петербургская издательская фирма ВО «Наука»
199034, С.-Петербург,
В-34, Менделеевская лин., 1.

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука»
199034, С.-Петербург, В-34, 9 линия, 12.